

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Кафтан Виктор Витальевич

**СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: СПЕЦИФИКА, ТЕНДЕНЦИИ РАЗ-
ВИТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Петрий П.В.

Москва – 2019

Оглавление

Введение.....	3
Раздел I. Сущность и специфика социогуманитарных технологий современной информационной войны.....	15
Раздел II. Динамика и тенденции развития социогуманитарных технологий в контексте информационной войны	66
Раздел III. Основные направления оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны	119
Заключение	162
Список литературы	174

Введение

В последние годы информационная война развивается динамично и приобретает все более качественную модальность, выступая в качестве «интеллектуального» инструмента в руках западных социально-политических акторов по скрытному, «точечному» управлению и контролю сознания и поведения современного индивида и общества, изменению глобальных и региональных социосистем, а также конструированию мнимых социальных реальностей. Так, по мнению А.И. Горячева, это форма ведения войны характеризуется как «страшный и пока еще не запрещенный вид оружия массового поражения. При нарастающей интенсивности и изощренности его применения у человечества нет будущего... Это оружие и смертоносно, и негуманно: оно разрушает душевную сущность человека, лишая его главной основы жизнеспособности... являясь побудительным мотивом к суицидальным действиям, широкомасштабным протестным действиям, экстремистским выступлениям, террористическим актам, крупным вооруженным столкновениям и т.д.»¹. Такой статус обусловлен, в первую очередь, глобальной информатизацией и алгоритмизацией жизнедеятельности современного социума, а также наличием на международной политической арене острой напряженности между ее различными субъектами по поводу организации собственных проектов глобального миропорядка.

Данная форма войны предполагает под собой наличие определенных методов и технологий информационного воздействия. Сегодня, в рамках спора между представителями технических и социально-гуманитарных наук, ряд западных экспертов отмечает тенденцию к повышению значимости содержательного компонента современного информационного противоборства, а именно к усилению внимания к знанию о человеке и его природе (социально-гуманитарному знанию) как фундаментальной основы деструктивных и

¹ Горячев А.И. Социально-гуманитарное знание в контексте информационной войны // Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 69-76.

информационно-манипулятивных технологий информационной войны. Такое осмысление создает новые направления и возможности в разработке более изощренных механизмов и способов влияния на российское общество, государство и армию, которые можно обозначить как социогуманитарные технологии ведения информационной войны.

Более конкретно актуальность исследуемой темы обусловлена следующими обстоятельствами:

Во-первых, динамичным развитием коммуникаций, которое приводит к переходу в их понимании от технического средства к социальному инструменту, способному к искажению, деконструкции и симуляции социальной действительности.

Во-вторых, мультипарадигмальностью природы социогуманитарного знания, которое предполагает наличие множества альтернативных научно-исследовательских программ, которые могут выступать теоретическими основаниями военных информационно-коммуникативных технологий. Сегодня социогуманитарное знание, представляемое ранее как человеческое, гуманное, основным ориентиром развития избирает техногуманизм, в котором личность и общество рассматриваются как вещь, предмет социального конструирования и манипуляций.

В-третьих, изменением самой специфики информационной войны, которая приобретает более индивидуальный, точечный характер: использование социальных сетей, изменение идентичности и трансформация идеалов. В этой связи необходим учет того обстоятельства, что западные фабрики мысли во взаимодействии с ведущими специалистами социогуманитарных наук активно используют различные теоретические парадигмы для разработки и репрезентации информационно-коммуникативных технологий в целях повышения эффективности информационных войн.

В-четвертых, в необходимости оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны и выработки эффективной стратегии по активизации наиболее адекватной коммуникативной деятельности в условиях их

реализации, отвечающей всем требованиям ведения современного информационного противоборства. А именно— предложить некоторые варианты использования социогуманитарных технологий информационной войны в целях противодействия предпринимаемым попыткам манипулирования и де-конструирования сознания российского социума.

Таким образом, проблема исследования социогуманитарных технологий информационной войны в условиях формирования современного российского социума приобретает по важности изучения одно из первостепенных значений в сфере обеспечения военной безопасности на уровне личности, общества и государства в целом.

Степень научной разработанности проблемы. Представление об уровне социально-философского осмысления социогуманитарных технологий современной информационной войны можно составить на основе анализа имеющихся теоретических источников, объединив их в следующие группы.

В *первой группе* представлены труды, в которых рассматривается информационная война как социальное явление. Так, Д.А. Волкогонов, М. ван Кревельд, М. Маклюэн, Г.Г. Почепцов, Э. Тоффлер, К. Фиоре, У. Эко и др.¹ уделяли свое внимание сущностным признакам информационной войны и анализу ее современных трансформаций.

В трудах М.А. Гареева, Б.И. Каверина, В.А. Лисичкина, Е. Месснера, И.М. Попова, Л.В. Савина, С.А. Тюшкевича, М.М. Хамзатова и др. ученых рассматриваются коммуникативные практики информационной войны².

¹См.: Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания. М., 1983; Кревельд М. Трансформация войны. М., 2005; Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012; Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.; Киев, 2000; Тоффлер Э. Война и антивоина. М., 2005; Эко У. Осмысляя войну // Пять эссе на темы этики. СПб., 2000 и др.

²См.: Гареев М.А. Россия в войнах XX века // Будущая война. М., 2005; Каверин Б.И. Цивилизационная концепция войны и армия // Военно-философский вестник. 2008. № 1. С. 104-113; Лавренов С.Я. Война XXI века. М., 2005; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003; Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004; Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. М., 2016; Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002; Тюшкевич С.А. Новый передел

Ко второй группе отнесены труды авторов, которые с разных позиций рассматривают социогуманитарное знание как основу технологий современных информационной войны. Так, в работах А.А. Аргамаковой, С.Я. Левита, М.Н. Эпштейна анализируются особенности социогуманитаристики по сравнению с другими научными направлениями познания¹.

К этой группе правомерно отнести и работы М.М. Бахтина, П. Бурдье, М.С. Кагана, М. Кастельса, Б. Латура, К. Юнга, М. Фуко, Ю. Хабермаса и др.², которые посвящены выявлению наиболее значимых оснований специфики социогуманитарного знания: ценностей, текста, дискурса, архетипов, практик, коммуникаций.

К третьей группе следует отнести работы, отражающие различные подходы к изучению социогуманитарных технологий. В частности, сущностные особенности социогуманитарных технологий разрабатывали А.И. Горячев, И.Т. Касавин, В.М. Лейбин, В.П. Лекторский, И.А. Мальковская и др.³

Исследованию содержательных аспектов указанных технологий посвящены труды В.В. Грановского, С.А. Дацюка, А.А. Трунова, Е.И. Черниковой

мира М., 2004; *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или бессилие политики. СПб., 2006; *Савин Л.В.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. СПб., 2016 и др.

¹См.: *Аргамакова А.А.* Насколько гуманитаристика может быть социально полезной // *Философские науки.* 2016. № 8. С. 91-99; *Левит С.Я.* Гуманитарное знание и вызовы времени / сост. С.Я. Левит. М.; СПб., 2014.; *Эпштейн М.Н.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004; его же. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб., 2016.

²См.: *Бахтин М.М.* Автор и Герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000; *Бурдье П.* Социология социального. СПб.; М., 2007; *Каган М.С.* Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века.* СПб., 2001. С. 9-14; *Кастельс М.* Власть коммуникации. М., 2016; *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества. СПб., 2013; *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1997; *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001; *Юнг К.* Человек и его символы. Серебряные нити. М., 2017 и др.

³См.: *Горячев А.И.* Природа и специфика социально-гуманитарного знания / *Философия науки: Учебное пособие: В 2 ч.* / Под общ. ред. проф. А.И. Дырина. М., 2007; Он же. Социально-гуманитарное знание в контексте информационной войны // *Военный академический журнал.* 2015. № 1 (5). С. 69-76; *Наука и социальные технологии* / Ред. И.Т. Касавин. М., 2011; *Лейбин В.М.* Роль информационно-коммуникационных технологий в изменении отношений между воображаемым, символическим и реальным // *Вопросы философии.* 2011. № 6. С. 93-102; *Лекторский В.П.* Социальные технологии и человек // *Философия, познание, культура.* М., 2012. С. 170–180; *Мальковская И.А.* Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы. М., 2008 и др.

и др.¹, в которых рассматриваются информационно-коммуникативные характеристики социогуманитарных технологий.

О.Е. Баксанский, Т.В. Евгеньева, С.Г. Кара-Мурза, Э.Э. Шульц изучали властное измерение социогуманитарных технологий и их влияние на манипуляцию массовым сознанием².

В четвертой группе представлены исследования, направленные на уяснение взаимосвязи социогуманитарных технологий с информационной войной. Так, весьма обстоятельно подобные проблемы рассмотрены в работах И.Ю. Алексеевой, С.Н. Бухарина, В.А. Щипкова, А.В. Манойло, Д.Н. Щербины и др.³

Сотрудники западных «фабрик мысли» Д. Аркуила, Б. Дженскинс, Д. Ронфельд, З. Халилзад и др.⁴ предметом своего исследования сделали социально-гуманитарные характеристики различных концепций современных информационных войн.

¹См.: *Дацюк С.А.* Гуманитарные технологии как инструменты влияния// Центр гуманитарных технологий.2006. 8 авг. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2749> (дата обращения: 12.09.2018); *Дацюк С.А., Грановский В.В.* Гуманитарные технологии: проблемное пространство// Центр гуманитарных технологий.2006. 8авг. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2661> (дата обращения: 08.07.2018); *Трунов А.А., Черникова Е.И.* Технологии «паблик рилейшнз» в трансформирующейся цивилизации модерна (опыт философско-культурологического исследования). СПб., 2007 и др.

²См.: *Баксанский О.Е.* Технологии манипуляций массами. Реклама, маркетинг, PR – когнитивный подход. М., 2019; *Евгеньева Т.В.* Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. СПб., 2007; *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М., 2015; *Матвейчев О.А.* Уши машут ослом: современное социальное программирование. СПб., 2014; *Шульц Э.Э.* Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. М., 2018 и др.

³См.: *Алексеева И.Ю.* Гуманитарные технологии в контексте информационной войны. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/48effe96f966df5644257f79004a27cf> (дата обращения: 02.03.2018); *Бухарин С.Н.* Методы и технологии информационных войн М., 2007; *Щипков В.А.* Смех, табу и другие гуманитарные технологии. М., 2017; *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018; *Щербина Д.Н.* Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2016 и др.

⁴См.: *Arquilla J., Ronfeldt D.* Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica: Rand. National Defense Research Institute, 2000; *Jenkins B.* Waging War Beyond the Battlefield Remarks at the Celebration of 50 Years at RAND. 2018. 8 November. URL: https://www.rand.org/pubs/corporate_pubs/CP916.html (дата обращения: 02.03.2018); *The Changing Role of Information in Warfare* // Ed. by Z. Khalilzad, J. White, A. Marshall. Santa-Monica: RAND Corp., 1999. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1016.html (дата обращения: 02.03.2018) и др.

В пятой группе выделяются работы, идеи которых могут быть использованы для анализа различных сторон оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны и выработки перспективных направлений их развития в целях укрепления информационной и военной безопасности страны в современных условиях. Подобного рода идеи и предложения можно найти в исследованиях А.А. Богданова, И. Гофмана, Т. Котарбиньского, Л. фон Мизеса, В.В. Кафтана, П.В. Петрия, М.М. Курочки и др. ученых-праксиологов¹.

Вместе с тем следует признать, что исследователи проблем социогуманитарного содержания информационной войны оставили неизученными такие вопросы, как влияние социогуманитарных технологий на военную активность, усиление возможностей информационной войны и ее влияние на общество. Кроме того, не получила должного освещения проблема содержания социогуманитарного воздействия с помощью соответствующих технологий на общественное сознание в целях социальных изменений, выражающегося в стремлении навязать определенное видение социальной реальности. Также остались не до конца выясненными последствия репрезентации деструктивных социогуманитарных технологий и возможности их использования российским обществом и армией в ходе информационного противоборства.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что проблема социогуманитарных технологий современной информационной войны, оказывающей активное влияние на современные социальные процессы, не получила соответствующей разработки в рамках социального знания и требует проведения специального исследования с помощью социально-философского анализа.

¹См.: Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989; Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004; Котарбиньский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. Мизес Л. фон Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск., 2006; Кафтан В.В. Дегероизация массового сознания современного российского общества. Ельца., 2015; Кафтан В.В., Петрий П.В. Аксиология воинского служения: монография. М., 2017; Курочко М.М. Паноппия войны как методология анализа гибридных войн // Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола 29.01.2015 г. М., 2015 и др.

Актуальность исследовательской задачи, предпосылки ее научного и практического решения определили объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объектом исследования является информационная война как социальное явление. *Предметом исследования* – сущность, специфика и тенденции развития социогуманитарных технологий информационной войны в современных условиях функционирования российского государства и социума, а также основные направления оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны.

Цель исследования состоит в социально-философском анализе сущности, специфики, динамики и тенденций развития социогуманитарных технологий в условиях современной информационной войны, а также выработки и обоснования основных направлений оптимизации социогуманитарных технологий в современных условиях глобального информационного противоборства.

Для реализации цели необходимо разрешение целого ряда взаимосвязанных научных задач, к числу которых относятся:

1. Определение сущностных черт социогуманитарных технологий информационной войны как духовно-практического феномена современности;
2. Выявление содержания и специфики социогуманитарных технологий информационной войны в современных условиях;
3. Анализ динамики и обоснование тенденций развития социогуманитарных технологий современной информационной войны;
4. Определение и обоснование основных направлений оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в контексте современного информационного противоборства.

Гипотезой исследования является обоснование, что наиболее эффективными технологиями современной информационной войны выступают особые информационно-коммуникативные практики, сконструированные на основе различных социогуманитарных концепций, с помощью которых особым об-

разом программируется социальное пространство в интересах социально-политических акторов в целях переформатирования массового сознания противника для достижения информационного контроля и разрушения его устойчивого взаимодействия и социальной солидарности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные положения социальной философии, коммуникативистики, лингвистической науки, а также соответствующий понятийно-категориальный аппарат. В диссертации исследуются феномены общественного и индивидуального сознания, возможности архетипического, лингвистического, знаково-символического содержания современных социогуманитарных технологий, особенности их создания, воспроизводства и распространения. В исследовании представлены итоги осмысления социогуманитарных технологий информационных войн на разных этапах развития социальной реальности, применительно к России и миру, содержащихся в трудах различных научных институтов, в диссертационных исследованиях, в статьях научных и общественно-политических изданий.

В исследовании активно использовались принципы философского анализа: функционально-деятельностного, организационно-системного, дискурс-анализа, лингво-аналитического, семиотического, мифологического, структурно-содержательного и т.д. Кроме того, применялись также и более конкретные методы: феноменологический, постструктуралистский, постмодернистский и др.

Эмпирическую базу исследования составили результаты контент-анализа научных трудов, публикаций научной периодики, а также данные и результаты ряда специальных исследований в области социально-гуманитарных наук.

Научная новизна диссертационного исследования выражается:

1) в выявлении и уточнении сущностных черт понятия «социогуманитарная технология информационной войны» и обосновании авторского подхода к определению его сущности как духовно-практического феномена;

2) в раскрытии и конкретизации содержания социогуманитарных технологий информационной войны, определении их специфики в условиях современного информационного противоборства;

3) в исследовании динамики социогуманитарных технологий информационной войны и обосновании тенденций их развития в контексте современного глобального информационного противоборства;

4) в определении содержания оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны и в предложении основных направлений их оптимизации в условиях развития российского социума.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. *Социогуманитарная технология информационной войны (СГТ ИВ)* представляет собой целенаправленную, системно-организованную форму и алгоритм деятельности акторов общественного развития, включающий в себя широкий спектр информационно-коммуникативных средств, основанных на знании социогуманитарного характера, и воздействующую на мировоззренческую и поведенческую природу человека.

2. Содержание социогуманитарных технологий информационной войны образуют: а) *субъекты* социогуманитарного воздействия (заказчики – государственные структуры, транснациональные корпорации, террористические и преступные организации и т.д.; исполнители – ученые, символические аналитики, специалисты в сфере PR и т.д.); б) *объекты* социогуманитарного воздействия – структурные элементы сферы социально-гуманитарной природы человека, такие, как ценности, история, культура, языковое, символическое и коммуникативное пространства и др.; в) *цели* социогуманитарного воздействия; г) *коммуникативные каналы* реализации социогуманитарного воздействия (естественные и искусственные); д) *средства* репрезентации социогуманитарного воздействия; е) *результаты* социогуманитарного воздействия и ж) *обратная связь*.

Специфика социогуманитарных технологий информационной войны проявляется в *мультипарадигмальной природе* социогуманитарного знания и способности его к *конвергенции*.

3. Динамика социогуманитарных технологий информационной войны обусловлена влиянием на них совокупности объективных и субъективных условий и факторов, наличием разнообразных социальных противоречий, что предопределяет выбор и обоснование приоритетных направлений развития данного духовно-практического феномена. К числу очевидных тенденций развития социогуманитарных технологий современной информационной войны относятся: а) повышение уровня скрытности и масштабов социогуманитарного воздействия на человека в рамках становления информационного общества; б) ориентация на разработку новейших информационно-коммуникативных технологий воздействия на индивидуальное и массовое сознание в контексте развития коммуникативной научно-исследовательской программы; в) повышение внимания к языковым концептам и теориям как инструменту описания настоящей действительности в рамках лингвистического поворота; г) усиление влияния знаково-символических структур на сознание и поведение современного человека; д) минимизация времени между разработкой социогуманитарных теорий и их воплощением в технологии информационной войны и др.

4. Оптимизация социогуманитарных технологий современной информационной войны представляет собой научно-практический комплекс сопровождения информационной войны, включающий в себя обоснование и реализацию основных направлений на следующих уровнях: а) *глобальном* (развитие рациональной коммуникации между представителями различных научных сообществ; формирование справедливого отношения к России, препятствование ее демонизации и инфернализации на мировой политической арене; активизация деятельности органов отечественной разведки с учетом социогуманитарного фактора и др.), б) *региональном* (обеспечение коммуникации между отечественными исследователями и специалистами из стран

ближнего зарубежья по координации совместных научно-практических усилий в сфере оптимизации и др.), в) *государственном* (создание «фабрик мысли» и др.), г) *общественном* (усилия на защите общественного сознания от деструктивного воздействия социогуманитарных технологий и др.) и д) *личностном* (создание оптимальной модели научно-исследовательской деятельности исследователя и формирование его профессиональной культуры и др.).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в уточнении понятия «социогуманитарная технология информационной войны», углублении и расширении социально-философских знаний о специфике такого рода технологий, вскрытии их социально-гуманитарных оснований, показе на конкретных примерах особенностей их реализации, а также выявлении основных черт их активного влияния на современный социум.

Научные результаты, полученные в ходе социально-философского анализа предмета исследования, могут быть применены в качестве оснований для последующего изучения информационной войны, ее места и роли в социуме, современного состояния, определения особенностей ее воздействия на различные сферы российского общества и на этой основе выработки адекватного возникающим вызовам и угрозам в этой сфере комплекса противодействия.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности и необходимости выработки оптимальных вариантов использования социогуманитарных технологий современной информационной войны, а также способов защиты от их деструктивного влияния на российское общественное сознание.

Содержание диссертации, сделанные в ней авторские обобщения и выводы, создают комплексное основание для более глубокого понимания сущностных особенностей и характера влияния социогуманитарных технологий на современную информационную войну.

Положения и выводы исследования имеют важное значение для деятельности соответствующих государственных структур, общественных орга-

низаций и научных коллективов, уделяющих внимание изучению проблем обеспечения военной безопасности личности, общества и государства, сохранения динамичного и стабильного развития российского социума.

Степень достоверности и апробация исследования обеспечены комплексной методологией и логикой исследования, соответствующих достижению основных целей и задач исследования, а также теоретической обоснованностью научных позиций диссертанта.

Наиболее важные теоретические положения работы обсуждались на кафедре философии и религиоведения Военного университета, в выступлениях на международных и всероссийских научно-методических и научно-практических конференциях, семинарах и круглых столах, в ходе проведения занятий по философии с курсантами и студентами университета, а также нашли отражение в научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Раздел I. Сущность и специфика социогуманитарных технологий современной информационной войны

Характеризуя нынешний этап развития военного дела (все ускоряющийся научно-технический прогресс, неконтролируемый рост оружия массового поражения, разработка и внедрение новейших средств вооружения и многое др.), следует отметить, что все большее значение в рамках ведения современных конфликтов приобретают концепции проведения психологической, информационной, консциентальной¹ и гибридной войн. Другими словами, сегодня в военном деле осуществляется переход от классического понимания войны к неклассическому – использованию средств нефизического насилия. Одним из таких средств является информационное противоборство, которое сегодня характеризуется обострением и выходом на качественно новый уровень. По мнению коммуникатолога Г.Г. Почепцова, «информационная война является самым эффективным вариантом военного противоборства современности, ибо сила и слабость лежат в когнитивных возможностях человека»². Стоит признать, что в настоящее время феномен информационной войны является неотъемлемым элементом реализации внешней и внутренней государственной политики.

Анализ военно-политических событий в Персидском заливе (1991), Югославии (1999), Ираке (2003-2011), Афганистане (с 2001 по н/вр.), Ливии (2011), южноосетинско-грузинского конфликта (2008), гражданской войны в Украине (с 2014 по н/вр.) позволяет констатировать, что для достижения поставленных целей США и их союзники активно применяют специальные информационно-коммуникативные технологии непрямого воздействия на социальное поведение и взаимодействие людей, на общественное сознание в це-

¹Консциентальная война – неклассическая форма войны, направленная на поражение сознания (см. подробнее: *Громыко Ю.В.* Сценарная панолия: сценарий для России. Русский путь: новая повестка дня для президента. М., 2004).

²*Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М., 2015. С. 3.

лом, основанные на знании и использовании в своих интересах человеческой природы.

По словам П. Верильо, ныне «главнейшим орудием войны является не более или менее изощренная стратагема, а устранение видимости фактов, верное следование максиме Кипплинга: «Первой жертвой войны оказывается правда». Нужна не разработка новых маневров, не поиск оригинальной тактики, но стратегическое сокрытие информации при помощи дезинформации, являющейся не столько уловкой, не столько заведомой ложью, сколько пренебрежением самим принципом истины... В этой-то области и разыгрывается ныне «стратегия устрашения» – стратегия муляжей, электронных и всевозможных других контрмер. Правда уже не замаскирована, но упразднена: реальное изображение, изображение реального пространства объекта, видимого орудия, уступило место телеизображению «в прямом эфире» – или, выражаясь точнее, в реальном времени»¹.

В этих условиях центральным объектом информационного воздействия выступают духовно-нравственные ценности, история и культура народа, социальные коммуникации, знаково-символические и дискурсивные пространства, все то, что составляет основу социогуманитарного измерения современного социума, уничтожение или изменение которых позволяет контролировать социальное поведение человека и его сознание. А.И. Неклесса полагает, что в условиях современной реальности технологии информационной войны есть специализированные формы управленческих конструкторов, способных кардинально трансформировать социальную действительность².

В своем интервью-признании бывший сотрудник спецслужб США Э. Сноуден подтвердил, что «США держат «под колпаком» более 1 млрд человек в более чем 50 странах планеты. Им доступны электронная почта, СМС-сообщения, звонки, покупки, осуществляемые с помощью банковской карточки, счета, передвижения. Более того, эта информация записывается,

¹Верильо П. Машина зрения. СПб., 2004. С. 119-120.

²Неклесса А.И. Интеллектуальная мобилизация России. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2106> (дата обращения: 24.03.2018).

хранится, и компьютерные системы могут находить ответы в этом океане данных, анализировать взгляды человека, его психотип, выявлять организованные группы, чтобы при необходимости наносить точные обезоруживающие удары»¹.

Необходимо признать, что в настоящее время социогуманитарное измерение становится тем стратегическим пространством, на котором происходит современная вооруженная борьба. В этой связи, сегодня все чаще вспоминаются слова французского мыслителя К. Леви-Строса, сказанные в предисловии к книге этнографа К. Берндт, о том, что XXI век должен стать веком гуманитарным или его не будет вовсе².

Для адекватного описания влияния социогуманитарных технологий информационной войны на социальные процессы современного российского социума, выявления их роли и внутренних механизмов в манипулировании общественным мнением представляется необходимым проанализировать основные сущностные черты современной информационной войны. При этом для объективного социально-философского анализа информационной войны в русле настоящего исследования следует обратить внимание не столько на техническое или информационно-психологическое измерение, сколько – на социогуманитарную составляющую их воплощения в современном социуме.

В теории информационных войн существует огромное множество подходов к определению сущности указанного феномена. Так, одна группа ученых полагает, что информационная война – это продукт развития постиндустриального общества. В частности, коммуникатолог М. Кастельс считает информационную войну мгновенным действием, атрибутом информационных обществ, который характеризует формы господства в новой мировой системе, вплоть до исключения стран и событий, которые не являются централь-

¹Малинецкий Г.Г. Наука и войны будущегоURL: <http://russkievesti.ru/novosti/nauka/nauka-i-voini-buduscego.html> (дата обращения: 21.03.2018).

²См.: *Berndt C.H. Women's changing ceremonies in Northern Australia.* Paris, 1950.

ными для возникающей, доминантной логики¹. Другая группа ученых полагает, что информационная война есть средство психологического воздействия и ее истоки уходят в глубокую древность веков. Об этом свидетельствует, например, трактат великого китайского полководца Сунь-Цзы «Искусство войны», в котором мыслитель обобщает опыт информационного воздействия на противника: «...Лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь <...> Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости»².

По своему существу суть информационной войны заключается в перепрограммировании картины мира противоборствующей стороны. «Информационная война – это тотальная война посредством информации и незаметного использования электронных средств коммуникации», – утверждает канадский философ М. Маклюэн. – «Это война постоянная и жестокая, в ней участвуют буквально все»³.

Современная информационная война, по взгляду отечественного академика А.И. Фурсова, представляется как систематическое воздействие в психоисторическом пространстве человека и осуществляется на трех уровнях:

- а) информационном (воздействие на уровне фальсификации фактов);
- б) концептуальном (воздействие на уровне пакетирования информации);
- в) метафизическом (воздействие на уровне смыслов и образов сознания индивида)⁴.

Отечественный эксперт в области обеспечения информационной безопасности С.Н. Гриняев полагает, что впервые термин «информационная война» был употреблен Т. Рона в отчете «Системы оружия и информационная война», подготовленном им в 1976 году для компании «Боинг». Анализи-

¹См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 321.

²*Сунь-Цзы.* Искусство стратегии. М.; СПб., 2007. С. 82.

³*Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2011. С. 47.

⁴См.: *Фурсов А.И.* Психоисторическая война. URL: <https://izborsk-club.ru/2439> (дата обращения: 18.04.2018).

руя в своей работе происходящие в мире процессы глобализации, он указывает на особую важность в обеспечении защиты информационной инфраструктуры как ключевого компонента экономики США в военное и в мирное время. По мнению другого эксперта М.Ю. Павлютенковой, появление термина «информационная война» есть результат работы ряда американских теоретиков Г. Саммерза и Г. Экклза.

Официально понятие было закреплено только 21 декабря 1992 года в директиве министра обороны США DODS 3600.1 и усматривалось в узком смысле, как разновидность радиоэлектронной борьбы. Начиная с 1998 года, информационная война определяется как высшая форма информационного противоборства, представляющая собой совокупность мероприятий, принимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником путем воздействия на его информационные системы, процессы, компьютерные сети, общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, при одновременной защите своей информационной среды¹. Из такой трактовки понятия следует, что информационная война представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, нацеленную на все возможности и факторы уязвимости противоборствующей стороны, неизбежно возникающие в процессе возрастания значимости информации в жизнедеятельности современного общества и включает в себя комплекс мероприятий по информационно-психологической и электронно-технической борьбе.

По мнению Г.Г. Почепцова, такое понимание информационной войны не освещает всю ее сущность в современных реалиях. Информационные войны настоящего не ограничиваются рамками политики, экономики, военного дела. В настоящее время они приобрели глобальный и всеобъемлющий характер, поскольку сегодня, по мысли ученого, «принятие решений существует во всех областях и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за

¹См.: Волковский Н.Л. История информационных войн. Ч. 1, 2. СПб., 2003. С. 7.

единственность одного решения и против решений альтернативных»¹. Информация начинает нести в себе как созидательную, так и разрушительную силу, но гораздо в большей степени, чем это было ранее. Время преобразовало не столько суть информации, сколько интенсивность ее воздействия. Изменились контексты ее применения, возросла роль публичной информации в принятии политических решений. Медийная составляющая информационных войн (действия в сфере телевидения, печатных и интернет-СМИ, радио, информационных агентств) определяется исследователем как одна из важнейших. Апеллируя к такой функции СМИ, как манипулятивное воздействие на общественное сознание, применительно к событиям августа 2008 года в Южной Осетии, информационные средства Запада продемонстрировали всему мировому сообществу стереотип «Россия – это государство-агрессор», в котором она выступает захватчиком, стремящимся к тотальному господству над миром. При этом совершенно игнорируется роль России как миротворца, предотвратившего геноцид гражданского населения Южной Осетии со стороны грузинских вооруженных сил.

Рассматривая проблематику информационного противоборства, важно подчеркнуть, что теория информационных войн прошла сложный эволюционный путь от восприятия ее как вспомогательного средства, применяемого при решении боевых задач на тактическом уровне, до придания ей самостоятельного статуса как одной из форм ведения неклассической войны. Отличительной особенностью ее является социогуманитарная составляющая как основа применяемых технологий.

Для уяснения сущности современной информационной войны и логики ее взаимосвязи с социогуманитарными технологиями необходимо проанализировать этапы ее эволюции. Анализ наиболее распространенных концепций, рассматривающих эволюцию информационной войны и развитие ее инструментария, позволяет выделить три группы подходов.

¹ Почепцов Г.Г. Информационная война: определения и базовые понятия. URL: http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/informatsionnaya_voyna_opredeleniya_i_bazovye_ponyatiya/ (дата обращения: 20.03.2018).

К *первой группе* относятся подходы (Е. Э. Месснер, Б. Лиддел Гарт), выделяющие основания военно-теоретического знания о войне известных военных теоретиков, связывающие специфику эволюции информационных войн с появлением новых концепций вооруженного противоборства по отношению к этапам исторического развития общества.

В основу *второй группы* (В.С. Степин, В.Е. Лепский, С.В. Клягин, А.Г. Дугин) заложены философско-научные представления о развитии феномена информационной войны, в основе которых лежат онтологические, гносеологические, методологические и аксиологические основания, формирующие общенаучную картину мира на каждом конкретно-историческом этапе развития науки.

К *третьей группе* подходов (Н.Л. Волковский, Л.В. Воронцова, Д.Н. Щербина) относятся концепции, связывающие этапы трансформации с развитием структурно-функциональных элементов содержания средств ведения информационной войны.

Рассмотрим вышеперечисленные группы подходов более детально.

Представители *военно-теоретического знания* об эволюции информационной войны полагают, что информационная война диалектически видоизменяется в связи с появлением новых концепций вооруженного противоборства по отношению к этапам исторического развития общества. В соответствии с данным подходом выделяются следующие этапы.

Первый этап (IV в. до н.э. – XVII в.) развития концепций вооруженного противоборства отмечен появлением стратагем древнекитайского полководца Сунь-Цзы, изложенных в его произведении «Война есть путь обмана». Информационная война рассматривается здесь как децепция¹, как искусство обмана, военная хитрость, применяемые в основном на поле боя, целью которых является оказания воздействий на лиц, принимающих решения – полководцев и правителей.

¹Децепция (англ. *deception* – обман, притворство) – военная хитрость, применение дезинформации в отношении противника.

Отличительной особенностью *второго этапа* (XVII – XX в.) являются произошедшие коренные изменения в форме восприятия природы и сущности войны, связанные с концепцией немецкого военного теоретика К. Клаузевица. Согласно ему, война есть продолжение политики иными средствами¹. По мнению Клаузевица, переломным моментом в восприятии войны явились наполеоновские войны, в которых принимали участия не просто ограниченные вооруженные формирования, а коалиции государств. В своей работе «О войне» он первый обращает внимание на духовный фактор в войне: «моральные величины на войне занимают важное место... Они насквозь пропитывают всю военную стихию; у них величайшее сродство с волей, ибо воля есть величина моральная, и они заранее смыкаются с ней, сливаются с ней воедино, а воля — это то, что приводит в движение и руководит всей массой материальных сил»². В этом ракурсе происходит переосмысление феномена информационных войн в сторону восприятия их как морально-психологического обеспечения, носящего характер вспомогательного средства ведения войны. Так, во время англо-бурской войны (1899-1902) возникает феномен информирования, целью которого является мобилизация гражданского населения на войну.

Третий этап (1900 – 1950 гг.) развития феномена информационной войны прежде всего связан со становлением и развитием военной парадигмы «тотальной войны» немецкого военного теоретика генерала Э. Людендорфа. Суть данной концепции сводится к тому, что война мыслится как «война наций» и для достижения победы в такой войне, с одной стороны, необходима полная мобилизация всех ресурсов страны, а с другой – всестороннее воздействие на нацию противника в целях сломить боевой дух к сопротивлению.

По мнению отечественного мыслителя Е.Э. Месснера, в XX в. театр военных действий из двухмерного (длина и ширина) превратился в трехмерное

¹Стоит отметить, что К. Клаузевиц под войной понимал акт только физического насилия, целью которого является заставить противника выполнить свою волю (см. подробнее: Клаузевиц К. О войне. М., 2003).

²Клаузевиц К. О войне. С. 168.

(длина, ширина, высота и глубина) пространства. Наибольшее изменение характера войны произошло вместе с ее распространением в четвертое измерение – духовную область вражеской армии, ее народа, которые стали важнейшими стратегическими объектами. Мобилизация духа собственного народа и расщепление (разложение) национального духа противника в политических целях стало смыслом борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения: «в нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием. Государства стали морально уязвимыми, потому что ослабело мистическое значение государства»¹. В этой связи информационная война приобретает форму психологического противоборства, технологический инструментарий носит прямой и краткосрочный характер воздействия на массовое сознание.

В основе *четвертого этапа* (1950 – 1990 гг.) развития теории войн лежит концепция «ядерной войны». По мнению английского военного теоретика Б. Лиддел Гарта, именно ядерное оружие, доведя разрушительность до крайности самоубийства, осуществило кардинальный поворот в сфере ведения боевых действий: уход от горячих войн в сторону «холодных» столкновений и стратегий не прямых действий на противника². Нынешние войны – это «культурные войны» эпохи ядерного мира. Прежде всего, это связано с развитием противоборства между двумя военно-идеологическими блоками, представленными в форме конфронтации коммунизма (СССР) и капитализма (НАТО). В этом соответствии информационная война приобретает статус идеологической борьбы и осмысливается как комплекс скрытных, целенаправленных и длительных по времени проведения мероприятий по воздействию на массовое сознание противника.

На *современном этапе* (с 1990 г. по настоящее время) развития войны акценты смещаются в область «гибридных» войн. Под гибридной войной понимается широкий спектр возможностей, предпринимаемых противником

¹Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. М., 2004. С. 373-377.

²См.: Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. М., 1957. С. 4-5.

для достижения своих утилитарных целей, начиная от спонсирования и организации «мирных» антиправительственных акций и заканчивая развязыванием гражданской войны и внешней интервенцией. Информационная война становится мгновенным действием, технологически она переходит в режим реального времени, где главным элементом поражения и уничтожения становятся мировоззренческие основы сознания социума за счет использования подталкивающих, «мягких» и поведенческих социальных технологий.

Таким образом, процесс эволюции информационной войны и ее технологического инструментария связан с концептуальным изменением войны в ходе ее исторического развития. Прогресс в этом отношении следует от восприятия ее как военной хитрости (децепции) к вспомогательному средству обеспечения войны (морально-психологическое обеспечения) через форму психологической борьбы (агитация, пропаганда) в сторону идеологического противоборства («холодная война» как неклассическая форма войны) и далее к гибридной войне (информационная война как ее разновидность).

Следующим подходом к объяснению эволюции феномена информационной войны выступает *научно-рациональный*. Согласно данному подходу, информационная война эволюционирует в соответствие с изменением типа научной рациональности. Каждый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему одному, основаниями науки, формирующими мировоззренческие аспекты бытия человека, общенаучную картину мира и в соответствие с этим его знания о мире вещей и явлений.

Используя известную классификацию академика В.С. Степина типов рациональности и соответствующих им этапов развития науки, следует выделить несколько типов рационального знания об информационной войне. Так, характеризуя *доклассический этап* развития науки, стоит отметить, что восприятие человеком окружающей действительности осуществляется посредством мифологических структур познания мира, затем через философию как способа постижения мира и далее через призму религии. Все знания человека о мире носят религиозно-мистический, рецептурно-прикладной характер.

Знание о войне в целом носит бессистемный, ситуативный характер. Отсутствуют четкие методики и руководства по использованию приемов и технологий информационного воздействия. В связи с этим информационная война на данном этапе развития науки определяется как стихийное воздействие на противника во время ведения военных действий.

Классический этап развития науки основывается на механистических представлениях о мире. Онтологические основы исследования строятся на субъектно-объектной парадигме, познающий субъект элиминирован от изучаемых объектов, процесс познания окружающего мира осуществляется посредством созерцания его со стороны. Важнейшей особенностью рассматриваемых объектов является их механистическая структура, выраженная незначительным количеством элементов, силовыми взаимодействиями между ними и жесткими причинно-следственными связями. Мир классической науки – это мир строгого детерминизма, полагаемой однозначности результата, вызываемого определенным воздействием на те или иные объекты. Все это выразилось в линейно-механистической трактовке военного искусства – «*война как политическое явление*»¹. Стратегическая цель войны усматривалась в захвате территорий противника или недопущение этого с его стороны. Возможность добиться победы реализуется в рамках соотношения количественных параметров военной мощи государства (численность армий, количество оружия, военной техники и запасов), в связи с чем важное значение приобретает моральный фактор армии. Информационная война (как форма информационно-психологического противоборства) носит линейный характер и выражена через технологии прямого информационно-психологического воздействия (пропаганда, агитация и др.) на сознания как своих военнослужащих, так и противника.

Для *неклассического этапа* развития науки характерно расширение поля исследуемых объектов в сторону изучения сложных саморегулирующих систем. Неклассическая наука учитывает взаимодействие субъекта и объекта в

¹Клягин С.В. Новый образ науки в военно-социальных исследованиях. М., 1997. С. 46.

процессе познания, восприятие мира осуществляется с позиции субъекта. При этом важно отметить, что субъект познания рассматривается не как «внешний наблюдатель», а как неотъемлемая часть познаваемой реальности. Возникает понимание того, что результат познания определяется не только устройством объекта познания, но и способами взаимодействия с ним субъекта познания. В военной науке происходит кардинальный переворот в области переосмысления методов и средств ведения войны и связано это прежде всего с широкомасштабным применением в военной сфере достижений и открытий, положивших начало данному этапу развития науки. Появление оружия массового поражения и способов его глобальной доставки создало новую военно-социальную реальность, понимаемую как систему уравнивающих друг друга балансов, целью которой есть недопущение глобальной ядерной войны. В военной практике все больше внимания уделяется разработкам ненасильственных методов и средств ведения войны, особенно развитию информационно-психологического инструментария. Информационная война приобретает статус системы целенаправленных действий (операций) и становится явлением не только военного, но и политического характера. На данном этапе создаются разнообразные концепции и методики, технологии рассматриваются как инструменты скрытного идеологического воздействия на массы. Отечественные исследователи В.А. Лисичкин и Л.А. Шелепин усматривают в этих технологиях некие аналоги «вирусных заболеваний», внедрившихся в структурные элементы общества¹.

Постнеклассический этап развития науки возникает как следствие происходящих в мире процессов глобализации, обострения и осмысления глобальных экологических проблем, широкого развития информационно-коммуникативных средств передачи и хранения информации. Окружающая реальность описывается как многослойная, неустойчивая и не имеющая центра система, в основе которой лежат процессы самоорганизации. В обще-

¹См.: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 2003. С. 41-43.

ственной жизни новый тип реальности обнаруживает новые механизмы человеческого взаимодействия и общения, проявляется ответственность мира человека за реализацию выбора пути развития общества. В науке на передний план выдвигаются исследования сложных системных объектов, имеющих человеческое измерение: «человекоразмерные» комплексы, системы «человек-машина», биоинформационные технологии и т.д.

В военном деле приоритеты развития связаны с произошедшей в 80-90-х гг. XX в. военно-технической революцией и направлены в первую очередь на разработку эффективных средств управления и связи, интеллектуализированных систем вооружения (высокоточное оружие) и т.д. Военные социотехнические комплексы приобретают ярко выраженную «человекоразмерную» природу. Наряду с этим происходит дифференциация картины возможных войн в сторону неклассических типов ее ведения, в которых значимую роль завоевывает концепция информационной войны. Исходя из этого, информационная война трансформируется в инструмент политического давления, носящий децентрализованный, сетевой характер; она выступает как целенаправленный комплекс скрытых, «мягких» и деструктивных технологий воздействия на массовое сознание общества, основное ядро которых составляет социогуманитарный компонент.

Таким образом, процессы развития информационной войны и ее технологического инструментария связаны с изменением типа научной рациональности в ходе исторического развития человека и общества. Изменения в развитии представлений об информационной войне можно представить в виде следующей цепочки этапов: а) восприятие информационной войны как бессистемного, стихийного воздействия на противника путем обмана (доклассический этап); б) линейно-механистическое восприятие (классический); в) системная форма идеологического воздействия на противника (неклассический) и г) децентрализованный, сетевой характер восприятия посредством формирования (появления) социогуманитарных технологий и их использования (постнеклассический).

Согласно *структурно-функциональному подходу*, информационная война прошла длительную эволюцию, главным двигателем которой является создание и внедрение субъектами войны новых в функциональном и структурно-содержательном планах моделей ее ведения. В этой связи сторонники данной традиции выделяют следующие этапы развития моделей информационной войны.

Первой этап (IV в. до н.э. – XVII в.) эволюции информационной войны представлен в форме реализации модели децепции. В качестве средства доведения информации в данной модели выступает человек, объектом воздействия является психика индивида, обуславливающая направленность его деятельности. Здесь уместно вспомнить высказывание древнегреческого мыслителя Аристотеля, который говорил, что «есть три силы души, главные для поступка и для истины: чувство, ум, стремление»¹.

Применяемые технологии носят вербально-устрашающий характер и выражаются в форме обмана, дезинформации, распространения слухов и т.д.

Второй этап (1800–1950 гг.) – это становление и развитие модели морально-психологического противоборства как вспомогательного средства вооруженной борьбы. На данном этапе эволюции акценты смещаются в область технических средств доведения информации. Прежде всего это связано с изобретением электрических носителей информации (телеграфа, телефона, радио и кино). Особую значимость приобретают технологии массового воздействия на сознание человека (пропаганда и агитация), создаются профессиональные органы, занимающиеся данной проблематикой (Комитет Криля, Главное политическое управление Красной Армии). В качестве примера можно привести деятельность «Совинформ бюро» во время Великой Отечественной войны по освещению обстановки и положения дел на фронте, своими радиосводками оказывающее положительное воздействие на моральный дух советских солдат.

¹Аристотель. Соч.: в 4 т. / пер. с др.-греч. М., 1983. Т. 4. С. 29.

Третий этап (1950–1990 гг.) – это реализация модели войны идеологий, развитие которой прежде всего связано с периодом военно-идеологического противоборства между СССР и США в годы «холодной войны». В технологическую основу этой модели заложена концепция «время гибели богов»¹ отечественного философа М. Бахтина, которая может быть представлена как совокупность практик деструктивного характера, направленных на изменения культурного ядра общества посредством распространения и навязывания определенного набора ценностей.

В качестве примера можно привести китайскую государственную программу *szu-hsiangkai-tsao* (буквально обозначающее «промывка мозгов») по радикально-психологическому переделыванию, перевоспитанию личности и широких слоев общества².

Четвертый этап (1990–2000 гг.) характеризуется в первую очередь повышением значимости СМИ в освещении современных военных конфликтов (Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан, Югославия и др.) и может быть охарактеризован как этап реализации модели симулятивной войны. По мысли философа Ж. Бодрийяра, это обусловлено тем, что современные СМИ породили новую форму реальности, где доминирующее значение занимает гиперреальное, то есть «порождение» из сплетения симуляции и реальности. Сегодня на телеэкране рядового зрителя происходит визуализация образа войны (так называемый эффект «присутствия»), она становится для человека привычным и обыденным делом, исчезает ужас и страх перед ней. Теперь война – это «гротескное и инфантильное реалити-шоу», в которой СМИ задействованы только для того, чтобы поддержать иллюзию событийности, реальности целей и объективности фактов. В содержательном плане данная модель представляется как использование симулякров³ для конструирования искусствен-

¹См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234-407.

²См.: Лифтон Р.Д. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. СПб., 2005.

³Симулякр (лат. *simulacrum* – делать вид, притворяться) – копия, не имеющая оригинала в реальности; семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности.

ных событий и поводов (например, выступление госсекретаря США К. Пауэлла в Совете Безопасности ООН о проведении запрещенных разработок химического оружия в Ираке).

На *современном этапе* эволюции информационной войны первостепенное значение занимает информация «прямого эфира». Это связано с ускорением временного пространства человека за счет увеличения потока воспринимаемой информации в результате широкомасштабного распространения глобальной сети Интернет и соответствующего свободного доступа к ней. Эти огромные потоки информации, транслируемые в глобальных сетях, приобретают все большую значимость для современного человека.

Стоит согласиться, что на сегодняшний день Интернет и социальные сети в своем гуманитарном использовании есть то множество социальных медиа, которые заменяют человеку настоящую истинную действительность посредством создания мощного информационного поля. Интернет и социальные сети становятся неотъемлемым элементом повседневной жизни современного общества. Особую значимость приобретает набирающая обороты технология т.н. «больших данных» (обработка структурированных и неструктурированных данных информации огромных объемов). Человек, заходящий сегодня в сеть, оставляет за собой персональный след, анализируя который можно выявить конкретные факты о его психическом состоянии, духовно-нравственных ценностях, поведении и т.д. Этот анализ позволяет разрабатывать соответствующий инструментарий воздействия, используемый для более тщательной подготовки информационного материала, транслируемого через глобальные сети и СМИ.

В подтверждение данного тезиса приведем слова заместителя председателя Госкомнадзора России М. Ксензова: «Twitter – это глобальный инструмент продвижения политической информации, где аудитория рассматривается как средство достижения целей. При этом значимость пользователя как

личности, его интересы сведены к уровню плинтуса»¹. В этой связи все большее влияние в современном обществе приобретают символические аналитики, агенты влияния, медиа-активисты и колумнисты.

В таком соотношении информационная война воплощается в качестве модели войны в реальном времени, технологическая составляющая которой реализуется посредством использования специальных «мягких» техник управления массовым сознанием (социогуманитарных технологий). Сегодня этому есть немало примеров: освещение западными СМИ событий в Южной Осетии, Абхазии, Сирии, в Украине (на Донбассе) и т.д.

Стоит отметить, что для реализации таких методов управления сознанием на Западе организовываются специализированные аналитические центры и исследовательские фонды, т.н. «фабрики мысли» (корпорация RAND, Международный институт стратегических исследований (IISS), аналитический центр CEDOS и др.), занимающиеся исследованием проблем в области гуманитарной природы человека, а именно: выявлением его культурных типов, анализом поведенческой деятельности индивида, моделированием повседневной действительности человека и общества и т.д.

Из вышесказанного следует, что эволюция информационной войны реализуется посредством диалектического развития следующих моделей: а) *децепции* (появляется еще в Древнем мире, средством воздействия является человек, а объектом воздействия – психика отдельного индивида, которая определяет направление его деятельности; инструментарий выражен в средствах применения обмана и военных хитростей на поле боя); б) *морально-психологического противоборства* (связано с появлением первых электрических технологий (печать, радио, кино), выступающих в качестве средств воздействия на массовое сознание; технологический инструментарий воплощен через средства информирования, агитации и пропаганды); в) *идеологического противоборства* (возникает в период «холодной войны», средством воздей-

¹ Ксензов М.Ю. Мы не видим больших рисков в блокировке Twitter в России. URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/1321270-echo/?=top> (дата обращения: 20.03.2018).

ствия является культурно-ценностная основа общества и соответствующий ей инструментарий (ценности, идеалы, идеологии); г) *симулятивной войны* (возникает во время проведения операции «Буря в пустыне», средствами воздействия выступают СМИ, главной целью которых является создание информационных поводов и искусственно-конструируемых реальностей); д) *войны «в реальном времени»* (возникает в нулевые года XXI в., средствами воздействия выступают новейшие разработки в сфере информационно-коммуникативных технологий, объектом – глубинные структуры сознания человека и общества, влияние на которые осуществляется посредством воздействия на их социогуманитарную природу).

Таким образом, исходя из анализа подходов к эволюции информационной войны, можно сделать вывод, что сегодня она представляет собой особую радикальную форму социогуманитарного противоборства между государствами, их политическими организациями и социальными институтами. При этом указанный технологический инструментарий имеет ярко выраженную социогуманитарную специфику, где человек рассматривается как неподлинное существо, не имеющее право на самостоятельную и осознанную коммуникативную позицию и используется в качестве определенного «фрагмента» при конструировании социальной действительности. Об этом свидетельствует прощальное выступление 16 ноября 2014 года бывшего министра обороны США Ч. Хейгела, в ходе которого он заявил об изменении векторов развития в области обеспечения безопасности современной политики США. Согласно ему, новая концепция безопасности включает три ключевых принципа: а) экономика США прекращает деление на гражданский и военный сектора. Весь бизнес и наука страны отныне работают на национальную безопасность; б) все высокие информационные технологии имеют тройное применение (гражданское, военное и криминальное) и в) администрация США впредь будет делать упор на разработку систем вооружений, которые, с одной стороны, могут обеспечить глобальное доминирование, а с другой – не

могут быть скопированы или воспроизведены любой иной страной мира¹. Другими словами, акценты развития смещаются в область разработки социогуманитарного знания как оружия, создания новых по предназначению и результативности социогуманитарных технологий информационной войны.

Что же представляют собой социогуманитарные технологии информационной войны?

Прежде всего отметим, что *технология* (греч. τέχνη – «искусство, мастерство, умение»; λόγος – «слово, мысль, учение», дословно как «систематическое изучение искусства или ремесла...») есть специфический общественно выработанный способ унификации всеобщих механизмов деятельности в исторически конкретных структурных разновидностях материального и духовного производства².

В настоящее время в социогуманитарных науках различают данное понятие в узком и широком смысле слова. Технология в узком смысле представляет как совокупность или комплекс определенных правил, приемов, методов получения, обработки или переработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в производственном процессе.

Одно из широких пониманий технологии можно встретить в работах Н. Вига. Технология, по мнению мыслителя, как новая дисциплина, базирующаяся на философии техники, возникла только в последние десятилетия. Ее базовой предпосылкой является то, что технология стала играть ключевую роль для существования и образа жизни человека и поэтому должна исследоваться как фундаментальная человеческая характеристика. Понимание технологии в таком ключе тесно связано с рассмотрением ее в контексте цивилизационных завоеваний, которые достигаются благодаря совершенствованию различных форм человеческой деятельности. При этом стоит отметить, что «в одних случаях решающим фактором развития социума выступает

¹См.: Ларина Е.С. НАДЖ: от информационных войн – к поведенческим... // Изборский клуб. 2018. № 3 (59). С. 68-75.

² См.: Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iph-lib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/> (дата обращения: 24.03.2018).

изобретение и внедрение новых технических средств, в других – новой технологии, в третьих – сочетание и совместное действие того и другого»¹. В этой связи технология выступает как механизм конструирования окружающей реальности социума посредством обеспечения в функциональном отношении конкретных форм и типов социального развития и представляет собой сферу целенаправленных усилий (деятельности), которая обусловлена влиянием целого ряда социокультурных факторов (те или иные общественные потребности, ценности, картины мира, институты духовного производства и т.п.).

Исходя из вышесказанного, возникает следующий вопрос: какой характер воплощения имеет эта сфера, каково соотношение в ней оппозиций «естественного» и «искусственного»?

Под категорией «естественное» понимается прежде всего нечто существующие в нашем сознании, а также вне и помимо нас, обладающие собственными законами и потенциями своего бытия, собственным устройством, порядком и организованностью, тем, что может восприниматься не просто как безразличный материал для человеческой деятельности, но и как нечто самоценное. Тогда «искусственное», напротив, выступает в роли антонима «естественному» и осмысливается как что-то вторичное, заведомо несовершенное, не более чем подражание естественному, нечто несущее «естественному» угрозу разрушения. В рамках другой позиции под естественным усматривается нечто дикое, чуждое, неосвоенное, хаотичное, неорганизованное и являющееся источником угрозы и опасности для человека. В этом соотношении под искусственным понимается освоенное, организованное, упорядоченное, нечто окультуренное человеком, дающие ему прибежище и защиту.

Из этого следует, что на более глубинных уровнях своего сознания человек в целом привержен деятельностной, технологической установке, свя-

¹Розин В.М. К различению техники и технологии // Высокие технологии и современная цивилизация: материалы науч. конф. / отв. ред. В.С. Степин. М., 1999. С. 12.

занной с его стремлением так или иначе упорядочить, организовать и поставить на службу своим интересам хаос «естественного». Тогда как категория «искусственное» не просто что-то сделанное человеком; это рационально определенное и опосредованное, спроектированное, все то, в чем заключена и выражена человеческая деятельность. Таким образом, для раскрытия оппозиции «естественное» и «искусственное» имеет смысл проанализировать природу появления технологий.

В настоящее время в социогуманитарных науках сложились три концептуальных направления, характеризующие природу технологий: инструменталистская, социально-детерминистическая и концепция «автономной технологии»¹.

В рамках *инструменталистской концепции* технология является просто средством достижения определенных целей; всякое технологическое новшество спроектировано таким образом, чтобы решить конкретную проблему или служить специфической цели общества. Такой вариант осмысления технологии получил широкое распространение в области технических наук. Но в связи с протекающими в современном мире процессами глобализации данный подход в научной среде встречает все более серьезную критику.

Особую популярность с позиций исторических и социологических наук приобрела *социально-детерминистская концепция* (контекстуальный подход). Согласно данной концепции, технология представляется активным инструментом человека для решения проблем, она есть выражение социальных, политических и культурных ценностей. В ней воплощаются не только технические аспекты, но более широкие социальные ценности и интересы тех, кто ее проектирует и использует². По мнению канадского философа Дж. Гранта, технология есть не столько машина или инструмент, это есть представление о мире, которое руководит человеческим восприятием всего сущего. «Язык

¹См.: Розин В.М. К различению техники и технологии. С. 5.

²См.: Виг Д.Н. Технология, философия и политика // Технология и политика. Лондон, 1988. С. 14.

здесь запинается, ведь мы, современные люди, так долго высмеивали слова "судьба", "рок", и странно сказать, что технология – наша судьба»¹.

Следующей выступает *концепция «автономной технологии»*, рассматривающая технологию как самоуправляющую силу. В рамках данной концепции технология развивается в соответствии со своей логикой и больше формирует человеческое развитие, чем служит человеческим целям. «Доступность хорошего технологического решения, – по мысли американского физика А.М. Вейнберга, – часто помогает сосредоточиться на той проблеме, решением которой служит новая технология. Вряд ли мы столь сильно сосредоточились на проблеме нехватки энергии, как мы делаем это сейчас, если бы у нас не было достойного решения этой проблемы – ядерной энергии, способной покончить с этой нехваткой»².

Понятие «социогуманитарная технология» является производным от общего понятия «технология», которое в своем первом приближении может быть рассмотрено как практически ориентированная форма знаний. В чем же состоит суть социогуманитарного аспекта технологии?

Предикат «социогуманитарный» (лат. *societas* – общество и *humanitas* – человеческая природа, образованность) означает обращение как к гуманитарной природе человека (качествам, правам и интересам), так и к его социальной природе (человек как неотъемлемый элемент общества).

По утверждению В.И. Кудашова, социогуманитарные технологии представляют собой институт инноваций и социального творчества, диагностики, тактики и стратегии общественного развития. Они обнаруживают себя не только в деятельности людей, эта особая форма операционального самосознания, прагматически ориентированная социальная рефлексия, которая про-

¹Грант Д.П. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Социальные проблемы современной техники. М., 1986. С. 7.

²Розин В.М. Традиционная и современная технология: (филос.-методол. анализ). М., 1998. С. 6.

являет себя в процессе осмысления определенных технологических законов, позволяющие индивиду найти внутреннее социальное пространство¹.

Отечественный методолог П.Г. Щедровицкий подразумевает под данным термином комплекс особых методик «воздействия» и «управления», обращенных на «создание, изменение и обработку рамок и правил поведения людей»².

Согласно позиции А.И. Неклесса, социогуманитарные технологии – это специальные «софистицированные» алгоритмы действия, направленные на организацию различными политическими субъектами иной социальной действительности для доминирования на мировой арене современности. По мнению автора, данные алгоритмы подразделяются на соответствующие им формы управления³.

а) *рефлексивное управление*, ориентированное на анализ (учет) реакций индивида или социальной группы на конкретное событие или социальное явление (как пример, оргдеятельностная схема войн в Ираке, Югославии, Украине и Сирии);

б) *персонализированное управление*, направленное на оказание эффективного воздействия на мотивацию лиц, ответственных за принятия решений, либо иным образом существенно влияющих на развитие конкретной ситуации, в которых заинтересован политический субъект (например, стилистика событий в СМИ по поводу присоединения Крыма к России);

в) *рефлекторное управление*, основанное на анализе комплексных знаний о системных реакциях той или иной социальной группы, народа, нации (пример, опыты, проведенные спецслужбами США в тюрьмах Абу-Грейб

¹См.: Кудашов В.И. Социальные технологии в обществе знания: когнитивные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4(20). Вып. 1. С. 59-64.

² См.: Щедровицкий П.Г. Гуманитарные технологии и реальная политика. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/70> (дата обращения: 20.03.2018).

³ См.: Неклесса А.И. Интеллектуальная мобилизация России. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2106> (дата обращения: 24.03.2018).

(Багдад) и Гуантанамо (Куба) по изучению реакций исламского фундаменталистского менталитета на различные критические стимулы);

г) *методы нелинейного и деструктивного управления* – выработка наиболее эффективных методов и технологий по управлению поведением общества в условиях реорганизации (нестабильности, кризиса) политической реальности (в качестве примера – теория «управляемого хаоса» американского политолога С. Манна¹).

Исходя из вышеизложенного, под социогуманитарной технологией будем понимать базирующуюся на определенном плане (программе действий) особую форму проявления активности социального субъекта по управлению коммуникацией общества на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности и основанной на знании социальных и гуманитарных наук.

Поскольку социогуманитарная форма знания является чрезвычайно неоднозначным явлением, возникает ряд следующих вопросов: что понимать под социогуманитарным знанием? Каковы критерии его различия от других научных практик? В чем заключается его специфика?

Социогуманитарное знание² выступает в качестве одной из форм научного знания, получение которого осуществляется всей совокупностью наук о человеке и обществе, а также вненаучными способами познания. Необходимо отметить, что носителем любого знания об обществе, природе или технике выступает человек как личность, то есть социальное существо, субъект-индивид. Таким образом, любое добытое знание о человеческом бытии являются социогуманитарным знанием и принадлежит человеку, людям, обществу.

¹ См.: Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://idiinvest.narod.ru/new/TeoriXaos.html> (дата обращения: 27.03.2018).

²В данной работе такие понятия как «социальное знание», «гуманитарное знание», «социогуманитарное знание» будут употребляться как синонимы.

Анализ этапов осознания в науке социогуманитарной проблематики¹, позволяет заключить, что данная форма научного знания является по своей природе мультипарадигмальной: каждая из позиций предлагает свой ответ на вопрос «в чем его специфика?». Неокантианцы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) предлагают ценности, М. Бахтин – текст, постмодернисты (М. Фуко) – дискурс, неофрейдисты (К. Юнг) – архетипы, П. Бурдьё и Б. Латур – практики, М. Маклюэн и М. Кастельс – коммуникации. Для того, чтобы показать взаимосвязь между технологиями информационной войны и социогуманитарным знанием, необходимо проанализировать следующие подходы: семиотический, архетипический, прагматический, дискурсивный, аналитический, коммуникативный.

Сторонники *семиотического подхода* к социогуманитарному знанию обосновывают идею о том, что окружающий человека мир состоит из знаково-символических систем, которые опосредуют все связи человека с действительностью. К знаково-символическим системам относится множество символов, знаков и образов, выраженные через письменные и устные нарративы, идеи, мифы, ритуалы, произведения искусства и т.д.

Немецкий культуролог Э. Кассирер полагает, что именно символическая активность человека выражает его сущность. По мнению ученого, человек в процессе своего существования способен создавать особые знаковые формы окружающей действительности (в отличие от животных, которые могут только адаптироваться). «Человек настолько погружен в осмысление разнообразных лингвистических форм, художественных образов, мифических символов или религиозных ритуалов, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника»². В этой связи человек предстает как *animal symbolicum* (символическое животное). Именно использование способности символизации привело к возникновению культуры. По

¹См., например: Кафтан В.В., Кафтан В.В. Специфика социально-гуманитарного познания реальности // Военный академический журнал. 2017. № 4 (16). С. 151-156.

²Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / сост. П.С. Гуревич. М., 1988. С. 28-30.

Кассиреру, символ – это не только инструмент моделирования окружающей реальности, это первичное условие наличествования культуры, возможность ее истинного опосредования.

У. Эко видит в явлениях культуры выражение знаково-символических систем, а сама культура представляется им как коммуникация. Анализируя проблемное поле взаимосвязи символов и коммуникации, исследователь приходит к выводу, что средства массовых коммуникаций приобретают статус инструментов власти, осуществляющих социальный контроль посредством планирования сообщений, где главным связующим элементом между коммуникацией и символом выступает понятие «код». Под кодом Эко понимает сложную структуру символов и правил их сочетания, выражающихся в способности сообщений быть сообщаемыми¹. Главная опасность заключается в том, что получатель может избрать собственный код прочтения сообщения. Содержимое в таком случае может быть воспринято индивидом не так, как оно есть в действительности, и в связи с этим появляется возможность к манипуляции его сознанием.

В качестве яркого примера можно рассмотреть популярного среди подрастающего поколения образ известного супергероя американских комиксов «капитан Америка», активно используемый западными политтехнологами для трансляции и продвижения либеральных ценностей. «Капитан Америка» символизирует собой борца за справедливость, свободу и демократию, он защитник всех угнетенных там, где властвует тирания и творится беззаконье. Будь это хоть край света, обязательно появится он и победит все зло. Восприятие такого образа в сознании молодежи ассоциируется прежде всего с США как со спасителем и хранителем мирового порядка и применяется западными спецслужбами для создания имиджа страны, ведущей человечество к процветанию, справедливости и демократии. Это также применяется для получения одобрения в глазах мировой общественности по поводу проводи-

¹См.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006. С. 544.

мых США вмешательств в политику государств Ближнего Востока, якобы носящих характер гуманитарной помощи и поддержки.

Итак, сторонники данного подхода видят знаково-символические системы как инструменты конструирования смыслообразующего поля социальной действительности человека, которые могут активно применяться в роли технологий манипуляций с его сознанием на метафизическом уровне.

Архетипический подход рассматривает познание окружающей действительности через призму исследований нерациональных форм человеческой психики. Сторонники данного подхода полагают, что повседневной жизнедеятельностью индивида управляет бессознательное – один из ключевых элементов психики, выступающей как совокупность скрытых, глубинных инстинктов человека. По мысли одного из родоначальников аналитической психологии К. Юнга, инстинкты имеют чисто символическую природу и представляются в виде сокрытых от сознания форм – «архетипов». Под архетипами ученый усматривал некие образцы поведения индивида, схематические образы, представляемые как изначально врожденные психические структуры, которые присутствуют как в личном, так и в коллективном бессознательном, и организуют активность воображения человека. По мысли Юнга, архетипическое обнаруживает себя захватывающе-очаровывающим образом, архетипы составляют основу человеческого бытия: их содержание обнаруживается в сновидениях, мифах, верованиях, при проведении разнообразных ритуалов, они проявляют себя при исследовании невротических и психотических заболеваниях человека.

Архетипы пробуждают из сознательного разума те содержания, которые им подходят. В качестве таких содержаний фигурируют образы, вызывающие определенные типы эмоции, например, радость, трепет, ужас. И далее, уже непосредственно, сами эмоции оказывают влияние на поведенческую линию человека.

Например, для архетипа «герой» характерно естественное состояние как постоянное поле битвы, преодоление разнообразных трудностей, желание

сделать этот мир лучше, спасти тех, кто находится в беде. Этот образ, зародившийся еще в античные времена, оказывает значимое влияние на современную действительность. Так, 22 февраля 2014 года бывшая премьер-министр Украины Ю. Тимошенко выступила перед протестующими националистами на Майдане с речью, в которой призывала их к активным действиям против действующего режима президента В. Януковича: «Вы – гарантия. Вы – та сила, которая не даст никому отступить назад <...> Потому что это вы все изменили, не политики. Не дипломаты, не мир. Никто не в силах был это сделать. То, что случилось в стране, то, как разрослась эта раковая опухоль – никто не смог бы это сделать, кроме вас <...> И когда вы стояли на баррикадах с вот этими деревянными щитами против пуль снайперов, против Калашникова, когда наши парни прикрывали себя этими щитами и шли вперед, понимая, что идут на гибель – это нация, которую нельзя будет покорить <...> И я хочу, чтоб вы свою силу ощущали до последнего. Чтобы вы знали: если вы смогли изменить Украину, вы можете все»¹.

Восприятия такой информации направлено на структуры бессознательного, а именно, на задействование архетипа «героя» в целях конструирования в сознании протестующих мнимой искусственной реальности, в которой они не убийцы и преступники, а герои – борцы за свободу и независимость Украины.

Таким образом, данный подход рассматривает социогуманитарную технологию через призму управления скрытыми, глубинными инстинктами индивида, оказывающих значимое влияние в процессе конструирования его социальной действительности.

Центральным ориентиром социогуманитарных исследований в рамках *прагматического подхода* является понятие «практика». В классической (диалектико-материалистической) трактовке практика (др.-греч. *πράξις* – активность, действие) мыслится как осознанная, предметно-чувственная дея-

¹Цит. по: Тимошенко Ю.В. «Герои не умирают!» Текст речи Ю.В. Тимошенко на Майдане после освобождения. URL: <http://samaratoday.ru/news/160653> (дата обращения: 20.03.2018).

тельность человека и общества, направленная на создание необходимых условий для их существования. Другими словами, практика рассматривается с позиции деятельности, связанной и зависимой исключительно от человека. В отличие от диалектико-материалистической точки зрения, сторонники прагматической теории видят в практике самостоятельный социальный феномен, в котором окружающие человека материальные предметы занимают такую же значимую роль в производстве социальных связей и являются их полноценными социальными акторами. В этой связи можно выделить три значимых концепта, полноценно описывающих феномен практики: генетический конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля.

По мысли французского социолога П. Бурдьё, социальные практики есть не что иное, как способность социальных субъектов проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающей действительности. Практики определяют образ мыслей и поведения индивида в соответствии с индикаторами доступного и недоступного, того, что «для меня» и «не для меня», тем самым заставляя социальных субъектов приспосабливаться к настоящему и будущему. Таким образом, под социальной практикой можно понимать как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные, привычные поступки, не требующие объяснения и зачастую кажущиеся внешнему наблюдателю лишёнными смысла или же нелогичными¹.

Огромное внимание автор уделяет процессу *габитуализации* (т.е. оприличиванию, рутинизации), постоянно происходящему в ходе повседневной деятельности человека. Под габитусом исследователь понимает «систему устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, другими словами, это принципы, порождающие практики и представле-

¹См.: Бурдьё П. Начала. Chosesdites / пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994.

ния...»¹. Габитус, по мнению Бурдьё, это продукт истории, приобретенная система порождающих схем: «габитус как искусство изобретения есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик...»².

Согласно концепции английского социолога Э. Гидденса, социальные практики есть основа формирования и субъекта, и социального объекта. Они не могут происходить «все равно где», социальные практики упорядочены в пространстве и во времени, привязаны к определенному контексту, фону. При этом автор подчеркивает, что практика не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими. В этой связи, утверждает ученый, «предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики»³.

В этнометодологии социальные практики понимаются как фоновое знание; конкретная деятельность, соединяющая слова и действия; искусство решения практических задач в ситуации неопределенности. Наиболее значимым аспектом в осмыслении проблематики социальных практик в понимании американского исследователя Г. Гарфинкеля является «объяснимость практик, их наблюдаемость и сообщаемость, их рефлексивный характер, когда действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми, а смысл поведения должен быть обнаружен в самом поведении»⁴.

В рамках использования социогуманитарных технологий данный подход был в полной мере реализован в ходе проведения президентских выборов в США в 2017 году. Здесь стоит упомянуть о значимом вкладе «Cambridge

¹Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; общ. ред. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С. 102.

²Бурдьё П. Практический смысл. С. 108.

³Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2003. С. 40.

⁴Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007. С. 9.

Analytica»¹ в предвыборную кампанию Д. Трампа на пост президента Америки. Данная организация занималась сбором и анализом поведенческих данных о населении США в целях составления индивидуальных психологических портретов личности и выработки последующего решения для оказания влияния на общественное мнение американцев в пользу Д. Трампа. Бывший сотрудник этой кампании К. Уайли, возглавлявший один из исследовательских отделов, в ходе своего интервью английской газете «The Guardian» рассказывает следующее: «Бэннону (главный руководитель предвыборной команды Д. Трампа) было нужно оружие для его работы с культурой, и мы предложили ему способ, который ему пригодился, чтобы изменить американскую культуру <...> Компьютерные программы быстро и точно «просчитали» огромную массу людей – просто на основе их поведения в социальных сетях, группах, тестах и играх: куда заходил, что «лайкал», в каком настроении и какую музыку слушал <...> После все полученные данные были прогнаны через алгоритм, который дал понимание, кто вы такой <...> Ваши коллеги знают вас с одной стороны, друзья – с другой, а компьютер видит вас со всех сторон. Мы куда лучше любого человека можем предсказать ваше поведение...»².

Таким образом, сторонники данного подхода рассматривают технологии информационной войны как сплетение социальных практик, оказывающих воздействие на повседневную жизнь человека, социальные институты и структуры общества в рамках происходящих процессов опривычивания и рутинизации.

Дискурсивный подход абсолютизирует идею о том, что окружающая действительность понимается как текст, наполненный множеством смыслов, в котором человек предстает как «совокупность речевых практик». отече-

¹ «Cambridge Analytica» – английская частная компания, занимающаяся проведением глубинного анализа данных о пользователях социальных сетей для разработки оптимальной стратегии принятия решения.

² Цит. по: Cambridge Analytica whistleblower: «We spent \$1m harvesting millions of Facebook profiles» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FXdYSQ6nu-M> (дата обращения: 20.05.2018).

ственный философ М.М. Бахтин полагал, что именно текст позволяет человеку понять все многообразие окружающего мира: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т.е. создает текст. Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, то это уже не гуманитарные науки...»¹.

Э.В. Будаев и А.П. Чудинов в своей книге «Современная политическая лингвистика» полагают, что такое понимание человека связано прежде всего с понятием дискурсивного² восприятия действительности. По их мнению, это является результатом вхождения общества в информационную эпоху, бурного развития новых форм коммуникаций и «электрических технологий», инициирующих в информационном поле циркуляцию огромного количества информации различной по смыслу и по своему значению³.

Важно отметить, что в условиях информационного противоборства дискурс, занимающий господствующее положение в иерархической структуре общества («тотализирующий дискурс»), формирует не только массовое сознание общества, но и приводит к фундаментальным изменениям в различных областях жизни современного социума (развитие общества потребления, формирование клипового мышления у молодежи и т.д.).

Каким же образом производится «тотализирующий дискурс»? Деятельность по формированию дискурса может быть представлена как реализация некой конфигурации утверждений, каждое из которых участвует в следую-

¹Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 304.

²Дискурс (лат. *discurro* – «круговорот», «беседа», фр. *discours* – «речь», «рассуждение») – это «речь, погруженная в жизнь», совокупность процессов языковой деятельности (устные и письменные тексты, рассуждения, выступления), воспроизводимые людьми в различных социальных практиках (управленческая деятельность, СМИ, реклама, экономика и др.), формируя тем самым независимую символическую реальность, развивающуюся по определенным социальным законам (см. подробнее: Кафтан В.В. Теория и практика массовых коммуникаций. М., 2018.).

³См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011.

щих типах отношений: денотации, манифестации, сигнификации и специального события¹.

Первый тип отношений называется *денотация* (лат. *de* – порознь, отмена и *noto* – отмечаю, обозначаю; прямое, явное значение языковой единицы, слова) – создание высказывания как языкового и знакового пространства дискурса, характеризующего реальное положение дел или умело сконструированную иллюзию в какой-либо сфере общества.

Вторым типом отношений выступает *манифестация* (лат. *manifestatio* – обнаружение, проявление; массовое публичное выступление, шествие) – вереница чувственных взаимоотношений, сформировавшаяся между субъектом дискурса и его посланием в аудитории и имеющая ярко выраженный политический характер.

Третий тип – *сигнификация* (лат. *significatum* – значимое; процесс фиксации значений) представляет собой процесс придания определенных значений и смыслов формируемым дискурсивным практикам, организация взаимосвязи с другими значениями.

И последним типом отношений выступает *специальное событие* – действие, целенаправленно организованное для трансляции идей, ценностей, сообщений, выражающих и служащих достижению мировоззренческих, информационных, политических, коммерческих и других целей социума, объединенного различными основаниями, принципами и взглядами².

В качестве наглядного примера формирования тотализирующего дискурса рассмотрим события, связанные с массовыми беспорядками в Египте в 2011 году против режима президента Х. Мубарака. По мнению отечественного исследователя В. Соловья, основным поводом для организации этих протестов послужило растиражированное в сети фото убийства известного интернет-блогера Х. Саида, совершенное в Александрии. По материалам рас-

¹См.: Делёз Ж. Логика смысла; Фуко М. *The atrum philosophicum*. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 29-31; Качанов Ю.Л. Автономия и структуры социологического дискурса. М., 2010.

²См.: Кафтан В.В. Теория и практика массовых коммуникаций. М., 2018. С. 321- 327.

следования на юношу напали двое неизвестных мужчин, когда он находился в интернет-кафе. После чего выволокли его на улицу и жестоко избили, от полученных травм Х. Саид скончался. Позже выяснилось, что нападавшими были представители городской полиции.

В этом отношении информация о данном инциденте выступает первым типом отношений (денотацией). Далее следует манифестация – сотрудник компании Google на Ближнем Востоке В. Гоним создал в сети Facebook для всеобщего обозрения страничку с хештегом «Каждый из нас Халед Саид» и выложил несколько фотографий с места преступления, на которых было изображено изуродованное лицо погибшего¹. Данная страничка уже с первых минут своего существования набрала довольно существенное количество подписчиков (более 300 чел.), в дальнейшем став основным источником новостей о ходе египетской революции.

Третий тип отношений (сигнификация) представляет собой процесс фабрикации «медийщиками» из числа протестующих различных фейков (публикация документов, свидетельствующих о пытках, проводимых сотрудниками различных государственных служб над гражданами страны, и многие другие фото и видеоматериалы, обличающие нарушения прав человека со стороны египетского руководства).

Специальным событием выступают массовые митинги молодежи против режима Мубарака, состоявшиеся 25 января 2012 года одновременно в столице на площади Тахрир и в других крупных городах страны, которые в дальнейшем переросли в массовые беспорядки и вооруженные столкновения протестующих с представителями органов власти. Итогом развития сложившейся ситуации стало снятие Хосни Мубараком 11 февраля 2012 года с себя полномочий «действующего президента Египта» и, как следствие, передача управления в руки Высшего совета Вооруженных Сил.

¹ См.: Официальная страница Халеда Саида в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/khaled-mohamed-said-125205124186046/> (дата обращения: 20.05.2018).

Таким образом, дискурсивный подход сосредотачивает свое внимание на социогуманитарной технологии информационной войны как на совокупности различных дискурсивных практик (устные и письменные тексты, рассуждения, выступления в различных сферах социальной жизни), выступающих в роли инструментов по организации и управлению социального мира человека, развивающегося по определенным социальным законам и правилам поведения.

При осмыслении характера проблематики социогуманитарного знания в ракурсе *аналитической традиции* значимое внимание уделяется языку (слову, тексту, дискурсу), а также возможностям его понимания и интерпретации. Главным образом, это связано с произошедшей во второй половине XX в. сменой научных парадигм в сторону лингвистики. Согласно утвердившейся парадигме, язык есть фундаментальная основа бытия, включая все свое содержание: окружающую действительность, социальные процессы, переживания и поведение человека и общества, обуславливается структурой и совокупностью значений языка.

По мнению австрийского лингвиста и философа Л. Витгенштейна, язык – это не просто «говорение» (или «письмо») как самостоятельный процесс; он – деяние, совокупность речевых практик, неразрывно связанных с исторически сложившимися обычаями, реальными способами действия, поведения людей¹. При таком подходе базовыми структурами языка считаются уже не «простые предложения», соотнесенные с некоторыми событиями, а более или менее аналогичные друг другу многофункциональные системы языка, его практики – «языковые игры».

Языковые игры – это своеобразный аналитический метод (система процедур) прояснения языка, высвечивания его инструментов, функций, работы. Другими словами, это особая методология, позволяющая выявить все многообразие функций, выполняемых языком.

¹См.: Грязнов А.Ф. Этическая проблематика в трудах Л. Витгенштейна // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 235-238.

Согласно Витгенштейну, языковая игра зависит от наличия следующих условий: языкового сообщества (наличия людей, понимающих и говорящих на данном языке), понятности и нормативности (ясности для говорящих и подчинения языка некоторым правилам), защиты правил (нарушители должны исключаться из языкового сообщества): «Лютера и Толстого отлучили от церкви за вольные, не согласующиеся с «официальной» позицией, толкования положений христианства и запретили печатать их духовные тексты»¹.

Подчеркивая важность способа употребления слова, Витгенштейн утверждал, что «значение слова есть его употребление в языке». Так, в процессе беседы, когда наш собеседник употребляет различные абстрактные понятия, мы часто можем понимать его неправильно, ложно воспринимая сказанное им, полагая, что он играет в ту же самую языковую игру, что и мы, тогда как его «игра» иная. Вследствие чего нельзя смешивать различные употребления слов, различные «лингвистические игры».

Таким образом, анализируя речевую практику, философ приходит к выводу, что язык во всем своем многообразии включает в себя множество взаимосвязанных игр. Предполагая, что исходные речевые модели абстрагируются из естественного языка за счет его упрощения, возврата слов, фраз на ту человеческую реальность, где они обрели свои начальные значения, вследствие чего над простейшими играми надстраиваются новые, более сложные игры. В результате этого формируется особая картина реальности, представляющая собой модель «язык-логика-реальность».

Значимый интерес представляет позиция немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера. По его мнению, язык впервые дает имя сущему и через такое именование «впервые изводит сущее в слово и явление». С помощью языка реализуется «человеческое в человеке» *Dasein* («вот-бытие», «присутствие»). Человек есть такое сущее, которое не просто существует, а способно «вопрошатель бытие», свидетельствовать, удостоверять:

¹Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб., 2007. С. 190-191.

«да», «вот» «тут» «есть»; вот тут есть я, вот тут есть мир, та или иная вещь, на которую устремлен мой взгляд. Согласно Хайдеггеру, говорит всегда уже сам язык, а дело человека – слушать. Для человека говорить означает соответствовать говору языка. Человеческая речь – это ответ на призыв, который еще нужно услышать. Таким образом, «язык есть дом бытия»¹.

Представитель герменевтики Х.-Г. Гадамер писал, что «язык есть та среда, то пространство, где осуществляется собеседование, истолкование, диалог; он насыщен переживаниями и духовным опытом предшествующих поколений. В языке становится видимой та действительность, которая возвышается над сознанием индивидуальностей. Сам по себе языковой опыт мира абсолютен, он возвышается над нашим конкретным бытием и охватывает любые отношения, любое бытие, в какой бы связи эти сущности ни представляли перед нами. Языковой опыт предшествует всему тому, что мы познаем и высказываем»².

Применительно к современной информационной войны это может быть осмыслено как конструирование западными специалистами в сознании мирового социума особых искусственных реальностей посредством использования языка СМИ, в которых Россия предстает с негативной и отрицательной стороны. Так, например, российское политическое руководство освещается иностранными СМИ как некое сборище самодуров, бюрократов, убийц и воров, стремящихся к мировому господству. А великая русская культура представляется как культура общества тирании, в котором честность и порядочность высмеиваются, а главенствует лишь пьянство и наркомания. Для формирования вышеописанной социальной действительности в сознании мирового сообщества применяются целые комплексы различных языковых технологий воздействия, такие, как клевета, мифы, метафоры, нарративы, языковые игры, фабрикация фактов, медиавирусы и многие др.

¹Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 331.

²Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1991. С. 452.

В качестве наглядного примера можно привести события от 25 ноября 2018 года в Керченском проливе (Азовское море), в ходе которых три военноморских судна ВМС Украины незаконно пересекли государственную границу РФ. По информации агентства РИА-новости, приказ на эту провокацию был лично санкционирован П. Порошенко, в целях провоцирования российского руководства на какие-либо ответные действия, которые в дальнейшем можно будет использовать против России.

Данный провокационный рейд был незамедлительно пресечен российской пограничной службой. После инцидента западные СМИ растиражировали множество различных сообщений о «российской агрессии в Азовском море», в которых действия ее пограничных служб расцениваются, якобы, как нарушение положений Устава ООН и Конвенции ООН по морскому праву. Например, «мнимые обстрелы» украинских судов со стороны России, неправомерное «грубое и жестокое обращение» в отношении задержанных экипажей и т.д.

Позже представитель Евросоюза Ф. Могерини выступила с речью, в которой призвала российское руководство проявить сдержанность и немедленно восстановить свободу прохода по Керченскому проливу, чтобы деэскалировать сложившуюся ситуацию на Азовском море¹.

Из вышесказанного следует, что аналитический подход призывает видеть в социогуманитарных технологиях информационной войны определенные формы языкового поведения социальных субъектов, которые в своих действиях формируют символическое описание социального мира, тем самым создавая его.

Коммуникативный подход призывает к тому, что в условиях развития современного социума все большее значение приобретают коммуникативные явления. Сторонники данного подхода полагают, что коммуникации конструируют «ткань» социальной действительности современного социума.

¹См.: Евросоюз призвал Россию и Украину к сдержанности в Азовском море. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5832891> (дата обращения: 20.05.2019).

Так, С.В. Клягин отмечает, что «коммуникативные взаимодействия создают новые символические пространства социальной реальности. Современные коммуникации стали заметны не только в качестве средства локального взаимодействия, но и как объединяющая среда, в которой реализуется целостность человека и общества... Мир, «скрепленный» коммуникацией, – это мир новых возможностей и перспектив развития цивилизации»¹. По мнению одного из отцов-основателей теории коммуникаций М. Кастельса, это связано с тем, что коммуникация является «эпицентром битвы» по формированию ценностных установок и норм в обществе, они обладают определенной властью над ним, которая зиждется в центре его структуры: «массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства»².

В общем понимании коммуникация осмысливается как способ взаимоотношения любых объектов материального и духовного мира. Так, американский социолог Ч. Кули усматривает под коммуникацией «механизм, посредством которого существуют и развиваются человеческие отношения, символы сознания, вместе со средствами передачи их в пространстве и сохранения во времени»³. Другими словами, по Кули, коммуникация включает в себя элементы мимики и жестов, слова, печать, телеграф, телефон и др. Сторонник психологического бихевиоризма С. Стивенс определяет коммуникацию как специфический ответ организма на стимул. Это означает, что коммуникация возникает, когда некоторый внешний раздражитель (стимул) побуждает субъекта к активности.

Наиболее полный анализ сущностных характеристик данного феномена представлен в работах американского исследователя Р. Крейга. Теория коммуникации, согласно ему, представляется как особый дискурс о дискурсе,

¹Клягин С.В. Социальная коммуникация: созидание человека и общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2007. № 1. С. 34.

²Кастельс М. Власть коммуникаций. М., 2016. С. 20.

³Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 125.

общее поле, выработанное в процессе осмысления социальных практик и отражающее его конститутивный характер. В этой связи Крейг выделяет следующие значимые концепты, охватывающие процесс коммуникации¹:

а) *риторический* (коммуникация рассматривается через призму практического искусства создания сообщения);

б) *семиотический* (коммуникация предстает как межсубъектное взаимодействие, опосредованное знаково-символическими системами);

в) *феноменологический* (коммуникация представляется как проживание опыта другого);

г) *кибернетический* (коммуникация выступает как процесс эффективной передачи и обработки потоков информации);

д) *социально-психологический* (коммуникация понимается как взаимодействие между ее субъектами, в ходе которого они оказывают влияние друг на друга);

е) *социально-культурологический* (коммуникация выступает как инструмент (ре)продукции социального порядка и конструирования норм и институтов общения);

ж) *критический* (коммуникация воспринимается как процесс дискурсивной рефлексии).

На основе существующих подходов, можно сделать вывод о том, что предметом исследования теории коммуникации выступают разнообразные социогуманитарные аспекты человеческого бытия, возникающие на протяжении всего процесса общения между людьми, а также в ходе их совместного воспроизводства и преобразования социальной действительности при помощи использования информационно-коммуникативных средств. В связи с этим под коммуникацией следует понимать деятельностное, информационно-смысловое основание функционирования сложных саморазвивающихся социальных систем по их проектированию, организации и преобразованию.

¹ См.: *Craig R. Communication theory as a field* // *Communication Theory*. URL: <https://ru.scribd.com/document/225851796/Craig-1999-Communication-Theory-as-a-Field> (дата обращения: 20.07.2018).

В настоящее время, по утверждению французского философа Ж. Бодрийяра, окружающая человека действительность все больше приобретает свойства коммуницируемости социального пространства, что открывает новые возможности и методы информационно-деструктивного воздействия на общественные массы: «...массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удалось никакими усилиями. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью. Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным... Бомбардируемые рассчитанными на ответную реакцию сигналами, забрасываемые посланиями, атакуемые тестовыми испытаниями, массы оказываются теперь лишь непрозрачным, непроницаемым образованием...»¹.

В качестве примера можно рассмотреть PR-деятельность главного героя романа С. Минаева «MediaSapiens. Повесть о третьем сроке»² Антона Дроздикова. Антон – успешный специалист по пиару и «медийщик», ему все равно на кого работать, он фанатик своего дела. По сюжету, в канун президентских выборов 2008 года, неизвестные западные инвесторы заказывают у него организовать серию новостных событий, целью которых будет дискредитация предвыборной кампании Президента Российской Федерации В.В. Путина. Далее Дроздилов проводит настоящую информационную войну против компании Путина, начиная от лжи, фабрикации фактов и заканчивая настоящим информационным терактом.

Следует отметить, что в настоящее время точно такую же деятельность разворачивает общественная организация «Белые каски», целью которой является дискредитация в глазах мировой общественности совместных действий сирийской армии и российских военнослужащих по противодействию деятельности террористической группировки ИГИЛ на территории Сирии.

¹Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 14.

²Минаев С.С. Media Sapiens. Повесть о третьем сроке. М., 2007. 320 с.

Таким образом, коммуникация как область социогуманитарного знания предстает в роли технологии воздействия на массовое сознание общества, реализуемого посредством точечного влияния на социальные взаимодействия людей, где человек представляется как неподлинное существо и выражен как определенный «фрагмент» построения этих взаимодействий.

В своем содержательном наполнении социогуманитарные технологии современной информационной войны могут быть представлены тремя уровнями: инструментально-коммуникативным, ценностно-прагматическим и социально-философским.

Первый уровень содержания социогуманитарных технологий – *инструментально-коммуникативный* – представляет собой совокупность разнообразных форм деятельности (политика, реклама, маркетинг) и средств коммуникации (глобальные сети, телевидение, СМИ), формирующие отношения человека с окружающей его институциональной и социальной средой в роли потребителя. Для реализации данного типа отношений необходимо использование определенного набора ценностей.

Поэтому *вторым уровнем содержания* социогуманитарных технологий выступают *ценности*, представляемые как многомерное образование материального и духовного порядка, способные удовлетворить материально-физические и духовные потребности человека и общества. Совокупность определенных ценностей образует конкретный тип идеологий (аксиологические матрицы), направленный на управление человеческой ментальностью, координацию и формирование приверженности индивида многим формам реальных и мнимых идентичностей, потребностей, услуг и т.п. В социально-политическом пространстве множества различных типов идеологий ведут постоянную борьбу за власть над «фрагментами» душ, воли и желаний, которые обеспечивают победу наиболее удачной идеологии с надлежащими далее дивидендами.

Наивысший уровень содержания технологий – *социально-философский*. В основе аксиологических матриц лежит более глубокий пласт, связанный с

коммуникативными практиками, архетипами, языковыми структурами, символическими кодами и значимыми смыслами, выраженные как онтологические механизмы реализации повседневной действительности человека и общества. Социальная философия в таком ключе выступает в качестве единой, целостной методологической оснастки для их анализа.

Выделение указанных составляющих содержания социогуманитарных технологий позволяет прояснить современные методы и средства информационного господства в целях удерживания привилегий в существующей многополярной системе отношений между современными государствами и странами. В то же время видение технологии в таком ключе дает основание для анализа всей совокупности социогуманитарного знания, проявляемого через современные формы и средства информационно-коммуникативного воздействия (технологии разыгрывания спектакля, «мягкая сила», цветные революции, стратегия управления хаосом, психоисторическая война и т.д.).

Итак, можно предположить, что социогуманитарные технологии информационной войны – это «мягкие», едва ощущаемые человеком инструменты воздействия на его глубинные структуры сознания (мировоззрение, инстинкты, поведение, эмоции), в основе которых лежат знания о его человеческой и социальной природе.

В ходе проведенного анализа становится очевидным, что в содержательном плане эти технологии имеют мультипарадигмальную природу, наглядно проявляющейся в невозможности отнесения какой-либо технологии к определенному типу социогуманитарного знания. Другими словами, в основе технологии могут лежать различные пласты социогуманитарного знания (архетипы, символы, ценности, практики и т.д.). Представляется, что для наиболее полного отражения сущности социогуманитарных технологий информационной войны необходимо использовать системно-комплексный подход.

Таким образом, исходя из вышесказанного, под *социогуманитарной технологией информационной войны (СГТ ИВ)* следует понимать целенаправленную, системно-организованную форму и алгоритм деятельности ак-

торов общественного развития, включающую в себя широкий спектр информационно-коммуникативных средств, основанных на знании социогуманитарного характера, и воздействующую на мировоззренческую и поведенческую природу человека (поле взаимосвязанных коммуникативных практик, архетипы, дискурсы, духовные образы, символические коды и значимые смыслы).

Исходя из того, что социогуманитарная технология информационной войны представляет собой специфическую форму коммуникативной деятельности, ее общая структура может быть выражена через следующие компоненты. Во-первых, она включает в себя *субъект технологии*, которым является участник коммуникативной деятельности, выступающий в роли заказчика/исполнителя информационной войны, оказывающий то или иное воздействие на объект. В первую очередь в роли заказчика технологии выступают государственные структуры в рамках реализации программ стратегической и национальной политики безопасности государства (формирование «правильного» общественного мнения как внутри своей страны, так и в других странах).

Со становлением информационного общества на арену информационно-противоборства в роли субъектов-заказчиков выдвигаются также транснациональные корпорации, представители мировых финансовых концернов, преступные синдикаты, террористические организации, религиозные секты и др. лица, заинтересованные в управлении массовым сознанием общества. А.И. Фурсов в своем исследовании «De Conspiratione» полагает, что такое деление обусловлено прежде всего финансово-экономической составляющей современного социума в силу того, что интересы этих субъектов выходят за пределы национальных государств и вступают в противоречие с интересами народов¹.

¹См.: Фурсов А.И. De Conspiratione: Капитализм как заговор // De Conspiratione / О заговоре: сб. монографий. М., 2013. С. 7-143.

В роли конструкторов и исполнителей современных информационных технологий выступают ученые, символические аналитики, специалисты в сфере PR, медийщики, блоггеры. Иначе говоря, все те, кто формирует современное информационно-коммуникативное пространство: «мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация. Напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией»¹.

По утверждению Н.А. Баранова, современная власть зиждется в руках тех, кто управляет информационным полем: «Наверное, нет сегодня большей власти, чем власть виртуальная... Власть образов – это не менее страшная сила, чем власть денег или власть силы»². На сегодняшний день медиа – это сфера, создающая мнимые, виртуальные реальности, которые навязываются миллионам зрителей.

Следует отметить, что анализ природы и содержания социогуманитарных технологий в контексте их субъектности вскрывает очень важный аспект – анонимный характер заказчика нынешних информационных войн. В настоящее время бытует множество гипотез о том, кто же является настоящим, истинным заказчиком и организатором происходящих событий (военно-политических, религиозно-этнических конфликтов, финансово-экономических кризисов и т.д.) современности. Советский аналитик Е.Б. Черняк утверждает, что тайные, анонимные войны характерны для англосаксонской цивилизации. В процессе своего исторического развития Великобритания и ее транснациональные корпорации всеми силами стремились срабатывать между собой своих исторических конкурентов, блокируя саму возможность их развития³.

Во-вторых, в роли *объекта* социогуманитарного воздействия выступает сфера социально-гуманитарной природы человека, основу которой формируют ценности, история, культура, языковое поле, символические и комму-

¹Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 122-123.

²Баранов Н.А. Политическое восприятие и практическая политика. Интернет-блок. URL: http://www.nicbar.ru/polit_karyera_04.htm (дата обращения: 20.05.2018).

³См. подробнее: Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М., 1972.

никативные пространства. Социогуманитарные технологии составляют «ткань» повседневной действительности современного социума, реализуясь в коммуникациях и интеракциях, в которых осуществляется обмен и конструирование смыслов, значений и образов.

В-третьих, в качестве структурного элемента технологии выступает *предмет* социогуманитарного воздействия, который имеет множественную природу, что обусловлено мультипарадигмальностью подходов к социогуманитарному знанию. В первом приближении они могут быть выражены как глубинные структуры разума индивида (когнитивный, эмоциональный, ценностно-смысловой и поведенческий компоненты).

Г.Г. Почепцов утверждает, что современный конфликт на Украине продемонстрировал новые методы применения информационных технологий воздействия: «Изменяется не только интенсивность информационных атак и расширение набора объектов для атак, трансформировался и базовый тип атак... то, на что они направлены, какие сферы человеческого разума подвергаются нападению, какие последствия эти атаки несут»¹.

Автор выделяет три типа технологий, направленных на трансформацию различных областей человеческого разума: а) технологию «поведенческая война» (изменяет имеющиеся правила поведения индивида, переводя его на иное поведение, которое представляется субъекту воздействия более правильным); б) технологию «смысловые войны» (изменяет картину мира массового сознания общества, где объектом выступает здравый смысл); в) технологию «когнитивные войны» (трансформирует картину мира человека, которая обусловлена инфраструктурой науки и образования)².

В-четвертых, структурным элементом технологии выступает *цель* как предвосхищенный результат применяемого информационного инструментария воздействия. Она состоит в организации коммуникации (осуществления

¹Почепцов Г.Г. Пять новых направлений трансформации информационной войны: реализованные подходы. URL: <https://psyfactor.org/psyops/infowar47.htm> (дата обращения: 21.06.2018).

²См. там же.

взаимодействий инструментария с объектом воздействия) и ее управления. В таком случае под целью понимается оказание определенного коммуникативного воздействия субъектом информационной войны на получателя информации по средствам ее трансляции, эмпатии (передача чувственного отношения) и интеракции (побуждения к действию).

Специалисты в сфере коммуникации М. Де Флюер и С. Болл-Рокич выдвигают следующее возможные результаты коммуникативного воздействия: а) поведенческий эффект как принуждение индивида к действию или, наоборот, к бездействию; б) эмоциональный эффект как оказание воздействия на эмоциональную составляющую структуру психики человека (ужас, любопытство, радость, любовь и т.д.); в) когнитивный эффект как разрешение познавательной неопределенности по поводу неоднозначных явлений и процессов, происходящих в обществе; формирование установок поведенческих реакций в отношении объектов внешней среды; конструирование ценностных ориентаций общества; распространения новых систем мнений¹.

Р. Моландер, Э. Риггл, П. Уилсон – аналитики из корпорации РЭНД – полагают, что современные информационные технологии в отношении населения государств и стран Восточной Европы, включая Россию, призваны решать следующий круг задач:

- создание в обществе атмосферы бездуховности и безнравственности, а также негативного отношения к своему культурно-историческому наследию;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны в целях создания политической напряженности и хаоса;
- дестабилизация взаимоотношений между различными институтами государства в целях провокации конфликтов, разжигания недоверия и подозрительности у народа, инициирование забастовок и массовых беспорядков;

¹См. подробнее: *Ball-Rokeach S.J., De Fleur M.L. A dependency model of mass-media effects // Communication Research. URL: <https://arch.neicon.ru/xmlui/handle/123456789/2991059> (дата обращения: 23.06.2018).*

- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, а также затруднение принятия органами управления важных политических решений;
- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;
- провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;
- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами¹.

Коммуникативный канал, в-пятых, также выступает в качестве структурного элемента технологии. Это реальный или воображаемый маршрут (среда), через который субъект осуществляет передачу (воздействие) информации на адресата. Каналы условно разделяются на *естественные*, формирующиеся при участии органов чувств человека в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью (аудиальный, визуальный, тактильный), и *искусственные* – технические каналы связи (радиосвязь, линии телевидения, интернет и др.).

Стоит отметить, что в рамках развития современных коммуникаций наиболее используемым в информационной войне является маршрут передачи информации, который имеет двухступенчатую структуру: в начале передача сообщения осуществляется по техническим каналам, затем осуществляется переход к естественным каналам в процессе восприятия полученной информации.

В-шестых, *средства* коммуникации технологии. Под ними понимается все то, что передается по каналам связи (устные и письменные тексты, коды, символы, знаки, картинки, аудио и видеоматериалы), а также технические средства связи (телевизор, компьютер, мобильные устройства).

¹См.подробнее: *Molander, R.C., Riddile, A.S., Wilson, P.A.* Strategic information warfare: a new face of war // RAND Monograph Report. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR661.html (дата обращения: 23.06.2018).

Результат влияния технологии, в-седьмых, как структурный элемент есть итог применения технологии, последствия вереницы действий или событий, выраженные в количественных (время, интенсивность, объем и направленность информации) и качественных характеристиках (степень влияния, содержание и смысл передаваемой информации).

Основным индикатором результативности применяемой технологии является ответная реакция потребителя на информацию, осуществляемая посредством *обратной связи* между участниками коммуникативного процесса. Обратная связь как процесс имеет двухсторонний характер, что позволяет субъекту вносить определенные корректировки в процесс управления коммуникации для получения нужного результата. Обратная связь может проявляться как с положительной (необходимый эффект воздействия достигнут), так и с отрицательной стороны (эффект не достигнут).

Из вышесказанного следует, что специфика создания и применения указанных технологий проявляется прежде всего в *мультипарадигмальной природе* социогуманитарного знания. Например, последователи лингвистической традиции (Л. Витгенштейн, Н. Гудмен, Н. Хомский) полагают, что окружающий их мир есть совокупность объективных языковых структур, в связи с чем повседневная действительность воспринимается человеком через язык и текстовую информацию. Сторонники семиотического подхода (Р. Барт, Э. Кассирер) в этом отношении предлагают знаково-символические системы, а коммуникатологи (М. Кастельс, М. Маклюэн) считают, что именно коммуникации, являясь двигателем человеческого прогресса, обуславливают восприятие сознанием окружающей действительности и т.д. В практическом плане это означает, что в основе этих технологий могут лежать различные социально-философские взгляды и идеи, например, концепты археологии знания М. Фуко, общества спектакля Э. Ги Дебора, сетевой власти М. Кастельса и многих др.

Другим весьма значимым свойством социогуманитарных технологий является способность различных направлений социогуманитарного знания к

конвергенции (лат. *converge* – сближаю) как процессу, операции сближения и схождения различных сущностей. Данная особенность обуславливает возможности как одновременного сосуществования нескольких социогуманитарных теорий и концептов, так и возможности их совместной интеграции и взаимодополнения друг друга. Так, анализ характера воздействия технологии «ценностной войны» (на примере украинского общества) выявляет определенные онтологические основания (социально-философские теории) ее структуры: во-первых, семиотические основания (например, использование концепта симулякризации социального пространства Ж. Бодрийяра), во-вторых, аксиологические основания (инструменталистская концепция ценностей М. Вебера), в-третьих, коммуникативные основания (дискурс «общества потребления») и т.д.

Таким образом, в качестве вывода по разделу необходимо отметить следующее.

1. На современном этапе развития человека феномен информационной войны претерпевает значительные трансформации в области приемов, способов и средств ее ведения, связанные, во-первых, с изменением онтологических, гносеологических, методологических и аксиологических оснований, формирующих типы научной рациональности; *во-вторых*, с развитием военно-теоретического знания; *в-третьих*, с совершенствованием функций и внутрискруктурных элементов содержания средств ее ведения. В таком ключе информационная война представляется как особая радикальная форма гуманитарного противоборства между государствами, их политическими организациями и социальными институтами. При этом ее технологический инструментарий имеет ярко выраженную социогуманитарную специфику, где человек рассматривается как неподлинное существо, не имеющее право на самостоятельную и осознанную коммуникативную позицию и используется в качестве определенного «фрагмента» при конструировании социальной действительности.

2. *Социогуманитарная технология информационной войны* представляет собой целенаправленную, системно-организованную форму и алгоритм деятельности акторов общественного развития, включающую в себя широкий спектр информационно-коммуникативных средств, основанных на знании социогуманитарного характера, и воздействующую на мировоззренческую и поведенческую природу человека.

3. В структурном отношении социогуманитарные технологии включают в себя следующие элементы: а) *субъект* социогуманитарного воздействия, которым является участник коммуникативной деятельности, выступающий в роли заказчика и исполнителя информационной войны; б) *объект* социогуманитарного воздействия, в роли которого выступает сфера социально-гуманитарной природы человека; в) планируемые *цели* социогуманитарного воздействия; г) естественные и искусственные *коммуникативные каналы* реализации социогуманитарного воздействия; д) *средства* репрезентации социогуманитарного воздействия; е) *результаты* социогуманитарного воздействия и ж) *обратная связь*.

4. Специфика социогуманитарных технологий современной информационной войны выражается, во-первых, в *мультипарадигмальной природе* социогуманитарного знания (онтологическим фундаментом деструктивных и манипулятивных технологий являются различные социально-философские взгляды и идеи). И, во-вторых, способности социогуманитарного знания к *конвергенции* (возможность одновременного сосуществования нескольких социогуманитарных теорий и концептов, их совместной интеграции и взаимодополнения друг друга).

Раздел II. Динамика и тенденции развития социогуманитарных технологий в контексте информационной войны

Для уяснения содержания и специфики социогуманитарных технологий и характера их применения в современной информационной войне, необходимо обратиться к проблеме динамики данного социального феномена, раскрыть факторы, оказывающие существенное влияние на их развитие, а также вскрыть наиболее приоритетные направления противодействия данным технологиям в будущем.

Под динамикой (др.-греч. *dynamis* – сила) понимается особое состояние движения, философская категория, противоположная статике и характеризующая ход развития и изменения каких-либо явлений и объектов под влиянием определенных факторов и условий социального мира человека. Соотношение конкретных условий и факторов порождает движущую силу, называемую источником развития. В роли источника любого развития выступают внутренние и внешние противоречия, мыслимые как особые формы взаимодействия противоположных сторон исследуемого предмета или явления объективного мира. Согласно идее Г. Гегеля, противоречие есть главный «корень всякого движения и жизненности»¹.

Представляется, что исследование динамики социогуманитарных технологий позволит выявить, что данный феномен как элемент социогуманитарного противоборства в контексте современной информационной войны является довольно сложной и быстроизменяющейся системой.

Анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов² по данной проблематике позволяет сделать вывод, что на динамику социогумани-

¹Гегель Г. Соч.: в 5 т. М., 1937. Т. 5. С. 520.

²См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2011; Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016; Клягин С.В. Новый образ науки в военно-социальных исследованиях. М., 1997; Кафтан В.В., Петрий П.В. Аксиология воинского служения: монография. М., 2017; Анализ военно-политических технологий и перспективы их применения в управлении обороной Российской Федерации: Военно-теоретический труд. / Под общей редакцией С.И. Музюкова. М., 2018 и др.

тарных технологий весьма существенно влияет множество разнообразных факторов¹ и условий, различающиеся по времени и способам воздействия, выполняемой роли и степени эффективности.

Для настоящего исследования наибольший интерес представляет анализ объективной и субъективной сторон динамики социогуманитарных технологий современной информационной войны. В таком ракурсе исследования проблемы данный анализ позволит выявить первичность и вторичность этих социальных явлений, генетическую взаимосвязь между развитием социогуманитарного и естественно-научного знания в рамках динамики технологий современной информационной войны.

При этом важно отметить, что грани между объективностью и субъективностью рассматриваемого социального явления весьма относительны. Прежде всего, это обусловлено диалектикой развития общества и связанных с ним явлений, в частности, отражением принципа диалектического отношения целого к части, общего к особенному. Так, в зависимости от рассмотрения социального явления при одних конкретно-определенных исторических обстоятельствах оно может выступать в роли объективных условий, при рассмотрении явления с другого ракурса оно будет выступать уже субъективной стороной процесса.

К числу наиболее существенных условий и факторов объективного характера, определяющих динамику социогуманитарных технологий, следует отнести: а) рост военно-политических, экономических, социальных и духовных противоречий развития современного социума как условий формирования очагов мировой напряженности; б) развитие и распространение информационно-коммуникативных практик в ходе активно протекающих процессов глобализации социума; в) продолжающаяся экспансия западной культуры в цивилизационную среду российского социума; г) воздействия, связанные с совершенствованием и трансформацией медиаполитической системы

¹Фактор (нем. *faktor* – делающий, производящий) – это определенная из целого комплекса сила, всесторонне воздействующая на изучаемое социальное явление и выступающая в роли причины его появления или развития.

современного общества в процессе его глобализации. д) развитие постнеклассической формы научной рациональности в рамках формирования и организации нового образа современного социума и др. Рассмотрим наиболее значимые факторы более детально.

В условиях современной действительности одной из существенных сил, воздействующих на динамику социогуманитарных технологий современного информационного противоборства, выступает *развитие и распространение информационно-коммуникативных практик в ходе активно протекающих процессов глобализации социума*. По мнению М. Маклюэна, определяющим основанием исторического развития общества выступает смена технологий, вызванная совершенствованием способов коммуникации, где сами технологии есть ничто иное, как расширение человеческого тела, продолжение его рук, ног или глаз, нацеленные на увеличение скорости восприятия мира¹. Другими словами, появление разнообразных технических инноваций (средств передачи информации) способствовало кардинальным трансформациям в сфере сознания человека, а именно изменениям, произошедшим в области восприятия им окружающей действительности.

Таким образом, следуя мысли Маклюэна, можно выделить определенные исторические этапы развития средств передачи сообщений, которые в свою очередь могут выступать как основы формирования социогуманитарных технологий современных информационных войн.

Во-первых, этап *«первобытной символической культуры»*. В этот период человек жил в мире, в котором все его чувства находились в строгой гармонии и реагировали на внешние раздражители синхронно; это была замкнутая социальная действительность глубокого коллективного и племенного резонанса, где культура передачи информации целиком была сформирована на устном звуковом восприятии повседневной действительности.

В процессе становления символических форм письменности, таких, как иероглифы, пиктография, человек расширил свое чувство визуальности во

¹См.: Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2011.

внешнем мире. Окружающая действительность становится для него целостной семиотической системой, базисную основу которой составляют разнообразные символы, означающее в его сознании как конкретные категории и понятия, так и различные социальные операции и действия.

Так, в 480 году до н.э. персидский царь Ксеркс предпринял поход на Грецию, собрав под свои знамена завоеванные народы и племена Персидской империи (мидяне, лидийцы, вавилоняне, сирийцы, парфяне, египтяне, ионийцы и т.д.). Согласно сведениям греческого историка Геродота, войско насчитывало более одного миллиона воинов¹. Добравшись до пролива Геллеспонт, отделяющего его армию от Греции, персидский царь приказал своим воинам соорудить из кораблей понтонные мосты, каждый из которых был длиной более одного километра. Во время совершения переправы разразилась буря и разметала персидские корабли, некоторые воины погибли, утонув в море. Прознав про эту катастрофу, царь приказал казнить строителей, а своим воинам высечь море плетьюми (300 ударов бича), после чего бросить в воду пару оков как символ подчинения разбушевавшейся стихии своей «царской» негибимой воли. Также он приказал, чтобы в ходе проведения экзекуции воины должны были выкрикивать в адрес стихии слова следующего содержания: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке»².

Утолив таким образом свою жажду мести, Ксеркс назначил на строительство второй переправы новых инженеров, которые уже четко понимали, что от прочности этого моста зависит их жизнь, а потому предприняли всевозможные меры по недопущению подобных происшествий. Они выбрали наиболее крепкие корабли, которые были в наличии, и закрепили их в таком

¹ Согласно исследованиям современных историков, вторгшаяся в Грецию персидская армия на самом деле насчитывала от 80 до 200 тысяч воинов.

² Геродот. История. Книга VII. Полигимния. Л., 1972. С. 415-416.

соответствии, чтобы они наилучшим образом противостояли давлению течения моря.

Вторым этапом выступает временной отрезок становления «фонетической культуры». В результате создания древними финикийскими мореплавателями фонетического алфавита человек высвобождается из «племенной паутины», что служит началом процесса формирования «цивилизованного» человека, ибо письмо – это «драконьи зубы», посеянные царем Кадмом¹, представляющие собой единообразную обработку культуры зрительным чувством в пространстве и времени.

Динамика восприятия человеком окружающей его социальной реальности на данном этапе характеризуется изменениями от целостного восприятия окружающего мира к инструментально-фрагментированному его пониманию. Письменное слово наделило человека специальными инструментами, которые привели к разрыву между его глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом. Следует признать, что данные изменения заложили основу возможности манипуляции и фрагментирования сознания с помощью письменного текста.

В качестве примера можно рассмотреть автобиографическое сочинение древнегреческого полководца, ученика Сократа Ксенофонта «Анабасис Кира» (др.-греч. *αναβάσις* – восхождение), в котором он описал события, связанные с тяжелым и длительным походом – отступлением десятитысячного греческого войска после гибели персидского принца Кира Младшего (на чьей стороне сражались греки) в гражданской войне против своего брата царя Артаксеркса II, из Месопотамии на север через земли недружественных народов к берегу Черного моря. Так, автор описывает, что двигаясь по территории врага, греки периодически попадали в различные засады, устроенные персами, а в дальнейшем уже «варварскими» племенами, и только храбрость, му-

¹Царь Кадм – легендарный герой древнегреческой мифологии, основатель города Фивы. Согласно преданию, убил священного дракона бога войны Ареса, который охранял территорию, на которой впоследствии возник город. После своей победы над ужасным змеем, как гласит легенда, посеял его зубы в землю, из которых выросли воины.

жество и огромное желание вернуться домой позволило воинам добиться поставленной цели – «достичь славных берегов своей родины»¹.

Это сочинение для читателя предстает идеалом рассудительности и предусмотрительности военного искусства древних греков, а прежде всего таланта самого его автора Ксенофонта как полководца и как писателя. По мнению греческого историка Полибия, учение Аристотеля с подвигло юного Александра Македонского достичь конца ойкумены (освоенной человеком крайней точки мира), а Ксенофонт показал ему механизм реализации этой цели. В этом отношении именно «Анабасис Кира» вдохновил юного царя на завоевание Персидской империи².

В-третьих, этап становления *«галактики Гуттенберга»*. По мнению немецкого купца, создателя первого печатного станка, И. Гуттенберга, высшим качеством печати является «бесконечная» повторяемость изобразительного высказывания, «по крайней мере, пока сохраняется оттиск». Повторяемость есть ядро механистического принципа, овладевшего миром средневекового человека, путем фрагментации целостного действия.

В результате книгопечатание приобретает статус архетипа механистической эры, перебрасывающего мосты между историческими этапами развития человечества. Ибо, как полагал Маклюэн, «книгопечатание – если смотреть на него просто как на хранилище информации или как на новое средство быстрого восстановления знания – положило конец ограниченности и трибализму как психически, так и социально, как в пространстве, так и во времени»³.

В психологическом плане печать книг явилось расширением линейно-зрительной способности человека, порождая новые акценты в восприятии человеком окружающего его пространства – визуальности, однообразности и непрерывности. В социальном же плане книгопечатание стало прототипом индустриальной революции Нового времени: оно произвело на свет такие яв-

¹См.: Ксенофонт. Анабасис. М., 1994.

²См.: Полибий. Всеобщая история. СПб., 2005.

³Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2011. С. 110-111.

ления, как национализм, индустриализм, массовые рынки, всеобщую грамотность и образование.

Влияние «галактики Гутенберга» крайне велико. Так, военный теоретик русского зарубежья, создатель военной социологии Н.Н. Головин считал причинами быстрого и сокрушительного поражения французов в 1940 г. тот факт, что за время, прошедшее после Первой мировой войны, появилось поколение французов, воспитанное на пацифистских ценностях книг А. Барбюса, Э. Ремарка, благодаря которым французы оказались неспособны противостоять немецкому блицкригу ни физически, ни духовно. По мнению ученого, «они использовали наследство подобных же писателей вчерашнего дня и использовали старое обывательское представление о бое. Они ничего не изменили; придерживаясь этих старых традиций, они описали штыковые свалки, превратив прежние героические картины боев в звериные боины... Это самая возмутительная клевета на тех честных людей, которыми были и французские, и германские солдаты. Вот каковы прекрасные творения пацифистов! Вот та истина, которую они нам преподносят! Конечно, они ее не почерпнули из личного боевого опыта. Писатели, подыгрывающие под вкусы публики, знающие то вредное любопытство, которое вызывает убийство, окровавленный нож, изуродованный труп, использовали с большим мастерством эти патологические чувства и веками преподносили мало рассуждающей толпе старые песни, подновляя их лишь мотивами, соответствующими модам текущего дня»¹.

Следующий этап может быть представлен как «*электрическая галактика*»² – период развития электрической культуры, начало формирования кото-

¹Головин Н.Н. Наука о войне. Избранные сочинения. М., 2008. С. 54-56.

²М. Маклюэн дает название этому этапу – «Галактика Маркони», имея в виду итальянского изобретателя радио, по версии ряда западных стран, Г. Маркони, который запатентовал свою модель радиоприемника в 1897 г. Однако, еще 7 мая 1895 г. русский изобретатель А.С. Попов, работавший на военно-морское ведомство России (что требовало от него соблюдения определенного уровня секретности) на заседании Русского физико-химического общества продемонстрировал свой прибор, названный грозоотметчиком и предназначенный для регистрации электромагнитных колебаний в атмосфере. 25 марта 1896 г. (за два месяца до заявки Маркони) А.С. Попов провёл опыты с радиотелеграфией,

рой положило изобретение проводного телеграфа в 1884 г. и радио в 1895 г. Апофеозом этого этапа становится широкое распространение и использование визуальных и аудиальных технологий массовых коммуникаций, таких, как радио, телефон, кино, спутниковое и кабельное телевидение.

Отличительной особенностью этого этапа является то, что электрическая форма восприятия создает глобальную сеть, похожую по своему характеру на центральную нервную систему человека, конституирующая единое тотальное поле взаимодействующих событий, в котором участвуют весь социум. «Электричество, как и мозг, дает средство вхождения в контакт со всеми гранями бытия сразу»¹, ибо предоставленная электричеством возможность стремительной передачи информации, а также мгновенного на нее реагирования фактически упраздняет пространство и время, позволяя человеку не только осмыслить, но и прочувствовать свое единство с окружающей реальностью. Другими словами, осуществляется переход в осмыслении человеком окружающего его мира от механистического понимания к органическому, что оказывает существенные значения для развития, распространения и использования электронных средств массовой коммуникации как технологий управления индивидуальным и общественным сознанием.

В 1938 г. Орсон Уэллс создал радиоинсценировку романа Герберта Уэллса «Война миров». Передача началась танцевальной музыкой. Прерывая ее, диктор зачитывал экстренные сообщения о вспышках на Марсе и прибытии на Землю марсиан. Передачи якобы велись непосредственно из обсерватории, из правительственных учреждений, с крыши нью-йоркского небоскреба и т.д. Диктора сменяли объятые ужасом «официальные лица», включая министра внутренних дел. Вооруженные загадочным оружием – «лучами смерти», пришельцы расправились с посланными навстречу им военными само-

соединив свой аппарат с телеграфом и послав на расстояние 250 м радиogramму из двух слов: «Генрих Герц». В декабре 1901 г. на XI международном съезде естествоиспытателей и врачей заслуги А.С. Попова были признаны представителями учёных всего мира, в том числе и Маркони. 7 мая 1995 г. ЮНЕСКО провела торжественное заседание, посвященное 100-летию изобретения радио.

¹Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2011. С. 162.

летами. Марсиане двигались к Нью-Йорку, уничтожая людей и все сооружения...

Несмотря на то, что перед началом передачи диктор информировал слушателей о ее литературном характере, она породила массовый психоз. Передача длилась всего час (20.00-21.00), но мало кто из слушателей дослушал ее до конца и узнал о «гибели» марсиан. Паника охватила многие города. Население стремилось покинуть свои жилища и найти убежища; многих с нервными расстройствами госпитализировали, некоторых задавили насмерть на улицах и вокзалах обезумевшая толпа. В полицейских участках и редакциях газет беспрестанно звонили телефоны – люди пытались установить размеры катастрофы.

Следуя логике Маклюэна, можно выделить также «Галактику телевидения», которая позволяет человеку получать не отдельные элементы информации: речь, изображения, а воспринимать готовые целостные коммуникативные образы и погружать зрителя в реалистичный мир, создаваемый «фабриками грез».

В качестве яркого примера использования телевизионных средств коммуникации как технологии информационной войны является фильм американского режиссера Д. Милиуса «Красный рассвет», премьера которого состоялась на советском телеэкране в начале 90-х гг., как раз во время развала Советского Союза. Действие фильма разворачиваются в городе Кальюмет (штат Колорадо, США). В одной из школ города проходит урок истории, где преподаватель символически рассказывает своим ученикам о завоеваниях Чингисхана и применяемой им тактике тотального уничтожения населения покоренных им территорий. Внезапно на заднем дворе школы приземляется группа советско-кубинских десантников и устраивает массовую бойню, в ходе которой они безжалостно убивают американских мужчин, женщин, детей и стариков. Далее режиссер показывает кадровый ряд боев в окрестностях города, знаменующее полномасштабное вторжение в США совместных войск СССР и Кубы. По окончании боев советские солдаты создают концла-

геря, куда начинают сгонять выжившее местное население, в которых, по сюжету фильма, осуществляется геноцид американского народа. Другими словами, Советы устанавливают на захваченной территории «фашистский оккупационный режим».

Весь фильм пропитан ненавистью к СССР и формирует в сознании зрителя отрицательный образ Советского Союза, который выступает как центр сосредоточения тирании, фашизма и всего мирового зла. Стоит отметить, что режиссер мастерски применяет различные визуальные приемы и спецэффекты для того, чтобы у зрителя сформировались твердые стереотипы и ассоциации по поводу действий советских военнослужащих с преступлениями, совершаемых фашистами во время Второй мировой войны.

На современном этапе технологии при помощи мгновенной передачи информации расширяли тело человека во вне до такой степени, что вобрали в себя все социальные и политические функции современного социума. В результате этих изменений произошло сжатие социального пространства с последующим превращением его в «глобальную деревню»¹. Другими словами, в настоящее время индивид приобретает статус «электронного человека», находящегося в условиях жесткого приоритета цифровых средств коммуникаций за счет погружения в состояние «племенной вовлеченности». Финальной стадией этой вовлеченности является технологическая симуляция сознания, где творческий процесс познания индивида коллективно и корпоративно расширен до масштабов глобального информационного пространства.

В настоящее время на западе военными теоретиками в этой области разрабатываются концепции симуляционных войн. Так, в рамках концепции «Гибсон-войны», разработанной М. Либицки, люди будущего будут репрезентированы в сети посредством использования специальных аватаров – виртуальных «агентов», способных представлять их интересы и желания в широком спектре человеческой деятельности, а все боевые действия в этой свя-

¹См.: Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012.

зи перенесутся в специальные военно-компьютерные игры, где противоборствующие стороны ведут виртуальные поединки друг с другом.

Наиболее наглядно эта картина показана в фильме американского режиссера С. Спилберга «Первому игроку приготовиться» (англ. «*Ready Player One*»). По сюжету фильма все человечество постоянно играет в компьютерную игру «OASIS», способную погружать пользователя в мир виртуальной реальности. Так, на одной из виртуальных планет этой игры ведется постоянная война, где игроки разных наций и возрастов сталкиваются друг с другом в бесконечных сражениях. Совершая убийства другого игрока, пользователь зарабатывает электронные деньги, на которые в дальнейшем он может купить для себя какие-либо улучшения (облик, оружие, броню, транспорт и т.д.), либо обналичить их по возвращению в реальность. В этом отношении человек потерял свою человечность, он стал симулякром самого себя, что, согласно идеи Бодрийяра, ведет к неизбежному «концу реального»¹.

Таким образом, следуя представленным идеям, можно утверждать, что развитие социогуманитарного инструментария информационной войны тесно связано с появлением новых информационно-коммуникативных средств, позволяющих экспоненциально расширить чувства человека во вне. Эволюция в этом отношении следует от аудиального восприятия (устные нарративы) к линейно-письменному (письмо, книги) через визуальное (кино, телевидение) и тактильное (виртуальная реальность) и далее к технологической симуляции сознания (мобильные гаджеты с мгновенным доступом в глобальную сеть).

Весьма значимо на динамику социогуманитарных технологий современной информационной войны оказывают *воздействия, связанные с совершенствованием и трансформацией медиаполитической системы современного общества в процессе его глобализации*. Характеризуя современного индивида, следует признать, что он приобрел статус «*homo informaticus*» (человека информационного), для которого основным ценностным ориентиром стано-

¹Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 241.

вится умение получать, анализировать и передавать информацию. По мнению Г.Г. Почепцова, «информация в наше время набирает все больший вес, входя в число наиболее приоритетных параметров, влияющих на другие параметры социосистемы, ибо современный человек живет в рамках технологического уклада информационного порядка»¹.

Об этом свидетельствует проведенный в 2018 году аналитическим агентством «WeAreSocial» совместно с платформой «HootSuite» статистический анализ всего потока информации, передаваемой через сети Интернет, являющейся главной медиаплощадкой современности. По данным агентства, общий объем передаваемой информации за 2017-2018 года составил более 14 зеттабайт, а количество пользователей, использующих данную платформу как средство получения информации, достигло около 4 млрд человек².

Согласно отчету мирового научного форума «Цифровые медиа и общество», современные медиа являются не только институтом информирования общества, но и институтом коммуникации. Сегодня они совершенно новыми путями выстраивают связи «человек-человек» и «человек-социум», что позволяет индивидам поддерживать коммуникацию, несмотря на разделяющие их большие расстояния, организовывать новые группы по своим интересам, объединять тех, кто физически или социально изолирован, а также наладить связь с единомышленниками³. В этом отношении современный человек все больше попадает под власть медиаиндустрии, которая формирует и контролирует не только его массовое сознание, но и его отношения с другими людьми.

Французский исследователь П. Шампань полагает, что эти изменения связаны с двумя взаимосвязанными социальными явлениями: во-первых, повышением у граждан современного общества значимости осознания своей

¹Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М., 2015. С. 85.

² См.: Интернет 2017-2018 в мире и в России: статистика и тренды. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 30.12.2018).

³См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016. С.75.

социальной действительности и, во-вторых, протекающим процессом медиатизации политики (или политизация медиа). «Медиатизация политики», по его мнению, есть «смесь» взаимоотношений между политикой и современной медиакультурой, где политика извлекает выгоду от пребывания в глобальном информационно-коммуникативном поле, а медиа в ответ на это требует реакции господствующих элит¹. Другими словами, медиатизация политики – это сложная система взаимодействий между политическим полем и СМИ на платформе использования новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), вследствие которого последние проникают в сферу политики, формируя при этом новую социально-политическую реальность с определенно заданными ценностно-смысловыми ориентирами и направленную на удовлетворение интересов и потребностей современного социума.

Применительно к динамике развития социогуманитарных технологий, политизацию медиа характеризуют определенные взаимосвязанные социальные проявления жизни современного социума, которые условно могут быть обозначены следующим образом: создание и организация искусственной социально-политической действительности, феномены театрализации и репродукции политического пространства. Рассмотрим вышеуказанные феномены более подробно.

1. *Формирование искусственной социально-политической действительности.* В условиях современности борьба между различными политическими субъектами как на глобальном, так и на государственном уровне сводится, в первую очередь, к оказанию воздействия на массовое сознание общества посредством организации специально заданной медиареальности, а во-вторых, к управлению их восприятием. В этой связи на первый план выходит не объективное отражение социально-политической реальности, а конструирование наиболее привлекательных и доступных для человеческого восприятия образов, не имеющих порой ничего общего с настоящим.

¹См.: Шампань П. Делать мнение. Новая политическая игра. М., 1997. С. 110.

Так, французский философ Ж. Бодрийяр, опираясь на анализ событий войны в Персидском заливе, предложил использовать в качестве одной из определяющих сущностных характеристик современного социума понятие «гиперреальность». Под данным термином он понимал особую форму социального пространства, сформированного глобальными СМИ и состоящего из совокупности взаимосвязанных ложных знаков (симулякров), оторванных от соответствующей им реальной действительности. По его мнению, в современном мире становится все больше информации и все меньше смысла. При этом философ особо отмечал факт того, что информация в настоящее время «поглощает» не только свое содержание и коммуникацию, но и саму социокультурную сферу человека, где официальные СМИ призваны только для того, чтобы «поддерживать иллюзию событийности, реальности целей, объективности фактов»¹.

Так, по утверждению мыслителя, война США с режимом С. Хусейна полностью была смонтирована американскими специалистами в области медиа: «Для большей части населения земного шара страшная трагедия войны, усиленная примененным сверхмощным и сверхточным оружием, так и остается размытой картинкой с экрана монитора, причем именно той картинкой, которую выберут для показа современные медиа»².

2. Театрализация политического пространства. По мнению философа Э. Ги Дебора, социальная действительность современного общества может быть охарактеризована как определенного рода спектакль, в котором индивид утрачивает способность рационально воспринимать окружающий мир и становится зрителем особого телешоу, состоящим из множеств «псевдособытий», в которых такие понятия, как истина и реальность – просто отсутствуют. В качестве примера реализации социогуманитарных технологий данного феномена можно привести разнообразные выступления и манифесты политиков (речь П. Порошенко на соборе Украинской Православной церкви

¹Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с франц. А. Качалова. М., 2017. С. 59.

²Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 34.

«Прощай, немытая Россия!»), медиа-троллинги (интернет-акция «#Russian did it» («Это сделали русские!»), флэшмоб-события (акция в Днепропетровске «Дуля вам, а не Украина!») и перформансы (акция группы Femen против войны на Донбассе «Stop Putin's war!» («Остановите путинскую войну!»)¹.

3. *Феномен репродукции политического пространства*. Немецкий философ В. Беньямин охарактеризовал современный этап развития общества как «эпоха технической воспроизводимости», где любые окружающие предметы утрачивают свою идейность и уникальность и заменяются своеобразной копией – репродукцией. Другими словами, копировальная техника, производя репродукцию, уничтожает уникальное проявление предметов, заменяя их массовым производством. Данные изменения в отношении развития современного социума и формирования его ценностно-смысловых ориентиров, следуя мысли автора, могут быть осмыслены как примитивизация сознания индивида до уровня «бесконечного» потребления².

Так, по утверждению философа, восприятие фотографии как средства репродуцирования объекта в середине XX века способствовало обесцениванию всех эстетических ценностей современного искусства (например, уникальности искусства как наивысшей формы восприятия действительности).

По мысли французского философа П. Верилио, в ходе глобализационных изменений современная наука трансформировалась в массовую технокультуру, которая больше не ускоряет историю, а рождает особый тип реальности, названный им дромосферой (др. греч. *δρομος* – скорость, бег; *σφαῖρα* – мяч, шар), которая искажает как время, так и саму реальность человека: различные окружающие его объекты и предметы, социокультурные явления и

¹См. подробнее: «Прощай, немытая Россия»: речь Порошенко разгневала РПЦ. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/proschaj-nemyitaya-rossiya.htm> (дата обращения: 30.12.2018); «Russians did it»: 16 лучших реакций иностранцев на то, что их власти во всем винят Россию. URL: <http://www.like-a.ru/?p=49626> (дата обращения: 30.12.2018); Поворачивай оглобли – в Кацапляндию вали. Патриоты Днепра ответят на «песенное сопротивление». URL: <http://nk.org.ua/obshchestvo/povorachivay-oglobli-v-katsaplyandiyu-vali-80446> (дата обращения: 30.12.2018); Полуголые активистки Femen, протестующие в Крыму. URL: <https://4tololo.ru/content/4662> (дата обращения: 30.12.2018).

²См.: Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996. С. 14-16.

процессы. В рамках развития данного феномена повышается скорость передачи информации в обществе, за счет чего теряется ее смысловая нагрузка: «важно лишь энергетическое ускорение информации, а медленная подача информации недостойна теперь даже называться «информацией» – это обычный шумовой фон»¹.

По заключению автора, главным результатом вышеуказанных изменений является то, что информация, транслируемая массмедиа, перестает отличаться от дезинформации. Сегодня дезинформация противника реализуется не посредством утаивания, а переизбытком (информационной бомбой), вследствие которого в информационном потоке становится просто невозможно отыскать правду и истинную логику происходящих событий.

Ярким примером является международный скандал в преддверии Олимпийских игр в Бразилии, связанный с обвинениями в адрес российских спортсменов в массовом использовании запрещенных лекарственных препаратов. Так, в опубликованном агентством WADA отчете от 9 ноября 2015 года содержались сведения о систематических сокрытиях со стороны представителей федерации российского спорта в применении допинга российскими легкоатлетами, а также массовые факты взяточничества². Причем главным основанием для данного доклада служили результаты собственных расследований агентством, начатых после выхода в 2014 году на большой экран немецкой киноленты о трудовых буднях русских спортсменов, где якобы рассказывается, что они массово употребляют данные препараты³.

После публикации в сети этот отчет вызвал огромный резонанс в глобальном медиапространстве, вследствие чего западные политтехнологи тут же наводнили Интернет фейковым контентом, истинной целью симулятивных роликов являлась дискредитация достижений российских спортсменов.

¹Верилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С.113.

² См.: Легкоатлетов из России могут отстранить от Олимпиады в Рио. URL: https://www.bbc.com/russian/news/2015/11/151106_athletics_russia_doping (дата обращения: 30.12.2018).

³См.: Допинг в России. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eBwdoNq4DQM> (дата обращения: 30.12.2018).

Официальные представители российского спорта в ответ заявляли, что подобные обвинения в адрес спортсменов просто беспочвенны, данные препараты не являются запрещенными и применяются спортсменами исключительно в целях восстановления после изнурительных тренировок. Важно отметить, что эта информация практически не тиражировалась в медиа пространстве, вследствие чего в сознании мирового сообщества была сформирована соответствующая реальность, в которой российские спортсмены представляются обманщиками, не заслуживающими своих наград.

Из вышесказанного следует, что современная медиаполитическая система оказывает существенное влияние на развитие социогуманитарных технологий, осуществляя ценностно-смысловую переориентацию сознания индивида в сторону увеличения его потребностей в получении как информационных, так материальных ресурсов посредством формирования новых социальных реальностей, театрализации и репродукции политического пространства.

Следующим значимым фактором, влияющим на динамику социогуманитарных технологий, является *развитие постнеклассической формы научной рациональности в рамках формирования и организации нового образа современного социума.*

В современных условиях в развитии науки как фактора формирования социогуманитарных технологий происходят глубокие сущностные изменения. Во-первых, это – переосмысление значимости гуманитарных аспектов научного познания его потребителями, изменяются их ценностные ориентиры. В настоящее время попытки классической науки рассматривать человека через призму его физических и химико-биологических характеристик не дают целостной картины его многозначной природы. В науке все более укрепляется осознание того, что человек является самым сложным объектом для исследований. В этой связи на первый план выходит ценностно-ориентированное социогуманитарное знание как наиболее эффективный ин-

струмент осмысления социальной действительности в условиях его быстро-текучности, многообразия и нелинейности развития.

Во-вторых, обновляются содержание, формы и методы проведения исследований, меняется характер взаимосвязи науки с различными сферами общественной жизни общества. Сегодня, в качестве лидеров научного познания, утверждаются такие направления, как биология и науки о человеке (социальная философия, психология, политология, экономика, социология знания и т.д.) в рамках междисциплинарных исследований¹. По отношению к динамике развития социогуманитарных технологий информационной войны социогуманитарное знание приобретает характер *проектно-технологической стратегии* – особой специфической формы реализации (способа) нового образа науки в современных социогуманитарных исследованиях. Она включает в себя:

- создание на основе сочетания традиционных и инновационных подходов особых невидимых механизмов воздействия на социокультурную сферу современного общества;
- повышение организационно-технологического уровня социогуманитарных исследований на основе включения в особо значимые процессы духовного производства, интеграцию с разнообразными действующими научными сообществами, общественными организациями, предприятиями и проектами;
- мобилизацию творческого потенциала научного сообщества, специализирующегося в области военно-социальных исследований (создание «фабрик мысли»).

В-третьих, усиленными темпами складывается и протекает плюрализация и конвергенция философско-мировоззренческих оснований развития социогуманитарного знания. Так, по утверждению постмодернистов (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза) нынешнее знание представляется мельчайшим фрагментом множества взаимосвязанных локальных культурных контекстов.

¹См.: Клягин С.В. Новый образ науки в военно-социальных исследованиях. М., 1997.

Поэтому необходимо подвергнуть сомнению и критике все существующее идеи, концепции и теории, которые претендуют на монополизацию философской, научной или культурной мысли¹. В этой связи сторонники постмодерна призывают отречься от всех традиционных ценностей, идеалов и личных убеждений, получаемых извне как обязательных к выполнению нормативных стандартов, и стремиться формировать только те ценностные идеалы, которые рождаются в процессе собственного изменения индивида.

Одним из стратегических направлений мышления, по мнению постмодернистов, является плюрализм, играющий ключевую роль в описании сущности и механизмов реализации протекающих социальных процессов и явлений современности. В рамках исследуемой проблематики, это может быть осмыслено как развитие множества социогуманитарных теорий и концептов (коммуникативных, символических, аксиологических, лингвистических и т.д.), способных выступать как в роли единичных технологий влияния, так и в комплементарной форме.

Таким образом, становление постнеклассического типа научной рациональности обуславливает как формирование социогуманитарного знания в качестве особой проектно-технологической стратегии, используемой для достижения утилитарных целей, так и развитие мультипарадигмальной и конвергентной природы социогуманитарных технологий. В рамках динамики развития социогуманитарных технологий это приводит к негативным последствиям, таким, как повышение масштаба и уровня деструктивного воздействия на современный социум.

Таково содержание некоторых объективных факторов, оказывающих целенаправленное воздействие на динамику социогуманитарных технологий современного социогуманитарного противоборства.

В качестве *субъективных факторов*, влияющих на динамику социогуманитарных технологий, можно выделить следующие: а) появление людей-

¹См. подробнее: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.

визионеров¹, претендующих на особое видение путей тотальной трансформации социума в будущем на глобальном, государственном, общественном и личностном уровнях; б) организация деятельности представителей различных направлений социогуманитарного знания в сфере современного информационного противоборства; в) развитие и формирование социогуманитарных технологий как формы профессиональной деятельности человека в контексте институционализации социальной инженерии ;г) пропаганда и насаждение западной модели образования некоторой частью ученого мира и представителями государственного аппарата и ряд др.

Например, наиболее существенной и значимой силой субъективного порядка, влияющей на динамику развития социогуманитарных технологий, является *организация деятельности представителей различных направлений социогуманитарного знания в сфере современного информационного противоборства*. Сегодня неоспоримым является факт, что исследовательская деятельность субъектов определенных научно-исследовательских программ² напрямую влияет на развитие технологий современной информационной войны.

В социогуманитарном знании в настоящее время можно выделить следующие НИП: аксиологическую, коммуникативную, лингвистическую, праксеологическую, семиотическую программы. В социально-политическом пространстве между носителями вышеуказанных программ происходит постоянная острая конкурентная борьба по поводу их первенства и значимости для

¹Визионер – человек, испытывающий галлюцинации и видения, духовидец. В современном понимании данный термин обозначает некую группу людей (изобретателей, ученых, аналитиков, политиков и т.д.) способных предвидеть будущее направление развития человека, а также имеющих возможность конструировать при помощи своей деятельности его социальную действительность (например, Р. Курцвейл, С. Джобс, М. Кастельс, Ф. Фукуяма, З. Бжезинский и др.).

²Научно-исследовательская программа (НИП) – определенная последовательность (совокупность) конкретных научных теорий, развивающихся на базе общих принципов и идей, где первичная исходная теория влечет за собой вереницу предшествующих, которые формируется на основе добавления новых принципов, законов и гипотез к предыдущей теории (см. подробнее: *Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. М., 2005).

человека и общества. По мнению П. Бурдьё, специфической ставкой такой острой полемики является монополия на научный авторитет, научную компетенцию, осмысливаемую как социально фиксированную за определенным индивидом (научным сообществом) способность легитимно (полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки¹.

В качестве примера можно заявить, что даже в рамках одного философского направления может возникать своего рода интеллектуальное противоборство. Так, представители неокантианства Баденской школы, реализующие аксиологическую программу (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), выдвигают тезис о том, что наиболее главным для человека является ценностное основание, иными словами, восприятие мира осуществляется через призму определенных ценностей. Приверженец неокантианства Марбургской школы Э. Кассирер защищает семиотическую программу, абсолютизируя роль знаково-символических систем как наиболее важных средств восприятия и описания индивидом своей повседневной действительности.

В настоящее время на Западе активно создаются и организовываются специализированные аналитические центры, где представители различных направлений социогуманитарного знания (философы, историки, политологи, коммуникатологи, лингвисты и т.д.) проводят определенные исследования в области информационного противоборства. Важно отметить, что данная научно-исследовательская деятельность осуществляется не только в рамках научной полемики как основной движущей силы развития социогуманитарных технологий, но и посредством тесного сотрудничества. Осмысление проблемы в такой постановке вопроса («человек есть мера всех вещей») обуславливает мультипарадигмальную и конвергентную природу социогуманитарных технологий относительно современного информационного противоборства.

¹См.: Бурдьё П. Поле науки. URL: [http://bourdieu.name /content/ pole-nauki](http://bourdieu.name/content/pole-nauki) (дата обращения: 15.01.2019).

В качестве значимого субъективного фактора выступает *развитие и формирование социогуманитарных технологий как формы профессиональной деятельности человека в контексте институционализации социальной инженерии*¹. Под институционализацией в данном случае понимается комплекс мероприятий по конституированию, превращению различных социальных отношений в конкретную форму организации взаимоотношений, складывающихся между отдельными людьми, социальными группами и в обществе в целом с установленными правилами и нормами.

Всесторонний анализ феномена «институционализации социальной инженерии» показывает, что данный процесс имеет двойственную природу. Так исследователи П. Бергер и Т. Лукман, главным механизмом институционализации рассматривают процессы опривычивания («хабитуализации») – «само собой разумеющихся рутинных действий», происходящие в социуме. Институциональный мир – это объективированная деятельность индивида, которая определяется «повседневным знанием», реальностью особого «жизненного мира», предшествующего всем теоретическим системам².

В условиях глобального информационного противоборства процесс институционализации проявляется как навязывания некими акторами общественного развития конкретных социальных институтов³. По утверждению И. Жежко-Браун, институционализация социальных технологий и социальной организации («social organizing») как формы профессиональной деятельности человека связана прежде всего с появлением общественных движений, борющихся за свои права и свободы. Наиболее значимый вклад в данном направлении сделал американский социальный практик С. Алинский – осно-

¹Социальная инженерия – форма профессиональной деятельности человека по изменению социальной реальности, организационных структур и социальных институтов, контролю над человеческим поведением, основанная на достижениях социогуманитарных наук и на использовании биоинженерных технологий.

²См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 102-103.

³См. подробнее: Касавин. И.Т. Наука и социальные технологии. М., 2011, Лекторский В.П. Социальные технологии и человек // Философия, познание, культура. М., 2012. С. 170–180, Жежко-Браун И. Современная американская революция: современные технологии и динамика. М., 2018 и др.

ватель школы «социальной организации и коллективного социального действия». Алинскому удалось разработать эффективный механизм объединения различных субъектов, даже крайне враждебных друг к другу, в различные социальные общности. Так, ставя эксперименты над различными слоями населения американского социума (формирование протестных движений) для решения проблемы социального неравенства, Алинский сформулировал определенный свод правил и тактик («правила для радикалов»¹), следуя которым можно инициализировать перманентную революцию в обществе². Теория «мягкой силы» Шарпа в этом связи является продолжением идей и взглядов Алинского и представляет собой их модифицированную форму, но уже в масштабах внешней политики государства.

Согласно динамики общественных движений и связанной с ними деятельности Алинского по «соорганизовыванию» различных слоев американского населения, развитие социальных технологий проходит определенную вереницу этапов, начиная от формирования малых (районных) протестных движений в различных городах Соединенных Штатов до создания международной сетевого фонда «ACORN»³ и организации президентских избирательных компаний Б. Обамы, в ходе которых социальные организаторы получили возможность влиять на политику как государства, так и на политику других стран.

Другим немаловажным аспектом процесса институционализации относительно динамики социогуманитарных технологий, является формирование ее материальной базы. В первую очередь к ней относятся создание и организация специальных научных учреждений, занимающихся разработкой новых методов и способов воздействия на массовое сознание. Например, основание

¹ См.: Социальные затейники, или Америка для Люцифера. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2009/09/08/9737-9737.html> (дата обращения: 03.03.2018).

² См.: *Жежко-Браун И.* Современная американская революция: современные технологии и динамика. М., 2018. С. 30-80.

³ ACORN (The Association of Community Organizations for Reform Now) – американская ассоциация территориальных организаций за реформы сегодня. Достижениями организации являлись успешные кампании за улучшение качества жилья, школьного образования, безопасности на местном уровне, медицинского обслуживания, условий труда и др.

Тавистокского института человеческих отношений в 1947 году в Великобритании обеспечило западные спецслужбы новыми методами и формами изменения сознания общества, не имеющих аналогов в истории на тот момент времени. Так, в 70-х годах прошлого века, используя результаты социокультурных исследований данного аналитического центра, западные ученые способствовали навязыванию молодому поколению Европы культуры «секс, наркотики и рок-н-ролл» как особой формы манипулятивного воздействия на сознания. В настоящее время данный институт является одним из главных пионеров среди западных фабрик мысли по «промывке мозгов»¹.

Во-вторых, конструирование «социальных лабораторий» и испытательных полигонов для тестирования новых технологий. Прежде всего наличие и использование таких лабораторий позволяет политтехнологам не только опробовать какую-либо технологию в действии (выявить ее положительные и отрицательные стороны), но и обнаружить ее взаимосвязи с другими технологиями, наглядно рассмотреть на практике механизмы ее воздействия на человека и общество, а также видоизменить их при необходимости.

Анализ военно-политического пространства показывает, что в настоящее время такими площадками являются страны, в которых наличествуют и развиваются очаги напряженности следующего характера: военно-политического, социально-экономического, национально-этнического, религиозного, культурного и т.д. Наиболее яркими из них на сегодняшний момент являются Сирия и Украина.

Так, из доклада английского аналитического центра Chatham House (Королевский институт международных отношений), выпущенного в ноябре 2018 года, стало известно, что современная Украина рассматривается западными политтехнологами как особая «политическая лаборатория», где в роли «подопытных мышей» выступают как лица государственного аппарата, так и население страны в целом. Главной задачей данного эксперимента является

¹ См.: *Стариков Н.В.* Промывка мозгов. Изборский клуб. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2644/> (дата обращения: 03.03.2018).

изучение возможностей разрыва отношений Украины с Российской Федерацией во всех сферах деятельности (от энергетики, торговли и военно-технического сотрудничества до русского языка и Церкви). Например, одной из наиболее значимых точек уязвимости, по мнению западных специалистов, на которые нужно постоянно «давить», является конфликт на Донбассе. Сегодня по данному направлению проводится целый комплекс различных мероприятий: распространение «фейковых» новостей и пропаганда российской агрессии, стирание исторической памяти в сознании украинцев как братского народа России, организация вооруженных столкновений между жителями Донбасса и военнослужащими АТО и т.д. Следует отметить, что полученные результаты аналитики в дальнейшем планируют применить в Беларуси и Молдове в рамках «борьбы с Россией»¹.

И, в-третьих, организация и обеспечение финансирования аналитических центров и проектов, связанных с развитием социогуманитарных технологий. По мнению отечественного исследователя Д.Л. Беляева, главной отличительной особенностью подобного финансирования является то, что оно осуществляется как государством, так и частными лицами, что, в свою очередь, способствует повышению качества и масштабов проводимых исследований². В этой связи можно выделить следующие типы финансирования:

– *государственный* – финансирование реализуется напрямую из бюджета государства (например, исследования корпорации РЭНД выполняются по прямому заказу Конгресса США и министерства обороны);

– *посреднический* – финансирование осуществляется также из бюджета государства или службы, но через посреднические организации (например, проект «Открытое общество» (1995-2003 гг.) известного американского инвестора Дж. Сороса, включающий в себя задачи следующего содержания:

¹См.: Chatham House: Украина – лаборатория Запада // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/12/18/chatham-house-ukraina-laboratoria-zapada.html> (дата обращения: 15.01.2019).

²См.: Беляев Д.Л. Разруха в головах. Информационная война против России. М., 2014. С. 68-89.

внедрение и поддержка различных программ в сферах образования и культуры, способствующих развитию идей открытого общества в России и в странах СНГ. Истинной целью данного проекта являлось зомбирование школьной и вузовской молодежи на поклонение англосаксонской культуре. В частности, в рамках программы «Культурная инициатива» была проведена реформа по обновлению системы образования в РФ, в ходе которой в школы и вузы поступили тысячи различных учебников и пособий с соответствующим содержанием, направленным на размывание традиционных духовно-нравственных ценностей);

– *неправительственный* – финансирование обеспечивается на денежные средства частных лиц и коммерческих компаний (например, транснациональная компания «Google» обеспечивает финансирования научных проектов в сфере исследований «больших данных» и др. IT-технологий, активно применяемых сегодня в практиках современного информационного противоборства).

Осмысление современным обществом социогуманитарных технологий как особой формы профессиональной деятельности человека, выраженное через создание системы конкретных правил и методов конструирования технологий (социальная инженерия), организации специализированных научно-исследовательских центров и испытательных площадок, оказывает существенное влияние на развитие деструктивных и манипулятивных практик современного социогуманитарного противоборства.

Таково содержание некоторых субъективных и объективных сторон современной социальной действительности, влияющих на динамику социогуманитарных технологий информационной войны в условиях стратегической нестабильности. Учет вышеуказанных факторов позволяет выявить и обосновывать тенденции развития социогуманитарных технологий в рамках воздействия на человека. К наиболее очевидным тенденциям развития социогуманитарных технологий современной информационной войны относятся:

а) повышение уровня скрытности и масштабов социогуманитарного воздей-

ствия на человека в рамках становления информационного общества; б) ориентация на разработку новейших информационно-коммуникативных технологий воздействия на индивидуальное и массовое сознание в контексте развития коммуникативной научно-исследовательской программы; в) повышение внимания к языковым концептам и теориям как инструменту описания настоящей действительности в рамках лингвистического поворота; г) усиление влияния знаково-символических структур на сознание и поведение современного человека; д) минимизация времени между разработкой социогуманитарных теорий и их воплощением в технологии информационной войны и ряд др.

Рассмотрим некоторые из них применительно к современной информационной войне более детально.

В числе первой отметим тенденцию *ориентации на разработку новейших информационно-коммуникативных технологий воздействия на индивидуальное и массовое сознание в контексте развития коммуникативной научно-исследовательской программы.*

В условиях становления информационного общества, технические инновации и социальные медиа (Интернет, Wi-Fi, социальные сети, гаджеты и др.) изменили представления современного человека о формах его деятельности и досуга, методах получения информации. Они предоставили ему определенный уровень безопасности и комфорта в сфере жизнедеятельности, работы, сообщения, но и наряду с этим они принесли с собою такие социальные феномены, как «цветные революции», пропаганду терроризма, деятельность «WikiLeaks», шпионскую программу «PRISM» и глобальную экспансию движения «Оссуру»¹.

Наиболее фундаментальными работами, раскрывающими существенные характеристики происходящих социальных изменений в современном соци-

¹См.: Кинг Б. Эпоха дополненной реальности. М., 2018. С. 14.

уме, являются труды М. Маклюэна¹. По утверждению мыслителя, все технологии есть ничто иное как средства передачи сообщений, которые «наделены особой силой гипноза над человеком». Их применение приносит кардинальные изменения масштабов, скорости и форм восприятия его повседневной действительности, результатом которых являются формирование и появление новых видов и форм жизнеустройства общества, деятельности, труда и досуга².

Относительно вопроса развития социогуманитарных технологий информационной войны, вышеописанная картина находит глубокое отражение в развитии Интернета, а именно «веб-технологий». Под веб-технологией (англ. *web* – паутина) в данном случае понимается все совокупное пространство глобальной сети World Wide Web («всемирная паутина»), включая средства и инструменты для его организации и управления (веб-сервера) и клиентской части. В своем развитии веб-технологии проходят определенную вереницу этапов, которые можно представить в следующем виде.

А) *технология «веб 1.0»*. Базисным элементом этой технологии является стандартный веб-сайт, имеющий конкретный электронный адрес, определенное программно-аппаратное сопровождение, специфический содержательный контент, выраженный в графической или текстовой форме. Отправной точкой этого этапа является событие, произошедшее 6 августа 1991 года, когда британский программист Т. Бернерс-Ли запустил в сеть первый сайт. Сайт был простого содержания и представлял собой хранилище технической информации о настройках веб-сервера и интернет-браузера.

Далее эту информационно-коммуникативную инновацию подхватили американские академические институты и исследовательские организации, их сайты в основном носили характер определенных интерактивных площадок для сопоставления данных, сообщающих информацию в более или менее

¹См. подробнее: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2015; *его же*. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2011; Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012.

²См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. С. 411.

наглядной форме. Настоящую интерактивность Интернет приобрел только после прихода в него коммерческих и маркетинговых организаций¹.

Таким образом, процесс включения Интернета в социальную жизнь общества обусловил перенос социогуманитарного противоборства в глобальное информационное пространство. В этой связи интернет-сайт, следуя позиции Маклюэна, может быть осмыслен как универсальная платформа для применения различные социогуманитарных технологий. Иными словами, Интернет – это то социальное измерение, где вместе могут существовать разнообразные тексты, символы, изображения, видео- и аудио-контент, дающее возможность масштабного комбинированного манипулирования сознанием и поведением современного общества. Если аудиторию не убеждает специально выбранный текст, то убедят изображение или видеоматериалы. Если ни то, ни другое, тогда все вместе, что многократно повышает уровень и масштабы воздействия на сознание современного социума.

Здесь в качестве примера рассмотрим деятельность сайта «Центр управления расследованиями» (ЦУР) известного политического спекулянта М.Б. Ходорковского. По официально заявленной информации представителями данного медиа-проекта, их интернет-ресурс якобы занимается распространением настоящей правдивой информации о деятельности различных государственных и общественных институтов РФ. Но на самом деле он является западной идеологической площадкой идей либерализма и «настоящей» западной демократии, фабрикой создания и тиражирования различного фейк-контента о «кровавом» и «вороватом» российском политическом режиме.

Так, в ходе разыгравшегося скандала, связанного с гибелью российской съемочной группы летом 2018 года в Центрально-Африканской Республике, стало известно следующее: во-первых, погибшие журналисты являлись сотрудниками ЦУР, а во-вторых, прибыли в страну не как представители российских СМИ, а неофициально под видом туристов в целях снять фейковый

¹См.: *Скиннер К.* Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. С. 45.

материал о деятельности ЧВК «Вагнер», якобы спонсируемой Правительством России и базирующейся на тот момент времени в стране для оказания военной помощи повстанцам¹.

Б) *технология «веб 2.0»* – создание и распространение социальных сетей и блогов (ВКонтакте, Facebook, Twitter). Отечественный специалист в сфере PR-технологий А.Н. Чумиков полагает, что именно с этой технологией связаны сегодня протекающая информационно-коммуникативная революция и все социальные изменения, происходящие в общественной жизни². Основная суть ее заключается в том, что производителями информации потенциально могут быть все пользователи всемирной паутины, будь то политики, деятели науки и культуры, студенты, в общем, любой человек, способный пользоваться компьютером.

Наглядным примером использования данного средства в современной информационной войне является интернет-платформа Twitter (англ. *to twitter* – чирикать, щебетать, болтать) – социальная сеть, предоставляющая пользователям возможности для публичного обмена сообщениями при помощи SMS и средств мгновенного обмена информацией в формате блога. Публикация таких заметок получила название «микроблогинг». Также в данном сервисе существуют возможности оценки и комментирования публикаций.

По состоянию на 1 января 2018 года сервис насчитывает более 328 млн пользователей. По общим оценкам около 100 млн пользователей проявляют активность хотя бы раз в месяц, из них 50 млн пользуются ежедневно. Благодаря своей простоте и удобству использования, социальная сеть Twitter входит в десятку самых посещаемых социальных сетей в мире³.

В связи с участвовавшим использованием данного ресурса различными представителями политических структур, а также информационными

¹ См.: Гибель журналистов в Африке: зачем врут те, кто их туда послал. URL: <https://ria.ru/20180802/1525778451.html> (дата обращения: 03.03.2018).

² См.: Чумиков А.Н. Медиарилейшнз. М., 2014. С. 117.

³ См.: Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. URL: <https://www.webcanape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/> (дата обращения: 18.01.2019).

агентствами при подготовке новостных сообщений, ему стал приписываться статус достоверного и авторитетного источника информации. Достаточно разместить короткую заметку или видеосюжет о некотором событии, сопровождающийся лейблом типа «Международное агентство CNN» или «агентство стратегических исследований», чтобы огромное число пользователей сервиса поверило в его содержание. Данный сервис сыграл немаловажную роль в конфликтах на Ближнем Востоке, Украине, Таиланде и др. На настоящий момент его переполняет огромное количество разнообразных фейковых материалов тех событий.

Так, Твиттер-блок сирийской 7-летней девочки Баны Алабед рассказывал о происходящих событиях в Алеппо во время проведения спецоперации по освобождению города от боевиков «ИГИЛ» правительственными войсками при поддержке России. В своей ленте она публиковала посты, связанные с ужасами войны, страхом перед постоянными бомбардировками и просьбами о помощи, а также с призывами остановить правительственную армию Сирии и дружественную ей Россию. Например, публикация с просьбой «остановить Асада и Путина, чтобы те прекратили бомбить Алеппо» набрал наибольшее число подписчиков.

Позже выяснилось, что такой рост популярности маленькой сирийки, которая совсем плохо знает английский язык, но при этом публикует качественные материалы и профессионально владеет технологиями работы в социальных сетях (что смог бы сделать далеко не каждый взрослый), был полностью обеспечен западными PR-специалистами¹.

В) *технология «веб 3.0»* – создание «семантической паутины» (англ. *semantic Web*), организованной на основе всемирной паутины посредством реализации возможности по стандартизированному представлению машине для обработки и анализа всего потока данных (тексты, изображения, видео, аудио и т.д.), циркулирующего в глобальной сети. Также стоит отметить, что

¹См.: Виртуальные дети Алеппо: как пропагандисты боевиков распространяют дезинформацию. URL: <https://russian.rt.com/world/article/343500-aleppo-deti-propaganda> (дата обращения: 28.01.2019).

на настоящий момент времени этот этап эволюции веб-технологий полностью не завершился, а только лишь проходит стадию своего начального развития.

Главный менеджер известной транснациональной интернет-корпорации «Netscape.com» Дж. Калаканис определил эту технологию как «формирование и организация высококачественного информационного контента и услуг, производимых талантливými людьми, использующих за основу платформу сервиса веб2.0»¹.

Из вышесказанного следует, что технология веб 2.0 способствовала развитию массового сознания пользователей глобальной сети и появлению разнородного и не всегда качественного информационного контента, а распространение технологий веб 3.0 в этом отношении есть та точка опоры, которая не только позволит профессионалам создавать и распространять информацию высококачественного содержания, но и послужит главной платформой для формирования мирового коллективного разума. «Фактически мы создаем инструмент формирования контента самими пользователями, то есть мудрую толпу, использующую средства интеллектуального и статистического анализа, машинного обучения»².

Здесь в качестве примера рассмотрим универсальную базу данных «Википедия», которая в настоящее время благодаря особой специфике работы поисковых запросов пользователей, является доминирующим источником информации в сети. Наиболее значимая ее особенность – это наполнения своей базы знаний за счет предоставленных данных (тексты, картинки, видео и аудиоданные) рядовыми пользователями глобальной сети. Так, в ходе заполнения пользователем определенной формы полученная информация проходит специальную аналитическую обработку (корректировку) неким сооб-

¹Цит. по: Web 3.0, the «official» definition. URL: <http://calacanis.com/2007/10/03/web-3-0-the-official-definition/> (дата обращения: 13.09.2018).

²Славин Б.Б. Рождение коллективного разума. О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия. М., 2018. С. 75.

ществом экспертов, вследствие чего она приобретает статус правдивой информации и заносится в базу данных. После чего доступ к ней может получить любой желающий.

Главная проблема состоит в том, что в рамках ведения современной информационной войны экспертное сообщество, осуществляющее обработку информации, работает в интересах определенных идеологий, а именно в продвижении западных ценностей либерализма и демократии. В этой связи пользователь сети, изъявивший желание получить багаж знаний по какому-либо интересующему его вопросу, получит информацию определенного содержания с конкретным идеологическим и политическим подтекстом.

К примеру, термин «колониализм» в русскоязычной Википедии трактуется как определенная форма политики, сложившаяся в западном мире в XVI – XX веках и представляющая собой систему доминирования сильного государства над более слабым в военно-экономическом отношении в целях эксплуатации его различных ресурсов (военно-политических, экономических, социальных). А в англоязычной версии данный термин трактуется как целенаправленная политика определенной нации, стремящейся распространить свое влияние над другими территориями и народами в целях установления торговых отношений между ними. В качестве примеров читателю предлагаются ссылки не только на британские, голландские, французские и португальские колониальные империи, но и на Россию, где в качестве колоний выступают территории Прибалтики, Днепровской Украины, Башкирии, восточной Карелии, Чеченской республики, Аландских островов и т.д.

Г) *технология «веб 4.0»* – развитие «нейронета». Под данной технологией понимается создание особой информационно-коммуникационной технологии, основанной на принципах нейро-коммуникаций «мозг-компьютер» (нейрокомпьютерный интерфейс). Другими словами, данная инновация предполагает разработку и создание специальных взаимодействующих между собой через глобальную сеть нейро-имплантатов (микропроцессоров),

внедряемых в тело человека, и способных к самообучению и решению сложных неформальных задач¹.

На сегодняшний день исследования в данной области осуществляется по двум основным направлениям: а) разработка сетевых интерфейсов, основывающихся на прямой имплантации электронных чипов в мозг индивида и непосредственном преобразовании намерений человека в управляющие сигналы для машины, и б) создание специальных интерфейсов на основе принципов биологической связи².

В качестве примера использования такой технологии в информационной войне можно рассмотреть события, показанные в американском фильме «Анон» («Anon»), снятый Э. Николла в 2018 г. Действие фильма разворачивается в обществе будущего, в котором царит тотальный контроль, а все человечество лишено личной жизни и гражданских прав. Контроль над людьми осуществляется благодаря имплантации в мозг каждого человека специального устройства «третье око». Суть этого устройства: записывать все, что человек видит и слышит, оно дополняет его реальность всевозможной информацией, сведениями политики и рекламными сообщениями. Иными словами, это устройство, через которое человек воспринимает окружающий его мир. Отключение «третьего ока» приведет индивида к полной потере его восприятия и связи с миром. В настоящее время прототипом такого устройства является технология электронных-интернет очков «IGlass».

Относительно информационной войны использование подобного устройства в будущем позволит определенным субъектам глобального информационного пространства отключать от мира целые общественные группы и страны, что может быть осмыслено как конец свободному и самостоятельному существованию человека.

Д) *технология «веб 5.0»* – создание искусственного интеллекта (ИИ). По мнению американского исследователя К. Скинера, будущее веб-технологий

¹См.: Публичный аналитический доклад по направлению «Нейротехнология». URL: <https://reestr.extech.ru/docs/analytic/reports/neuroscience.pdf> (дата обращения: 18.01.2019).

²См. там же.

лежит за развитием технологий искусственного интеллекта. По заверениям исследователя, данная технология появится уже к 2030 году. В своих исследованиях автор выделяет три его основных формы:

- *ограниченный искусственный интеллект (ANI)*, специализирующийся в одной конкретной области знания или умения (например, светофор, способный регулировать дорожное движение на одном участке дороги);

- *общий искусственный интеллект (AGI)* сравним по уровню с сознанием индивида. Другими словами, он умеет абстрактно мыслить, рассуждать, быстро самообучаться на опыте прошлых ошибок, планировать и решать сложные задачи. Прототипами этой формы искусственного интеллекта является суперкомпьютер Watson от компании IBM. Этот суперкомпьютер является сложной когнитивно-вычислительной технологией, оснащенной особой системой, способной понимать вопросы, сформулированные пользователем на естественном языке, и находить на них ответы в своей базе данных;

- *искусственный супер интеллект (ASI)* – это такая форма искусственного интеллекта, которая превышает по уровню знания весь суммарный интеллект человечества. Данная компьютерная система будет уметь свободно мыслить и решать все задачи, подвластные человеку¹. Яркими примером этой формы является персонаж Альтрон из американских комиксов про супергероев «Мстителей».

В настоящее время в науке остается открытым вопрос этической стороны развития технологии ИИ: во-первых, будет ли ИИ обладать такой характеристикой сознания как нравственность? Если нет, тогда возникает следующий вопрос: кто будет нести ответственность за совершенные им действия? Можно ли будет доверять данной технологии самостоятельно выполнять такие функции, как совершения сложных хирургических операций или управления системой ядерного, химического или биологического оружия? А какие вообще функции будет он выполнять? Размышляя над этой проблемой, бри-

¹См.: *Скиннер К.* Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2004. С. 57-58.

танский физик-теоретик С. Хокинг приходит к выводу, что технология ИИ способна положить конец существованию человеческого бытия¹.

В отношении ведения информационной войны развитие этой технологии может привести к существенным изменениям не только в методах и формах ее ведения, но и в самом характере ее проведения. Прежде всего изменения затронут теоретико-практическую область, существенно сократится время между преобразованием теоретического знания в практические действия и реакции, а сами технологии полностью приобретут статус «невидимости» для общества, даже для подготовленного в профессиональном отношении человека.

Таким образом, в настоящее время информационно-коммуникативные технологии выступают в роли эффективного средства по оказанию непосредственного скрытного влияния на массовое сознание социума и человека, его поведение посредством всеобщей гласности, виртуального шантажа и травли.

Следующей тенденцией развития социогуманитарных технологий современной информационной войны является *повышение внимания к языковым концептам и теориям как инструменту описания настоящей действительности в рамках лингвистического поворота*. Во многом данная тенденция порождена современными представлениями о влиянии повседневного языка на процессы жизнедеятельности общества в условиях протекающей глобализации социального пространства.

Например, с точки зрения одного из основоположников структурализма, швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, язык выступает системой производных знаков, состоящей из трех частей: «язык», «речь» и «речевая деятельность». Противопоставляя «язык» и «речь», он пришел к выводу, что язык есть явление социальное, тогда как речь является сугубо индивидуальной: «Язык – только часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он

¹См.: Хокинг предупреждает – искусственный интеллект может положить конец человечеству. URL: <https://neuronus.com/news-tech/1287/html> (дата обращения: 18.01.2019).

является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Язык представляет собою целостность сам по себе»¹.

Язык – это некая грамматическая структура, инвентарь языковых инструментов, без знания которых невозможно речевое общение, а текст в этом отношении выступает в роли некой знаковой системы, являясь результатом творческой деятельности отдельного индивида. По Л. Витгенштейну, именно язык выступает тем уникальным инструментом, который моделирует в сознании человека современную всеобщую картину мира: «границы моего языка определяют границы моего мира»². По большей части такое осмысление значимости языка в отношении современного человека связано со сменой в середине XX в. научных парадигм в области языкознания, где обыденный язык рассматривается как основа человеческого бытия. В этом отношении в роли методологического базиса выступают лингвистические теории и концепты Ф. де Соссюра, Л. Витгенштейна, Д. Лакоффа, Н. Хомского и др.³.

Исходя из сказанного, применительно к развитию современного информационного противоборства, можно выделить следующие этапы эволюции социогуманитарных технологий в контексте формирования лингвистических теорий и концептов.

Во-первых, в качестве отправной точки эволюции лингвистических социогуманитарных технологий можно выделить те, которые реализовываются на основе *метафоры* (др.-греч. *μεταφορά* – перенесенное слово). Это особая форма выражения мысли, основная суть которой состоит в процессе осмысления и переживания сущности одного вида в понятиях и категориях сущности другого вида.

¹Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 48.

²См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008. С. 25.

³См. подробнее: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008; Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004; Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005 и др.

Одними из первых, кто обратились к проблеме осмысления данного феномена, являлись древнегреческие мыслители. Софисты (др.-греч. *σοφιστής* – мудрец, умелец, «знаток в мудрых вещах») путешествовали по греческим полисам и за деньги обучали всех желающих определенным «добродетелям», главной из которых в условиях демократического правления являлось умение правильно вести споры и овладевать вниманием слушателей посредством красноречия. Так, в диалоге «Федон, или О душе» Платон описывает посредством высказывания великого мыслителя древности Сократа, как софисты с помощью метафор добивались победы: «силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое – малым, новое представляют древним, а древнее – новым, по любому поводу у них наготове то сжатые, то беспрдельно пространные речи»¹.

Согласно Аристотелю, метафора представляется как риторическая фигура, замена одного высказывания (слова) на другое – «это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, с вида на род, или с вида на вид или по аналогии»², которое имеет отношение только лишь к сфере риторики.

Существенные изменения в осмыслении функциональных аспектов метафоры в отношении деятельности человека произошли в рамках лингвистического поворота. Метафора стала рассматриваться исследователями в тесной взаимосвязи с процессом осознания индивида его окружающей действительности. Значимый интерес представляет позиция американского лингвиста Д. Лакоффа. По его мысли, концептуальная система индивида моделируется и определяется с помощью метафоры, она пронизывает не только его повседневную жизнь, но и язык, мышление, деятельность³.

Примером умелого использования метафоры как средства моделирования современной реальности является выступление бывшего премьер-министра Великобритании Т. Мэй по поводу проведения 14 апреля 2018 года ответных авиаударов ВС НАТО на химическую атаку по г. Дума (Сирия),

¹Платон. Федр. М., 1989. С. 15.

²Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 669.

³См.: Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. С. 25-28.

якобы совершенную военными правительственной армии. Используя знаменитую метафору британского писателя Дж. Оруэлла «Война – это мир!», Мэй заявила следующее: «Речь не идет о ввязывании НАТО в гражданскую войну. Речь не идет о смене режима. Речь идет об ограниченном и нацеленном ударе, что не приведет к эскалации напряженности в регионе и что сделает все возможное для того, чтобы предотвратить потери среди гражданского населения <...> Это направит четкий сигнал всем, кто полагает, что они могут применять химическое оружие безнаказанно»¹. Иными словами, эти акции не просто помогут сирийскому народу, якобы страдающему от постоянных химических атак, они остановят войну в целом.

Далее, по завершению выступления британского политика, руководство целого ряда западных стран поддержало проведение в будущем подобных военных акций как метода прекращения конфликта в Сирии.

Во-вторых, в качестве следующего этапа развития социогуманитарного инструментария информационной войны выступает реализация концепта *нарратива* (лат. *narrare* – рассказывать, повествовать) – особая форма повествования (рассказа) о взаимосвязанных между собой социальных явлениях или событиях, представленных индивиду в определенной последовательности текстов и образов. В роли нарратива могут выступать различные сказки, мифы, легенды, житейские истории, биографии известных личностей, иными словами, все, что выражено в форме рассказа.

По мнению М. Саммерса, нарративы занимают значимое место в жизни современного общества. Анализируя нарративы разных народов, исследователь пришел к выводу, что нарративы конкретно-определенной социальной группы (племени, народа или нации) исполняют роль инструмента по формированию и организации его идентичности: «они задают определенные шаблоны и стандарты интерпретации прошлого и настоящего, эталоны его

¹ Цит. по: Мэй Т. Операция против Сирии не нацелена на смену режима. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5124570> (дата обращения: 22.05.2018).

нравственного поведения, транслируют обществу представления о своем происхождении»¹.

М. Уайта полагает, что с появлением средств массовой информации использование нарратива как средства описания исторических фактов приобретает форму социального заказа: это специфическая выстроенная хроника событий, с определенным типом построения сюжета и идеологическим подтекстом.

А вот высказывание другого исследователя – Ж. Эллюля: «В настоящее время факт – это то, что переведено в слова или представления; очень немногие люди могут непосредственно испытывать на себе то, что оказалось переработанным и приняло характер общезначимости, поэтому фактом является то, что передано широкому кругу людей средствами коммуникации, и то, чему был придан определенный оттенок, не обязательно воспринимавшийся очевидцами события. Все эти черты соединены вместе и конституируют те абстрактные факты, на которых строится современное общественное мнение»². Относительно практики ведения информационной войны вышесказанное может быть осмыслено как перманентное переформатирование массового сознания общества в отношении понимания и осмысления исторической последовательности происходящих событий и явлений.

Например, сегодня в сознании японской молодежи в отношении России как прямой наследницы Советского Союза все больше крепнет нарратив, что именно она виновата в жертвах ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Согласно данным опроса, проведенного среди гражданского населения Японии в рамках исследовательского проекта «Sputnik.Мнения» около 30% граждан (из которых большую часть составляет молодежь от 18 до 24 лет)

¹Тульчинский Г.Л. Конструирование исторической памяти и символическая политика. URL: http://net-conf.org/articles_text_33.htm (дата обращения: 28.01.2019).

²Цит. по: Белоусов А.Б. Пропаганда Жака Эллюля // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 167-182.

не смогла дать ответ на вопрос: «Кто сбросил атомные бомбы на японские города?» Большая часть из них полагает, что это был Советский Союз¹.

Анализ японских школьных учебников по истории того периода показывает, что в них преднамеренно скрыт факт причастности США к ядерным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки. По большей части в них описывается противостояние с Советским Союзом. В этом отношении школьник, проводя простые аналогии, делает соответствующие выводы.

По мнению корреспондента РИА Новости в Токио К. Наки, такая ситуация приведет к тому, что по пришествию десяти лет все японская молодежь будет считать, что атомную бомбу сбросила Россия, чтобы захватить японские северные территории, а США в годы Второй мировой войны являлись союзником Японии.

В-третьих, следующим этапом является технологическая реализация концепта «языковой игры» – особой формы деятельности индивида по достижению какой-либо цели посредством использования языка. Она представляет из себя систему определенных правил социальной активности (наличие людей, понимающих и использующих данный язык) и отношений человека к происходящим социальным процессам и явлениям (понятность и нормативность).

В социогуманитарном знании в настоящее время термин «языковая игра» обрел двоякое толкование: первое – философское (особый метод анализа переплетений языка и действий человека как единого целого)², второе – лингвистическое (вид речевой деятельности, связанный с осознанным нарушением языковых норм). В этом отношении языковые игры могут быть осмыслены не только как манипулятивные игры словами, используя которые определенные субъекты управляют массовым сознанием, а как особая форма

¹См.: Мнение: в Японии намеренно замалчивают, кто сбросил бомбы на Хиросиму. URL: <https://ria.ru/20150806/1166494945.html> (дата обращения: 28.01.2019).

²В этом плане наиболее весомый вклад в разработку данной проблематики внес австрийский философ и лингвист Л. Витгенштейн (см. подробнее: *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат*. М., 2008).

методологии, позволяющая конструировать социальную реальность человека.

Одной из разновидностей языковых игр является «пранкерство» (англ. *prank* – игра, розыгрыш, шалость) – целенаправленная форма деятельности по одурачиванию людей путем совершения ложных телефонных вызовов, в рамках которых выбранная жертва принуждается к определенному ответному действию.

25 марта 2018 г. в г. Кемерово в результате пожара в торговом центре «Зимняя вишня» погибло 60 человек, из них 41 ребенок. В первые часы после трагедии в Кемерово в средствах массовой коммуникации появилась информация об огромном количестве жертв (300-400 человек), в основном детей, поскольку полностью сгорели кинотеатр и игровая комната, и что власти искусственно снижают данные о количестве погибших. Как стало известно позднее, украинский пранкер Н. Кувиков, работающий под псевдонимом «Евгений Вольнов», обзванивал морги Кемерово, представляясь сотрудником МЧС, и запрашивал наличие свободных мест, называя сотни погибших и монтируя провокационные ролики¹. Позже, представившись уже сотрудником администрации Президента РФ, он пытался отправить людей убирать цветы и игрушки, оставленные скорбящими кемеровчанами рядом со сгоревшим торговым центром. Таким образом, в массовом сознании был сформирован текст о большом количестве жертв, которые власти намеренно пытаются скрыть.

Недостаточно компетентные действия городского и областного руководства по купированию разрастающегося недовольства населения привели к стихийному митингу у здания администрации, на котором собравшиеся потребовали отставки губернатора области А. Тулеева, который сам на митинге не появился, а отправил туда вице-губернатора С. Цивилева. Чиновник за-

¹Впоследствии против Н. Кувикова было возбуждено уголовное дело о возбуждении ненависти, ему предъявлено обвинение по части 1 статьи 282 УК РФ. Свои глумливые над памятью жертв действия он оправдывал местью за своих друзей из числа националистических батальонов, погибших в ходе боевых действий на Донбассе.

явил, что участники митинга пытаются пиариться на народном горе. Один из участников И. Востриков рассказал, что потерял в пожаре троих детей, жену и сестру. Цивилев попросил у родственников погибших прощения, опустившись перед ними на колени.

Через несколько часов после трагедии социальные сети пестрели обвинениями, обличающими федеральные и региональные власти в коррупции, когда личные доходы становятся для чиновников выше ценности жизней граждан. Власти обвинялись в бездействии, в разрешении эксплуатации неподготовленных к этому помещений, размещении в них торговых центров, отсутствие систематических проверок МЧС с 2012 г. (владельцы ТЦ предъявили документы, что «Зимняя вишня» относится к субъектам малого бизнеса, на проверку которых, согласно действующему законодательству, наложены надзорные каникулы) и пожарной сигнализации (охранник в связи с постоянным ее ложным срабатыванием вообще отключил сигнализацию за несколько дней до трагедии).

Позже, несмотря на обещания прибывшего в Кемерово Президента РФ В.В. Путина взять под личный контроль ход расследования и наказать всех виновных, массовые митинги прошли в 23 городах по всей России. Оппозиция активно использовала данные «специальные события» для дискредитации действующей власти. Президент Украины П. Порошенко 28 марта во время встречи с участниками всеукраинской акции «Дети объединяют Украину» заявил о том, что 242 ребенка были убиты российским агрессором, начиная с 2014 года. 140 сирийских детей погибло во время нападения на гражданское население в Сирии. Большое количество детей 25 марта погибло в Кемерово. «Я хочу выразить самые искренние слова соболезнования родным и близким».

В-четвертых, следующим этапом развития является теория *«порождающей грамматики»* американского философа Н. Хомского. Главная суть данной теории заключается в том, что языковые правила построения слов (речевых предложений) не являются результатом функции коммуникации и

не уясняются индивидом в ходе его взаимодействия с повседневной действительностью. Иными словами, понимание и осмысление языка определяется не прошлым опытом человека, а внутренней структурой его психики, выступающей в роли особых механизмов усвоения языка, – «орудием свободного выражения мыслей и адекватного реагирования на новые ситуации»¹.

В качестве примера можно рассмотреть трансформации, произошедшие с термином «гуманизм» в XX столетии. Понятие «гуманизм» (лат. *humanus* – человеческий) обозначает систему взглядов, рассматривающую личность человека как благо, высшую духовно-нравственную ценность. Сегодня в рамках военных столкновений данный термин приобретает совсем другое значение. Если раньше под ним понимался гуманитарный лозунг – «оказание помощи слабому государству (социальной группе)», участвующему в конфликте, то в настоящее время он осмысливается по-иному, как особая интервенция «великих мира сего» (мировых держав и транснациональных компаний), которые под эгидой благих намерений решают свои сугубо личные цели. По этому поводу Хомский отмечает, что многие чисто захватнические инициативы в XX веке, такие, как захват Манчжурии Японией или Чехии Германией, тоже прикрывались гуманитарными лозунгами. То же самое можно сказать и о почти всех операциях Соединенных Штатов Америки, начиная с момента их образования, включая даже геноцид коренных американцев².

Из вышесказанного следует, что в условиях современности западными специалистами в области информационной войны активно применяются различные технологии социогуманитарного воздействия, влияющие на языковое поведение социальных субъектов, посредством использования лингвистических концептов (метафор, нарративов, языковых игр, порождающих грамматик и др.) как инструмента символического конструирования и описания настоящей действительности.

¹Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005. С. 40.

²См.: Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. М., 2002. С. 23-52.

Важной тенденцией развития, определяющей современное содержание социогуманитарных технологий информационной войны, является *усиление влияния знаково-символических структур на сознание и поведение современного человека.*

Согласно мысли Э. Кассирера, современный человек – это *animal symbolicum* (символическое животное), способное к созиданию определенных символических форм окружающей его социальной действительности. Так, по его мнению, социальная программа существования первобытного человека формировалась из самой природы, из попытки уцелеть, подражая поведению диких животных, более подготовленных к жизни в суровых условиях древнего мира. Такое восприятие мира обусловило появление особой формы деятельности: человек стал созидателем символов. Далее, по мере своего развития человек все больше погружался в эту деятельность и сегодня он имеет дело не столько с физической реальностью, сколько с искусственной реальностью – «Вселенной символов» (мифологией, религией, наукой и в целом культурой), порожденной его творчеством¹.

Опираясь на вышесказанное, в современном информационном противоборстве можно выделить четыре семиотических направления, которые условно можно обозначить следующим образом.

1) исследования в области «*десимволизации*» – поиск общих закономерностей и факторов воздействия символов на социальную действительность индивида при их частичном или полном уничтожении. Методологическую базу данного направления составляют взгляды и идеи философов постмодерна – Р. Барта, Ж. Лакана, У. Эко.

Так, по утверждению Лакана, разрушение процесса означивания определенных объектов материального мира приводит к внесению разлада в соответствии двух планов социального бытия человека: конструкций сознания и возможных предметов сознания, которые должны быть соединены в символе,

¹См.: Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 473.

что дает возможность конкретным субъектам конструировать различные искусственные реальности¹.

Десимволизация имеет довольно давнюю историю. Например, во время вооруженной экспансии мусульманского Востока на Пиренейский полуостров в VIII веке арабские военачальники заметили, что уничтожение христианских символов (церквей, монастырей, религиозной литературы) способствует снижению морального духа сопротивления иноверцев (испанцев) проводимой политики исламизации. Результатом данной деятельности стало создание на территории Испании исламского государства (Кордовский эмират), которое просуществовало почти два века.

2) карикатуризация (итал. *caricatura* – нагружать, преувеличивать) – исследования феномена сатиры как особой формы деятельности по формированию и репрезентации образов наиболее важных (в глобальном историческом плане) личностей. Сатира является неотъемлемой частью современной общественной жизни, это своеобразная форма рефлексии и критики политической сферы жизни социума.

По мнению М.М. Бахтина, «каждый завершающий, трансгредиентный самосознанию героя (личности) момент времени может быть использован в сатирическом, героическом и юмористическом направлениях. Так, возможна сатиризация наружностью, ограничение, высмеивание познавательно-этической значимости ее внешней, определенной, слишком человеческой выраженностью»².

Во время гражданской войны в Сирии дети неоднократно использовались для обличения «диктаторского режима» Б. Асада и дискредитации роли России в военно-политической поддержке законного правительства этой арабской страны. Одним из первых информационных поводов стала фотография тела утонувшего 2 сентября 2015 г. сирийского мальчика Айлана Курди, выброшенного на турецкий берег после того, как лодка, на которой

¹См.: Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С.36-59.

²Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 21.

его семья пыталась бежать из Сирии, перевернулась. Фото было сделано турецкой журналисткой Н. Демир, которая сопровождала его подписью: ««Я хотела сделать немой крик ребенка услышанным»».

Как выяснилось, на самом деле семья Курди проживала в Турции в течение 3-х лет, пока не решилась нелегально переправиться в Грецию и далее в Евросоюз с помощью контрабандистов. Данный инцидент стал инструментом давления на Евросоюз Турции, премьер-министр которой Р. Эрдоган потребовал увеличения квот для беженцев в ЕС и заявил, что «в Средиземном море тонут не только беженцы. Вместе с ними утонула наша гуманность». Событие полностью изменило отношение к беженцам, из гонимых всюду людей они превратились в уважаемых гостей, перед которыми оказались распахнуты почти все границы Европы.

Эта фотография была использована французским сатирическим журналом «Шарли Эбдо» («Charlie Hebdo») для того, чтобы, по их словам, использовать «расистские и религиозные стереотипы для того, чтобы высмеять их». Художники Шарли нарисовали две карикатуры: на одной изображен идущий по морю Иисус Христос и ноги мальчика, торчащие из-под воды с подписью «Доказательство, что Европа христианская: христиане ходят по воде, а мусульманские дети тонут». Вторая картинка с подписью «Так близко к цели...» основана на указанном фото, на котором Айлан лежит на берегу и где стоит плакат с изображением рыжего клоуна из Макдональдса и текстом: «Промо-акция! Два детских меню по цене одного». Шарли просто шокировала общественность своим глумлением над христианскими и исламскими святынями, жертвами войн и катастроф.

В этом отношении подобные карикатуры призваны формировать в сознании индивида определенные образы (общие представления, стереотипы, ярлыки об конкретных политических субъектах), которые в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью конструирует у него новое восприятие мира.

3) «*символическая деконструкция*» – исследования в области разработки методов и способов по переоценке традиционных символов и навязыванию собственных путем подмены конкретного содержания пустой формой. В основе данных исследований лежат идеи Ж. Деррида о деконструкции как особом инструменте для выявления общих закономерностей между различными историческими эпохами и идеи Ф. Ницше о переоценке всех ценностей человека.

Так, немецкий мыслитель Ф. Ницше задается вопросом: «Нельзя ли перевернуть все ценности? И, может быть, добро есть зло? А Бог – выдумка и ухищрение дьявола? И может быть, в последней основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики? И не должны ли мы быть обманщиками?»¹.

Такая переоценка ценностей, следуя идее автора, означает переход «по ту сторону добра и зла», состоящий в отказе от лжи, фальши устаревших догматизированных воззрений. Принципы и ценности Просвещения и христианской морали соответствуют интересам слабых, бездарных людей, серых и посредственных, не способных к созданию культурных ценностей, занятых только их потреблением.

Касательно современного социогуманитарного противоборства, символическая деконструкция призвана воздействовать на массовое сознание общества путем разрушения его аксиологической матрицы (подмена системы ценностных координат, демонтаж исторической памяти) и замену ее на искусственные конструкции.

Основанием такого рода деконструкции выступает *политкорректность*, когда во имя абстрактного равенства можно пойти на искажение любых фактов, в том числе и исторических. Так, в декабре 2015 г. мэр Нового Орлеана М.Ландре в ходе избирательной компании выступил с инициативой сноса памятников «белым расистам»-конфедератам – сторонникам проигравшего в гражданской войне США (1861-1865) Юга, президенту Конфедерации.

¹Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. СПб., 2007. С. 4.

рации Д.Дэвису (установлен в 1911 г.), генералам армии южан П. деБорегару (1915) и Р.Ли (1884), а также монумента «Либерти плейс» (возведенный в 1891 г. в память об участниках восстания южан против насильственной «реконструкции» со стороны победивших северян). Не помогли 30 тыс. подписей протестующих против сноса местных жителей и то, что ряд памятников входил в Национальный реестр исторических монументов США, – с 25 апреля по 20 мая 2017 г. эти памятники были демонтированы.

Весной 2017 г. представителями демократической партии США был инициирован вопрос сноса памятников конфедератам, политическим деятелям и военным по всей стране. Данные действия, превратившиеся по аналогии с событиями на Украине в «конфедератопад», обосновывались левыми силами обвинениями южан-конфедератов в расизме и рабовладении¹. Однако многие из конфедератов, в том числе и полководцы – генерал Р. Ли и Т. Джексон – лично рабами не обладали, а в войне придерживались правил рыцарской чести. Как раз этим и воспользовались «освободители от рабства» генералы У. Грант и У. Шерман, начав, ввиду своих постоянных поражений, тотальную войну против прежде всего гражданского населения Юга без всяких правил, разрушая железные дороги, сжигая усадьбы, плантации и целые города, убивая мирное население, уничтожая историческое наследие аристократического юга.

Потомки проигравших конфедератов, испытывая гордость своими предками, которые сражались за дело, которое считали правильным, восхищаясь их самопожертвованием и безупречной честью их предводителей, не запятнавших себя военными преступлениями и чтя память о них, возвели множество монументов, барельефов и памятных знаков. Но эти памятники и знаки сегодня не только сносятся по решению местных властей, но и подвергаются надругательству бесчинствующей толпой, как это произошло, например, в

¹Если следовать этой логике, то должны быть снесены памятники отцам-основателям США, в том числе и гигантский барельеф на горе Рашмор в Южной Дакоте, на котором двое из четырех изображенных – первый и третий президенты США Дж. Вашингтон и Т. Джефферсон – были крупными рабовладельцами.

городке Дарем в штате Северная Каролина, где была сброшена с пьедестала с надписью «В память о мальчиках, носивших серое» (форма конфедератов была серого цвета, в отличие от точно такого же фасона голубой формы северян-янки) бронзовая статуя неизвестного солдата-конфедерата, являвшегося символом всенародного характера войны и понесенных огромных жертв со стороны малонаселенного Юга против людного Севера, выставившего целые полки авантюристов и наемников со всего мира.

4) *«символическая симулякризация»* – практики конструирования и распространения искусственных семиотических систем, способных оказывать влияние на ценностное ядро индивида и его социальное поведение. По утверждению Ж. Бодрийяра, современная социальная действительность представляется как «гиперреальность» – особое пространство, состоящее из множества взаимосвязанных симулякров, которые не соотносятся ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Так, если основная функция знака – отображать объекты, а символа – их представлять, то применительно к симулякру говорить о каком-либо соответствии просто бессмысленно. В этом отношении симулякр – это знак, переставший по своей сути быть знаком и обретающий свое собственное бытие в процессе созидания своей реальности¹.

Так, 19 ноября 2017 года в рамках мероприятий Дня скорби, который проводится в Германии в память о жертвах войн, в Бундестаге выступали дети из российской гимназии № 1 Нового Уренгоя при поддержке немецкого Фонда Ф. Эберта, Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями и компании Wintershall, которая на протяжении десяти лет являлась спонсором международного проекта по обмену школьниками. Школьник Николай Десятниченко рассказал историю немецкого солдата Георга Йоханна Рау, который в составе 250 тыс. группировки вермахта был окружен Красной Армией «в так называемом Сталинградском котле». Рассказывая о печальной судьбе солдата, который умер в плену, Коля говорил, что он очень

¹См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 11-16.

«тронут» и употребил слова «Я увидел могилы невинно погибших людей, среди которых многие хотели жить мирно и не хотели воевать...»¹.

Последовали оправдания, что мальчику сократили время выступления и поэтому он ошибся, в спешке изменив свой замысел, и поэтому его неправильно поняли. Он прежде всего имел в виду необходимость мирного сосуществования народов, а также утверждения, что его прадед также сражался на той войне. По факту Коля оправдал врагов, назвав их «невинно погибшими», которые в течение полутора лет, дойдя с боями до центра европейской части страны, вели ожесточенные боевые действия, применяя вооруженное насилие как против советских солдат, так и мирных жителей, убив и искалечив миллионы людей.

Такой странный симулятивный пацифизм нашел неофициальный коммуникативный отзыв в другом сибирском городе – Тюмени, где к памятнику не вернувшимся с войны школьникам прикрепили плакат с фотографией Десятниченко на трибуне Бундестага с закрытыми белой полосой глазами. «Этот памятник стоит для всех тех, кто не знает историю своей Родины», – отмечается в подписи к снимку. К мемориалу «мальчику Коле из Нового Уренгоя» предложили возлагать учебники по истории².

Итак, в настоящее время символическая природа человека активно используется для оказания скрытного воздействия на массовое сознание и поведение индивида в целях решения определенного круга специальных задач.

Анализ вышеуказанных тенденций развития показывает, что социогуманитарные технологии современной информационной войны по отношению к российскому социуму носят деструктивный характер и претендуют на всеохватность. Прежде всего это обусловлено мультипарадигмальной природой

¹Цит. по: «Они хотели жить мирно, а не воевать». Школьник из ЯНАО рассказал в Бундестаге о «невинных солдатах вермахта» // Газета.ru.URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/11/20/10995032.shtml> (дата обращения: 18.01.2019).

²Цит. по: Памятник «мальчику Коле из Нового Уренгоя» открыли в Тюмени // Lenta.ru.URL: <https://lenta.ru/news/2017/11/24/urengoy/> (дата обращения: 18.01.2019).

данного технологического инструментария и разновекторностью его воздействия на массовое сознание россиян.

Следует также отметить, что все вышеописанные технологии не теряют своей актуальности при появлении новых и более сложных методов и способов воздействия и могут применяться как отдельно, так и в комплексе с ними. Вследствие этого существенно усиливается опасность для человека вовремя распознать и оценить угрозы такого рода.

Из вышесказанного можно констатировать, что дальнейшее противоборство в социогуманитарном измерении между Россией и Западом будет только усиливаться. В этой связи в настоящее время возникает насущная необходимость обеспечения всемерной информационной безопасности российского государства и социума, а также осмысления и разработки конкретных систем и методов оказания противодействия такой форме угрозы.

Таким образом, в качестве вывода по данному разделу необходимо отметить следующее.

1. Динамика развития социогуманитарных технологий современной информационной войны обусловлена наличием совокупности условий и факторов объективного и субъективного порядка, а также характером и формой воздействия на массовое сознание социума. К объективной стороне процесса относятся: а) рост военно-политических, экономических, социальных и духовных противоречий развития современного социума как условий формирования очагов мировой напряженности; б) развитие и распространение информационно-коммуникативных практик в ходе активно протекающих процессов глобализации социума; в) продолжающаяся экспансия западной культуры в цивилизационную среду российского социума; г) воздействия, связанные с совершенствованием и трансформацией медиаполитической системы современного общества в процессе его глобализации; д) развитие постнеклассической формы научной рациональности в рамках формирования и организации нового образа современного социума и др.

2. В качестве субъективных факторов, оказывающих влияние на динамику социогуманитарных технологий информационной войны, следует выделить, во-первых, появление людей-визионеров, претендующих на особое видение путей тотальной трансформации социума в будущем на глобальном, государственном, общественном и личностном уровнях; во-вторых, организация деятельности представителей различных направлений социогуманитарного знания в сфере современного информационного противоборства; в-третьих, развитие и формирование социогуманитарных технологий как формы профессиональной деятельности человека в контексте институционализации социальной инженерии; в-четвертых, пропаганда и насаждение западной модели образования некоторой частью ученого мира и представителями государственного аппарата и ряд др. При этом важно отметить, что вышеперечисленные факторы обуславливают мультипарадигмальную и конвергентную природу социогуманитарных технологий.

3. В качестве очевидных тенденций развития социогуманитарных технологий современной информационной войны следует выделить: 1) повышение уровня скрытности и масштабов социогуманитарного воздействия на человека в рамках становления информационного общества; 2) ориентация на разработку новейших информационно-коммуникативных технологий воздействия на индивидуальное и массовое сознание в контексте развития коммуникативной научно-исследовательской программы; 3) повышение внимания к языковым концептам и теориям как инструменту описания настоящей действительности в рамках лингвистического поворота; 4) усиление влияния знаково-символических структур на сознание и поведение современного человека; 5) минимизация времени между разработкой социогуманитарных теорий и их воплощением в технологии информационной войны и ряд др.

Раздел III. Основные направления оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны

Общеизвестно, что информационная война выступает как особая форма коммуникативной деятельности человека, направленная на переозначивание социального пространства и организованная как противоборство (защита и нападение) различных социально-политических акторов с использованием всего спектра социогуманитарных технологий (семиотических, дискурсивных, языковых, коммуникативных, гносеологических и др.). Россия и ее Вооруженные силы так или иначе вовлечены в ведение такого рода информационной войны, что влечет за собой необходимость оптимизации данных технологий.

Под *оптимизацией* (лат. *optimus* – наилучший) понимается взвешенная активность по приведению какой-либо сложной системы в эффективное состояние, и в то же время минимизация возникающих рисков и издержек в интересах наиболее лучшего решения для достижения целей указанной системы. Применительно к социогуманитарным технологиям современной информационной войны, оптимизация может означать особый комплекс теоретических и практических действий, реализуемых субъектами информационной войны, и направленный на развитие их социогуманитарного базиса, совершенствование технологий, а также минимизация методов и приемов их воздействия.

Всесторонний анализ литературы, ее основные идеи и выводы по рассматриваемой проблематике позволяют сформулировать определенные теоретические положения, выявляющие особенности оптимизации социогуманитарных технологий в современной информационной войне, которые включают в себя следующие аспекты: предпосылки, содержание, функции, формы, закономерности, принципы и критерии.

Рассмотрим указанные аспекты оптимизации более детально. Анализируя *предпосылки* оптимизации, необходимо отметить следующее. Во-первых,

оптимизация социогуманитарных технологий в информационной войне возможна в форме процессов выбора и утверждения, а также последующего за ними достижения: а) наиболее оптимальных вариантов из возможных состояний информационной войны как специфической формы коммуникативной деятельности применительно к использованию социогуманитарных технологий; б) наилучшего направления изменений использования социогуманитарных технологий в информационной войне; в) целей информационной войны в условиях развития современного российского социума.

Во-вторых, оптимизация социогуманитарных технологий в современной информационной предполагает реализацию определенной устремленности на достижение конкретного социально значимого результата, необходимого для благополучного функционирования российского государства, общества и его Вооруженных Сил. Это достигается при соответствующем учете совокупности критериев, обеспечивающих точное выполнение и организацию данного процесса, обуславливаемых объективными потребностями и нуждами всех субъектов российской государственности (общества, политического руководства государства, армии и др.) и отражаемых в нормативно-правовых документах, целях, планах, а также в научно-исследовательских средствах и результатах.

Важно отметить, что на процесс оптимизации социогуманитарных технологий в информационной войне оказывает влияние совокупность множества условий и факторов, которые, в свою очередь, необходимо учитывать при ее организации и проведении.

В-третьих, процесс оптимизации социогуманитарных технологий в современной информационной войне может быть реализован при наличии определенных оснований (условий-предпосылок). К числу наиболее значимых из них относятся:

а) наличие различных вариаций оптимизации, из которых их субъекту (организатору) следует предпочесть наиболее верный и оптимальный вариант;

б) определение критериев оптимальности данной формы деятельности в информационной войне в условиях настоящей действительности по отношению к цели познания феномена современной войны;

в) возможность свободного выбора различных вариантов использования социогуманитарных технологий в информационной войне (при отсутствии такого выбора проблема оптимизации в подавляющем большинстве случаев не рассматривается);

г) сравнение количественных и качественных показателей выбора оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в условиях современного информационного противоборства.

В-четвертых, процесс оптимизации социогуманитарных технологий в контексте современной информационной войны может приобретать определенные значения, которые обусловлены конкретными задачами и условиями развития и функционирования данной формы человеческой активности. Условно эти значения можно обозначить следующим образом:

а) оптимизация как реальный, действительный процесс в отличие от потенциального или гипотетического;

б) оптимизация в собственном смысле как процесс выбора варианта при обязательном наличии всех четырех обозначенных выше условий (предпосылок);

в) оптимизация как процесс поиска вышеперечисленных предпосылок для формирования определенного «оптимизационного поля»;

г) оптимизация как процесс улучшения (совершенствования) любого социального явления или процесса (в нашем случае – социогуманитарных технологий информационной войны) в целях повышения его полезного эффекта¹.

¹См.: Оптимизация. Методы оптимизации. URL: <https://studfiles.net/preview/3653072/page:8/> (дата обращения: 18.02.2019).

Вышеуказанные значения определяют сущность и содержание оптимизации социогуманитарных технологий в условиях проведения как современных информационных войн, так и войн в обозримом будущем.

Итак, сущность и содержание оптимизации социогуманитарных технологий информационной войне в современных условиях выступают как организованный процесс развития направленности воздействия социогуманитарных технологий информационной войны (в рамках прогнозирования будущих угроз, профилактики и обеспечения защиты социума от их воздействия, проведения наступательных информационных операций с использованием социогуманитарного инструментария и т.д.), обуславливаемый объективными условиями и потребностями военной системы, общества и государства в целом, а также целями, установками и нормами деятельности субъектов оптимизации по использованию данных технологий в борьбе с противником. В этом отношении оптимизация социогуманитарных технологий современной информационной войны в обобщенной форме может быть представлена как направление развития, целенаправленный единый комплекс мероприятий по приведению системы планирования, разработки и применения данных технологий в информационном противоборстве (при конкретных условиях развития российского социума и его государственных институтов, в том числе Вооруженных сил страны) в наиболее эффективное состояние, а также обеспечение минимизации влияния данных технологий на российское общество.

В качестве базовых *содержательных характеристик* оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в современных условиях выступают исходные принципы, которые являются переосмыслением некоторых закономерностей, присущих современному этапу развития человека и общества. К числу такого рода *закономерностей* следует отнести:

а) *проективность* пространства – попытки создания и организации все новых проектов социальных реальностей¹;

¹См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

б) *науководство* – конвергенция социальных, естественных и технических наук и образование постнаук, таких, как коммуникативистика, психософия, техногуманистика¹;

в) *трансформация* понятийно-категориальной базы социогуманитарной науки, выраженная переходом от «тяжелых» метатеорий (парадигм) к легким, изменчивым научно-исследовательским программам, осуществляющим анализ изменений коммуникативной активности индивида в современной информационной реальности;

г) *алгоритмизация* социальных процессов и поведения людей – преобразование социальных теорий в руководства (программы) для практической реализации²;

д) создание *эффекта* комплементарности (взаимодополнительности) и кумулятивности в социально-гуманитарном знании.

Конечно, представленными устойчивыми повторяющимися явлениями невозможно исчерпать все многообразие закономерностей. В условиях оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны указанные закономерности следует учитывать в виде соответствующих принципов, основополагающих в данной области исследования, которые, несмотря на их пестроту и разнообразие, наиболее полно отвечают системному анализу исследуемого социального явления. Рассмотрим отдельные из них, которые, как представляется, выполняют наиболее значимую роль в обеспечении данного процесса оптимизации.

В качестве специфических *принципов* оптимизации социогуманитарных технологий в современной информационной войне выделим следующие:

а) *принцип интерференции* – конвергенция исследовательских методов информационной войны;

¹См.: Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М., 2016.

²См.: Ларина Е.С., Овчинский В.С. Парадокс Ферми и угрозы будущего // Zavtra.ru. URL: http://zavtra.ru/blogs/paradoks_fermi_i_ugrozi_budushego (дата обращения: 18.05.2019).

б) *принцип утилитарности* – прагматизм в конструировании СГТ ИВ (связь между теорией и практикой);

в) *принцип эмпиризма* – проверка и адаптация СГТ ИВ посредством испытаний на людях в очередном вооруженном конфликте (пример, «социальные полигоны и лаборатории» в Сирии, Венесуэле, на Украине и т.д.);

г) *принцип своевременности* – быстрая реализация теорий (в концентрированном виде) в конкретные социогуманитарные технологии в пространстве информационной войны;

д) *принцип конструктивизма* – тесная взаимосвязь (сцепка) новой прикладной социальной теории с новой социально-гуманитарной технологией с инициированием новой социальной реальности;

е) *акторно-сетевой принцип* – взаимозависимость вещей, людей и коммуникаций¹;

ж) *принцип комбинаторики* – поиски наиболее эффективных технологий при сохранении значения менее результативных (например, пропаганда) в настоящих условиях;

з) *принцип вариативности* – использование разнообразного множества философских концептов и интуитивно схваченных коммуникативных смыслов для их воплощения в реальности (например, применение при конструировании технологий информационной войны концептов «дискурс-строя», «смерти автора», «времени богов», «общества спектакля» и т.д.).

Оптимизация социогуманитарных технологий информационной войны в условиях функционирования российского государства и его Вооруженных Сил представляется целенаправленным процессом определенной деятельности конкретных субъектов. В этом отношении любому процессу деятельности свойственен механизм ее реализации, который может быть осмыслен как механизм совершенствования социогуманитарных технологий, поиск наиболее оптимальных способов ведения информационной войны в контексте ис-

¹См. подробнее: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

пользования наиболее эффективных технологий, а также минимизации их влияния при использовании противником посредством оказания позитивного влияния на развитие и формирование информационной компетентности и образованности личности, социума и его армии в рамках современного социогуманитарного противоборства.

Таким образом, под *механизмом оптимизации* социогуманитарных технологий информационной войны следует понимать особую целостную систему законов и норм, методов и средств, используемых в различных формах своего воплощения (прогнозирование, защита, профилактика и нападение) определенными социальными акторами (субъектами общественного развития) для обеспечения безопасности личности, общества и государства в целом от деструктивного воздействия социогуманитарных технологий противника.

Как представляется, структурными компонентами механизма оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в современных условиях являются:

а) общественные и государственные структуры, выступающие в качестве субъектов деятельности и непосредственно осуществляющие планирование применения и реализации социогуманитарных технологий в информационной войне;

б) совокупность функционирующих социально-гуманитарных идей, подходов, взглядов, концепций о месте и роли социогуманитарных технологий в информационной войне, значении профессиональной подготовки кадров для участия в процессе оптимизации; доктринальные установки на роль субъектов общества в обеспечении социогуманитарных технологий информационной войны как особой формы коммуникативной деятельности в рамках современного информационного противоборства;

в) общая система взаимосвязанных методов и средств (во всевозможных формах своего проявления) субъектов оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны по достижению конечной цели – разра-

ботка и совершенствование СГТ, защита общественного сознания страны от их деструктивного воздействия.

В роли наиболее значимого элемента механизма оптимизации, в том числе и в области информационной войны, являются субъекты данного процесса. Именно субъекты определяют всю совокупность целей создания и функционирования данного механизма оптимизации, вырабатывают соответствующие им нормы и алгоритмы, выбирают наиболее результативные методы и средства их достижения.

В последнее время в обществе поднимается проблема кризиса субъектности¹ во всех областях общественных отношений, в том числе и в сфере информационной войны. Однако заметим, что сегодня существуют определенные структуры, занимающиеся непосредственно организацией и реализацией социогуманитарных технологий в интересах ведения информационной войны. Так, одним из основных субъектов рассматриваемого процесса выступает государство, реализующее свою деятельность посредством использования определенных структур и органов (например, Министерство обороны РФ), а также гражданское общество, осуществляющее общественный контроль за коммуникативной деятельностью такого рода².

Анализ современных информационных войн и конфликтов показывает, что в основе применения технологий их ведения используется различные научные теории и концепты. В этой связи особую роль в реализации процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информацион-

¹См., например, работы: *Кара-Мурза С.* Демонтаж народа. М., 2007; его же. Манипуляция сознанием. М., 2000; его же. Матрица «Россия». М., 2007; *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004; *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003 и др.

²См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Российская газета. 2016. 6 декабря; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») // Российская газета. 2015. 31 декабря; Военная доктрина Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г.) // Независимое военное обозрение. 2010. 12 февраля.

ной войны занимают ученые. Именно их наработки способствуют развитию форм информационной войны и ее технологического инструментария. Так, учения философов эпохи постмодерна о «ценностной деконструкции», например, стали фундаментом для создания деструктивных технологий в рамках идеологического противоборства Советского Союза и Запада, внесших весьма существенный вклад в разрушение всей советской системы. Здесь в качестве яркого примера можно привести деятельность диссидентских движений. Так, известный писатель и диссидент А.И. Солженицын в ходе своего выступления в американском Сенате 15 июля 1975 года дискредитировал проводимую политику советского руководства, сравнивая ее с политикой лжи и тирании, называя рабочее население страны рабами с ложной иерархией ценностей, а сложившуюся в мировом сообществе ситуацию, а именно – разрастание и поддержка идей коммунизма – глобальным политическим кризисом¹.

Следующим субъектом процесса оптимизации являются символические аналитики и журналисты, которые реализуют посредством своей деятельности различные социогуманитарные технологии воздействия. Главной их задачей является не только обеспечение желаемого результата воздействия той или иной социогуманитарной технологии, но получение обратной связи для оптимизации данного процесса в будущем.

Тем не менее, несмотря на такую разобщенность, все социальные акторы процесса оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны составляют определенную систему, которая в своем структурно-функциональном отношении на настоящий момент времени может быть оценена, как низкоэффективная по ряду причин, среди которых можно отметить следующие:

Во-первых, отсутствие взаимосвязи и взаимодействия по проблеме развития социогуманитарных оснований информационной войны и их оптимизации;

¹См.: Солженицын А.И. Американские речи. Paris, 1975.

Во-вторых, отсутствие научно аргументированных и официально оформленных на государственном уровне целей функционального содержания данной формы деятельности;

В-третьих, недостаточная организационная и нормативно-правовая поддержка указанной работы и др.

Следующим весьма значимым элементом механизма оптимизации СГТ информационной войны выступают *цели оптимизации*. Для наиболее эффективного решения поставленной задачи в качестве основных целей предполагаемого механизма оптимизации должны выступать следующее:

а) формирование и развитие интегральной модели (образа) информационной войны сообразно современным условиям;

б) активизация работы научного сообщества по генерированию новых социогуманитарных идей для совершенствования данных технологий;

в) целенаправленная подготовка военных специалистов для выполнения ими своих функций в ходе реализации социогуманитарных технологий информационной войны в интересах обеспечения военной безопасности России;

г) формирование коммуникативной компетентности и медиабразование широких масс граждан в целях понимания ими опасности деструктивных технологий и способов защиты от их влияния и др.

Особое значение в функционировании механизма оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны играет нормативно-правовая база деятельности субъектов. Стоит согласиться с утверждением, что успешное достижение цели оптимизации зависит от отлаженного в организованно-правовом плане взаимодействия всех элементов системы. Именно нормы обуславливают в конечном итоге выбор субъектом конкретных методов и средств, необходимых ему для достижения поставленных целей.

Касательно ведения современного информационного противоборства, нормативно-правовая база государственной политики России в сфере обеспе-

чения информационной безопасности нашла свое отражение в Законах РФ («Об обороне», «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих») и Постановлениях Правительства РФ, других руководящих документах (Стратегии национальной безопасности РФ, Военной доктрине РФ, Концепции информационной безопасности РФ). О необходимости выработки нормативной политики в области оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны публично заявлял Президент РФ: «Мы должны четко представлять тенденции развития глобальной информационной сферы, прогнозировать потенциальные угрозы и риски. И главное – наметить дополнительные меры, которые позволят нам не просто своевременно выявлять угрозы, но и активно реагировать на них... <> бороться с теми, кто использует информационное пространство для пропаганды радикальных идей, оправдания терроризма, экстремизма, решительно пресекать попытки размещения материалов, угрожающих безопасности нашего государства, общества в целом и отдельных граждан»¹.

Таким образом, *оптимизация социогуманитарных технологий современной информационной войны* представляет собой целенаправленно-организованный процесс деятельности, направленный на развитие единого комплекса сил и средств государства по обеспечению защиты сознания российского общества от деструктивного воздействия в рамках современного информационного противоборства. Данный комплекс включает в себя: разработку и совершенствование социогуманитарных технологий информационной войны; подготовку специалистов социогуманитарной сферы (философов, историков, лингвистов, политологов, коммуникатологов и т.д.) обладающих соответствующими знаниями, умениями, навыками необходимыми для успешного ведения информационной войны в условиях современности, а также создание условий для получения гражданами страны определенного

¹ Цит. по: Расширенное заседание Совета Безопасности. 26 октября 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55924> (дата обращения: 18.05.2019).

уровня информационной компетентности и медиаграмотности, препятствующих манипуляциям их сознанием.

Предполагаемая оптимизация для своей реализации требует создание необходимых конкретных условий как со стороны российского государства (структуры и органы государственного управления), так и со стороны общества в целом во всех сферах социальной действительности (экономической, социальной, политической, духовной и собственно военной).

В *экономической сфере* самые совершенные социогуманитарные технологии невозможно реализовать без должного обеспечения материально-технической, финансовой, информационно-методической или кадровой базой. Только на основе решения проблем современного экономического возрождения России как могучей в военно-экономическом отношении державы возможно формирование новой стратегии информационной войны. Например, очевидно, что возрождение экономической мощи страны приведет не только к должному материально-техническому оснащению Вооруженных Сил и, соответственно, повышению возможностей в области подготовки специалистов информационных войн, но и поднимет престиж военной службы и обеспечит приток молодежи в данную сферу.

В *социальной сфере* первостепенным является создание и формирование условий для совершенствования взаимодействия и сотрудничества различных этнических общностей и социальных групп, являющихся уязвимыми для социогуманитарного воздействия, с позиции принципов равенства и социальной справедливости, прав и свобод человека, его обязанностей и ответственности как перед собой, так и перед обществом в целом и т.д.

В *политической сфере* усилия следует сосредоточить на обеспечении действительного суверенитета государства не только в области физического пространства, но и в пространстве духовном, необходима и независимость языка политической науки. Критическое отношение к транслируемым политическим концепциям, моделям властных отношений и политического

устройства поможет добиться самостоятельности политического мышления в целом.

В *духовной сфере* жизни российского общества наиболее значимыми условиями для реализации данного процесса являются преодоление сложившегося в конце прошлого столетия ценностного кризиса и возрождение самобытных традиций и духовных идеалов как ориентиров развития личности и всего общественного сознания в целом.

Вышеизложенные задачи являются общими для деятельности всех субъектов общественного развития в рамках реализации процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны. Их решение во многом будет способствовать поступательному развитию российского общества и государства, наращиванию их информационной мощи, и укреплению обороноспособности страны.

Таким образом, обозначенные предпосылки и принципы оптимизации СГТ информационной войны указывают прежде всего на необходимость в совершенствовании процесса подготовки высококвалифицированных военных ученых-экспертов для создания социогуманитарных технологий информационной войны. Как представляется, участие данных кадров в процессе оптимизации поднимет интеллектуальный и научно-образовательный уровень, позволит возродить утраченные традиции отечественной военной науки и добиться интеллектуального превосходства в этой сфере.

В рамках выявления *критериев оптимизации* социогуманитарных технологий информационной войны следует найти решение трех важных вопросов:

а) следует ли российскому государству, в лице своих уполномоченных структур, вообще участвовать в информационной войне, организуемой и направляемой западными социально-политическими акторами?

б) необходимо ли ограничиться в ходе ведения информационной войны лишь защитой?

в) насколько применимы с нашей стороны в информационной войне недостаточно чистые в моральном плане приемы, которые активно применяет противник: умолчание, обман, манипуляция, подтасовка фактов?

Ответы на эти вопросы устанавливают морально-нравственные границы оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны. Как представляется, условия существования информационного общества, где все социальные явления в той или иной форме приобретают характер информационно-коммуникативных, диктуют необходимость участия в этой войне, поскольку отказ от участия будет означать заведомое поражение в этом противоборстве и последующую трансформацию сознания проигравшей стороны. Здесь следует вспомнить слова французского мыслителя Ш.-Л. Монтескье: «Еще не побежден народ, хотя утративший свои войска, но сохранивший нравы свои», которые как раз и характеризуют данную ситуацию.

Солидаризируясь с Александром Македонским в том, что «лучшая защита – это нападение», следует сказать, что для достижения своих целей в ходе массированного применения противником все новых социогуманитарных технологий информационной войны, необходимо перейти от оборонительной стратегии ожидания каких-либо враждебных коммуникативных акций и поискам соответствующей на них реакции к наступательной стратегии, заключающейся в активном навязывании противнику с помощью создаваемых информационных поводов своего видения социальной реальности. Так, специалист в области ведения информационных войн А.В. Манойло на примере информационной компании, развернутой Великобританией против России по поводу «отравления Скрипалей» доказывает, что это довольно простая информационная операция «загонной охоты», когда противник принуждается к движению в нужном направлении, ограниченному «флажками» информационных вбросов, организованная американско-английскими разведслужбами, основанная на «игре с пошаговым повышением ставок». Российскую сторону она не только застала врасплох, но и вынудила оправдываться

и даже загнала в заранее расставленную ловушку и втянула самого Президента РФ в обсуждении данного вопроса. По мнению А.В. Манойло, должна быть разработана и активно применяться наступательная информационная стратегия, способная перехватывать инициативу у противника в сфере проведения информационных операций и отражать информационные атаки, подобные указанной на уровне простых исполнителей, без привлечения первых лиц государства¹.

Что касается ответа на третий вопрос о допустимости использования деструктивных технологий в такого рода деятельности, ориентируясь на мнение китайского полководца Сунь Цзы о том, что «война – путь обмана», необходимо отметить, что такие тактики должны применяться, но в каждом конкретном случае следует решать, насколько они этически оправданы. Как говорил на этот счет идеолог «холодной (информационной по преимуществу) войны» У. Черчилль: «истина на войне столь драгоценна, что ее должны охранять легионы лжи»². В то же время следует учитывать, что обладание правдой, истинным знанием само по себе является значительным преимуществом по сравнению с ложным знанием, не имеющим собственного онтологического статуса и потому являющегося фикцией, симулякром, фейком.

Несмотря на стремление значительной части современного российского общества к пацифизму, поискам несиловых методов урегулирования конфликтов и стремлению к компромиссам, необходимо быть бдительными, поскольку информационная война с использованием значимых социальных смыслов крайне опасна для общественного сознания. Ведь как утверждал О. Хаксли: «Лишь тот, кто бдителен, сумеет сохранить свободу, и те, кто постоянно и здраво отслеживает обстановку в мире, смогут установить эффективное демократическое самоуправление. Общество, большинство членов которого проводят значительную часть времени не в этой реальности, а в иных

¹Манойло А.В. Полный разбор «Дела Скрипалей»: от А до Я // Экспресс-газета. 2018. 17 сент. URL: <https://www.eg.ru/politics/622437-polnyy-razbor-dela-skripaley-ot-a-do-ya/> (дата обращения: 18.05.2019).

²Черчилль У.С. Вторая мировая война: в 6 т. Ростов н/Д, 1997. Т. 5. С. 56.

мирах – в праздных мирах спорта и мыльных опер, мифологии и метафизических фантазий, – едва ли сможет сопротивляться натиску желающих манипулировать обществом и контролировать его»¹.

К сожалению, в российском социогуманитарном знании сохраняется несамостоятельность научных идей и дефицит собственных интеллектуальных заделов, которые могли бы выступать уникально-самобытной основой ведения информационного противоборства. Многие отечественные социальные ученые так или иначе базируются на концепциях, разработанных их иностранными коллегами. Как говорил Ф.М. Достоевский устами своего героя Ивана Карамазова: «все современные аксиомы русских мальчиков все сплошь выведенные из европейских гипотез; потому что что там гипотеза, то у русского мальчика тотчас же аксиома, и не только у мальчиков, но, пожалуй, и у ихних профессоров, потому что и профессора русские весьма часто у нас теперь те же русские мальчишки»².

При этом такое положение отечественной социогуманитарной науки приводит к тому, что некоторые заимствованные идеи российские ученые принимают некритически, не как научное утверждение, требующее обоснования, а на уровне веры, в качестве догмата, которым следует руководствоваться в дальнейшей деятельности. Другие идеи, достаточно бедного содержания, но обладающие броской красотой, иногда рассматриваются как интеллектуальное откровение. И некоторые отечественные ученые пытаются достроить их, ища то, чего в них нет, а третью группу идей, напротив, принимают несерьезными, несмотря на их серьезный потенциал и не уделяют им достаточно внимания, не видя в их распространении опасности для собственного мировоззрения и научного сознания.

Как уже отмечалось выше, к числу ведущих элементов, имеющих первостепенное значения для приведения данного механизма оптимизации в «действие», также следует отнести множество *средств и методов*, выступа-

¹Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М., 2015. С. 24-25.

²Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч.: в 15 т. Л., 1991. Т.9. С. 264.

ющих в роли инструментов непосредственной реализации и «воплощения в жизнь» целей социальных акторов (субъектов) оптимизации, обоснованных конкретным нормативно-правовым «полем». Вместе с тем важно отметить, что методы и средства процесса оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в своем функциональном отношении формируют особое системное единство. Все они тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, вследствие чего их учет (анализ) должен осуществляться синхронно и параллельно, и именно такое комплексное их рассмотрение в процессе взаимодействия субъекта и объекта оптимизации способствует достижению ее основной цели.

Для повышения эффективности ведения современной информационной войны, базирующейся на достижениях социогуманитарных наук, необходимо учитывать разноразностность теоретико-практических возможностей оптимизации такого рода активности, которые следует обозначить в виде двух направлений: *технологического* (практика организации конкретных информационно-коммуникативных акций и военных операций информационной войны) и *праксиологического* (теоретические социально-гуманитарные основания практической активности).

Другими словами, практика ведения информационной войны (на технологическом уровне) и социогуманитарное научное обеспечение (на праксиологическом уровне) должны создать единый теоретико-практический комплекс эффективной организации и применения социогуманитарных технологий в современной информационной войны.

При этом технологическое направление информационной войны ориентировано на конкретные мероприятия экономического, социального, политического, управленческого и военного характера, посвященных организации ведения информационной войны, а также предупреждению, противодействию разрушительным технологиям информационной войны. Данное направление сегодня разработано достаточно детально.

К элементам данного направления относятся, в частности:

- *информационная война в сфере руководства и управления войсками* (англ. command-and-control warfare) – в основе заложен концепт «обезглавливание» противника, то есть данная форма войны нацелена на физическое уничтожения центров и пунктов управления войсками, нарушения работы функционирования систем управления и линий коммуникаций противника;

- *разведывательно-информационная война* (англ. intelligence-based warfare) – основана на идее устранения фактора «тумана войны» (получения абсолютного знания о противнике) и предполагает нанесение противнику физического ущерба (огневого поражения, уничтожения) на основе широкого внедрения на поле боя средств радиоэлектронной разведки;

- *электронная война* (англ. electronic warfare) – ведется в сфере связи и коммуникаций и включает в себя радиоэлектронную борьбу и криптографическую войну;

- *«хакер-война»* (англ. hacker-warfare) – основана на поражении компьютерных сетей и информационных ресурсов как в отношении военных, так и в отношении государственных и частных (бизнес) организаций, при помощи внедрения в них различных компьютерных вирусов и др. вредоносных программ;

- *экономическая информационная война* (англ. economic information warfare) – может принимать одну из двух основных форм: информационную блокаду и информационный империализм. Так, информационная блокада имеет много общих черт с экономической блокадой: вся разница заключается только в том, что она ведется в виртуальном мире, посредством блокирования информационных потоков банков, фирм, предприятий и др. учреждений и организаций в сфере услуг страны-противника. Информационный империализм основывается на концепте «торговля – это война». Государства будут «продвигать» свои информационные системы, стремиться получить преимущества, представляемые доступом к информации;

- *«кибер-война»* (англ. cyber warfare) – война будущего. По мнению М. Либицки, эта форма информационной войны наиболее трудна для опреде-

ления и понимания и включает в себя информационный терроризм, «семантические атаки», симуляционные войны, «Гибсон-войну». Так, под информационным терроризмом осмысливаются различные действия хакеров, направленные не на нарушение функционирования всей информационной системы, а на использование ее базы данных для нанесения удара (ущерба) конкретному индивиду¹.

Для анализа эффективности механизма оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны наибольшую важность имеет праксиологическое направление, которое ориентировано в свою очередь на разработку деятельностных оснований системы организации социально-гуманитарных исследований в этой области.

К числу таких оснований в первую очередь следует отнести философские основания указанной активности в рамках так называемого деятельностного поворота, который обозначен в философских учениях прагматизма, лингвицизма, практицизма, акционизма.

Так, согласно учению *прагматизма*, установление смысла какого-либо утверждения (убеждения) является нахождением определенного направления, способа действий, при помощи которого данное утверждение определяет и устанавливает с ним наиболее «выгодные» (полезные) отношения².

Учение *лингвицизма* рассматривает социальный мир через призму языковой деятельности. По утверждению Л. Витгенштейна, именно язык выступает в роль того «опытного» инструмента, позволяющего человеку ощущать окружающую действительность и истолковывать ее происходящие факты, эта деятельности усваивается индивидом и после «непроизвольно» применяется им в определенной форме «языковой игры» в других различных ситуа-

¹ См.: *Libicki M.* The Next Enemy. // Strategic Forum. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-129891576/the-next-enemy> (дата обращения 05.05.2019).

² См. подробнее: *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения. М., 2000; *Джеймс У.* Воля к вере. М., 1997; *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии; Проблемы человека. М., 2003 и др.

циях, возникающих в процессе его жизнедеятельности¹. Такое осмысление обыденного языка, по мысли философа, обуславливает саму суть языкового поведения людей – «индивид на протяжении своего жизненного пути усваивает не только различные значения каких-либо слов, используемых им, но и некие контексты их употребления», и главная проблема состоит именно в выяснение значений употребляемых слов².

Учение *практицизма* основой социальных отношений полагает практические действия по установлению ценностей в коммуникации. Согласно позиции представителей данного учения, социальная деятельность конкретных субъектов общественного развития может выступать в роли особого инструмента изменения общественного сознания социума, предназначенного для организации и конструирования различных форм его социальной действительности³.

В рамках учения *акционизма* (англ. *actionart* – искусство действия) окружающая человека реальность предстает как своеобразная форма восприятия, предложенная индивиду в виде особого спектакля, в которой все типы социального взаимодействия между различными субъектами общественного развития имеют форму символического обмена⁴.

Все обозначенные направления деятельностного поворота объединяет общая убежденность в том, что деятельность (по организации событий, по установлению правил, по обретению ценностей, по репрезентации слов) трансформирует как всю систему общественных отношений в целом, так и лежит в основе социальных явлений, например, информационной войны.

¹См.: Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 10.

²См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008.

³См. подробнее: Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. Лекция Пьера Бурдье в Университете Сан Диего в марте 1986 г. // THESIS. 1993; его же. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995; Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991; Кара-Мурза С.Г. Учение о гегемонии Антонио Грамши // Манипуляция сознанием. М., 2004.

⁴См. подробнее: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000; Дебор Г. Общество спектакля. М., 1999.

Исходя из этого факта, в целях оптимизации социогуманитарных технологий российские субъекты информационной войны должны также руководствоваться в своей работе указанными социогуманитарными концепциями деятельности, взятыми в совокупности, с учетом принципа взаимодополнительности.

Для оказания противодействия угрозам все новым технологиям информационной войны, генерируемых на основе научных идей западных военных ученых в рамках оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны, наибольшее значение имеет праксиологическое учение. Именно его осмысление и изучение позволит отечественному научно-исследовательскому сообществу выйти за границы одностороннего понимания проблемы информационной войны, как защиты от неблагоприятных для обеспечения военной безопасности факторов, перейти к разработке наступательных информационно-коммуникативных технологий и их социогуманитарного содержания наступательного характера, а в перспективе – предложить собственные концептуально обоснованные теоретические основания такого рода деятельности.

Следуя мысли А. Эспинаса, технология должна быть переосмыслена как «философия действия» – некая новая форма знания, учения о сущности человеческой деятельности, которая должна заниматься общими фундаментальными вопросами ее исследования: во-первых, анализом и классификацией видов и форм деятельности человека; во-вторых, изучением принципов и закономерностей, факторов и условий, определяющих меру эффективности той или иной ее формы; в-третьих, исследованием генезиса и направлений развития человеческой деятельности, поиском путей ее совершенствования или регресса, движимых силой традиции и изобретательностью¹.

¹См.: Котарбиньский Т. Развитие праксиологии // Польское обозрение. 1962. № 12-13.

Отечественный мыслитель А.А. Богданов, оперируя сходными с праксиологией идеями, в своей книге «Тектология»¹. Всеобщая организационная наука» утверждал, что повышение результативности любого действия всегда является определенным актом организации (комплексом), при котором его элементарная структура становится крепче и стабильнее. В этой связи автор рекомендует организацию комплексов, которые предоставляют возможность всем своим элементам сопротивляться внешним силам, пытающимся их разделить, а также такие соединения, на определенных участках которых возможно сосредоточение некоторой совокупности внутренних сил для приведения «целого» в движение, устремленное наружу².

По мысли австрийского исследователя Л. фон Мизеса, праксиология есть наука, главным интересом которой выступает исследования деятельности через призму поступков человека. «Праксиология есть наука о средствах. Действие всегда есть программирование лучшего будущего, такого будущего, которое в любом случае остается неопределенным. Следовательно, действие есть выбор промежуточных средств, ведущих к желаемой цели... Праксиология обсуждает не движущие цели поступков, а скорее средства, приемлемые для достижения искомой цели»³.

Таким образом, следуя идее А.А. Богданова о том, что у человечества нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных, в качестве основных инструментов и средств организационной деятельности можно выделить слово, идею и социальные нормы⁴. В частности, посредством использования *слова* организуется всякое сознательное сотрудничество людей. Применительно к теме данного исследования, это может быть осмыслено как создание и организация специальных площадок для

¹Тектология (греч. τέκτων – плотник, строитель) – наука о всеобщем организационном построении.

²См.: Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1. С. 35.

³Мизес Л. фон. Индивид, рынок и правовое государство (Антология работ Л. фон Мизеса) / Под ред. Д. Антисери и М. Балдини. СПб., 1999. С. 79.

⁴См.: Богданов А.А. Очерки организационной науки // Пролетарская культура. 1919. № 7.

проведения научных дискуссий и конференций, на которых коллективно могут вырабатываться единые подходы к пониманию социогуманитарной специфики современной информационной войны. Так, после трагических событий, произошедших в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 года, Совет Безопасности ООН на основании резолюции № 1371 основал специальное ведомство по борьбе с международным терроризмом – «Контртеррористический комитет». Далее, Советом были учреждены ряд подобных комитетов по противодействию деятельности уже более конкретным террористическим организациям, например, комитеты по Талибану и Аль-Каиде. Главной задачей этих учреждений являлось организация межгосударственного сотрудничества и оказания помощи в разработке наиболее действенных систем в борьбе с различными проявлениями данной угрозы.

Идея есть некая организационная модель (схема), оформленная в виде конкретного технического правила, научного или художественного концепта и выраженная через специальные системы восприятия окружающей действительности (язык, символы, образы и т.д.). Для социогуманитарного аспекта технологий информационной войны это означает осмысление научным сообществом их теоретических оснований и создание единой теоретико-методологической базы для организации противодействия их влиянию. Так, российско-американский философ М. Эпштейн в рамках изучения проблем «проективной гуманистики» создал специализированный словарь «Проективный словарь гуманитарных наук». Его содержание включает в себя систематизированное описание понятийно-категориального аппарата гуманитарных наук (философии, культурологии, литературоведения, лингвистики и т.д.), а также описание различных гуманитарных подходов как методологического инструмента созидания, проектирования и организации социальной действительности современного человека и общества¹.

Социальные нормы – обычай, право, мораль, приличия – это тот внутренний механизм общества, который определяет формы отношений между

¹См.: Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017.

членами коллектива и формирует взаимосвязи между ними на ценностном уровне. Деятельность ученых в этом направлении должна способствовать формированию общественного сознания людей, основанном на признании самобытных духовно-нравственных ценностей, которые необходимо защищать в ходе ведения борьбы. В 1960-е гг., в разгар «холодной войны», американскому ученому-физику Р. Вильсону, который пытался обеспечить в Конгрессе США финансирование работ по созданию ускорителя элементарных частиц, одним из конгрессменов было задан вопрос, насколько его ускоритель позволит усилить обороноспособность страны? Вильсон ответил, что его ускоритель относится к той же категории, что и великая поэзия, живопись, скульптура. Все это ни капли не помогает защищать страну. Но зато делает ее стоящей того, чтобы защищать.

Польский исследователь Т. Котарбиньский утверждает, что праксиология является особым программно-концептуальным проектом (дисциплиной), которая есть ни что иное, как репрезентация общей теории организации деятельности¹.

В этом ключе праксиология понимается как «грамматика действия», некая специализированная программа (проект), сосредотачивающая свое внимание на синтезировании определенных разработок, исходящих от нужд и потребностей практической деятельности в научной сфере организации труда, а также на интерпретации в своем содержании их единых исходных принципов и логических схем, выработанных в современной социогуманитарной науке.

Осмысление праксиологии с данной позиции позволяет выделить следующие уровни анализа оптимизации социогуманитарных технологий в контексте современной информационной войны.

Первый уровень – разработка конкретной системы взаимосогласованных понятий и терминов (создание понятийно-категориального аппарата) в сфере ведения современного социогуманитарного противоборства.

¹См.: Котарбиньский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.

Второй уровень – создание специальных нормативных систем действия, обеспечивающих процесс совмещения рассматриваемой проблематики с конкретно-историческими этапами развития социума. Следует отметить, что на данном уровне особую значимость представляет выявление и однозначное толкование различных проявлений данного феномена в прошлом и настоящем.

Третий уровень – это уровень анализа различных форм проявления социогуманитарных технологий информационной войны и применяющихся для ее анализа методов с позиции критики их технологических достоинств в контексте исторического развития общества (здесь следует говорить о разработке комплексной методологии исследования информационной войны, способной интегрировать различные подходы в единую систему знания).

Праксиологические идеи А.А. Богданова, Т. Котарбиньского, Л. Фон Мизеса в дополнении с учением прагматизма, лингвицизма, практицизма, акционизма особенно актуальны для формирования и организации научно-практического комплекса сопровождения информационной войны. Данный комплекс нуждается, в первую очередь, в установлении крепкой взаимосвязи, «сцепки» между теорией и практикой, во вторую очередь – в разработке наиболее результативных (в плане эффективности) методов и технологий ведения современного социогуманитарного противоборства, сформированных на научных основаниях, прошедших подлинную проработку (экспертизу) в научно-исследовательском сообществе специалистов в этой сфере.

В этом отношении наиболее взвешенным подходом для уяснения условий, необходимых для создания комплекса мероприятий праксиологического характера для реализации оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в России, является структурно-функциональный метод. В данном случае он позволяет выявить *глобальный, региональный, государственный, общественный и личностный уровни*, на которых, в конечном счете, может быть создана научно-методологическая и опытно-практическая база для оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны

в целях обеспечения безопасности и сохранения целостности всего российского социума.

Рассмотрим вышеуказанные уровни более детально с учетом позиции практической методологии.

Глобальный уровень. На данном уровне основное внимание следует сконцентрировать на создании и развитии устойчивых научных связей между представителями различных научных сообществ в целях показа недопустимости использования плодов их интеллектуального труда в разрушительных целях.

Еще одно направление на этом уровне – это формирование справедливого отношения к России, препятствование ее демонизации и инфернализации. Необходимо всемерно способствовать возрождению ныне практически утраченной категории людей на Западе (как говорили в советское время, «людей доброй воли»), не агентов влияния России, а здравомыслящих граждан своих стран, которые могут делать самостоятельные выводы из получаемой из разных источников информации, а не быть ведомыми международными пропагандистскими медиа. Так, А.В. Манойло предлагает активно вести такого рода информационную работу на международных площадках: БРИКС, ШОС, ЕАЭС¹.

Также на данном уровне необходимо активизировать деятельность всех видов и типов разведки для заблаговременного выявления угроз социогуманитарного воздействия на российское общество и государство, а также повышение ее качества за счет изменения системы оценки (учет социогуманитарного фактора) влияния субъектов в рамках современного информационного противоборства².

¹См.: *Нагорных И.* Как Минобороны России планирует участвовать в информационных войнах // Сайт телеканала RTVI. 2018. 28 авг. URL: <https://rtvi.com/stories/minfovoyuna/> (дата обращения 19.03.2019).

²См.: *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. С. 109-115.

Региональный уровень может быть выражен как одна из форм проявления глобального уровня, только с учетом более тесных связей и отношений, в плане творческой активности между различными членами научно-исследовательских сообществ стран, близких по своим мировоззренческим позициям восприятия социальной действительности, ценностным идеалам и духовно-нравственной ориентации (например, между странами СНГ). Государства Содружества должны предпринимать конкретные меры по координации научно-практических усилий в этой сфере на территории бывшего СССР.

Наиболее значимым уровнем представляется *государственный*. Прежде всего это обусловлено тем, что именно данный уровень является источником формирования наибольшего количества преград и помех для реализации процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны.

На этом уровне в настоящее время особую важность представляет создание специализированного научно-исследовательского комплекса, осуществляющего глубокую научную проработку различных проблемных вопросов, связанных с обеспечением информационной безопасности личности, общества и государства, с позиции их философско-методологического и логико-эпистемологического анализа. Так, например, в их число входит проблема понимания войны, которая осмысливается как интегративный социальный феномен, охватывающий все виды и формы вооруженного и невооруженного противоборства (боевые действия, партизанство, терроризм, информационное столкновение и т.д.), но не сводящийся к их сумме и индуктивно не выводимый из них. В этом отношении феномен войны выступает в роли качественно нового образования по сравнению с суммой всевозможных ее проявлений и форм.

Важным инструментом организации деятельности по оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны на Западе можно считать «фабрики мысли» (англ. *think tanks* – дословно «думающие

танки») – «мозговые тресты», сообщества ведущих западных ученых (философов, политологов, аналитиков, историков, инженеров и т.д.), объединенные в мобильные научно-аналитические организации и фонды для реализации научно-исследовательской деятельности творческого характера, направленной на оказание определенного влияния на различные социально-политические процессы, протекающие в мире, в интересах обеспечения политики стран Запада. По своей сути, эти объединения ученых-экспертов являются особыми самоорганизующимися системами, главная особенность которых выражается в высокой степени самостоятельности проводимых исследований.

А. Некласса, анализируя деятельность данных сообществ, выявил, что фабрики мысли, организованные после войны с фашистской Германией, весьма существенно расширили свою научно-исследовательскую деятельность: отступив от выполнения научно-технических проектов к исследованиям сложных и комплексных проблем социального характера, а именно к изучению исторических горизонтов и перспектив развития современного социума, идеям футурологии и решению вопросов, связанных с социогуманитарным конструированием социальной реальности¹.

Анализ современной ситуации вокруг деятельности подобных центров показывает, что за границей (США, Европа, Китай, Япония) уже довольно длительный период времени активно функционируют военные «фабрики мысли». Лидирующие позиции в этом направлении занимают США – прежде всего это Корпорация РЭНД (RanD) и Гуверовский институт войны, революции и мира; далее Великобритания – Тавистокский институт человеческих отношений, Институт по освещению войны и мира (IWPR), затем Франция – Институт полемологии. Сегодня перед ними стоят задачи не только теоретического осмысления военных проблем, но и разработка новых видов и форм

¹См.: Некласса А.И. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством новых возможностей? // Сообщение. 2002. № 9. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/213> (дата обращения: 28.03.2019).

ведения войн, таких, как информационные, консциентальные, ассиметричные, сетцентрические, террористические, гибридные и мятежевойны.

Например, одна из наиболее известных западных «фабрик мысли» РЭНД-корпорация – американский аналитический центр, сформированный в 1948 г. как независимый институт ученых различных областей знания, специализирующихся на исследованиях проблем обеспечения безопасности США, а также разработки новых технологий ведения информационных войн.

Эта организация стала одним из первых научных подразделений, активно анализирующим трансформацию различных видов войн, новые формы ведения вооруженной и несиловой борьбы. Так, сотрудники корпорации РЭНД Д. Аркуилла и Д. Ронфельдт предложили концепцию «боевой стаи» или «боевого роя» для ведения вооруженной борьбы, которая наиболее адекватно соответствует новым вызовам и угрозам¹. Под данным термином авторы подразумевают особую форму стратегии, основанной на принципах ведения боевых действий с позиции их децентрализованности: во-первых, использование автономных и малых по своей численности подразделений; во-вторых, проведения «аморфных», но скоординированных по всем направлениям, атак на противника; в-третьих, применение новейших образцов разведывательно-информационного обеспечения и системы управления войсками в режиме реального времени. Основная суть этой стратегии заключается в не в физическом уничтожении противника, а в подрыве его сплоченности, когда он не может маневрировать и вести огонь, принимать взвешенные и адекватные меры по оказанию противодействия.

Касательно исследований информационной войны, группа экспертов под руководством американского политолога З. Халилзада в докладе «Стратегическая оценка. Изменяющаяся роль информации в войне» обосновала специфику новой роли информации в войне. Так, в работе указывается, что создание новых информационных технологий повлияло на глобальный ба-

¹См.: *Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict*. Santa Monica: Rand. National Defense Research Institute, 2000. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/documented_briefings/2005/RAND_DB311.pdf (дата обращения 19.03.2019).

ланс сил в пользу США, но наряду с новыми возможностями появились серьезные опасности: информация стала легко доступна не только для друга, но и для врага; система, которая опирается на связь, может стать бесполезной, если ее способность общаться будет нарушена или уничтожена. Атаки на информационную инфраструктуру могут иметь широкие последствия как для военных, так и для общества, они могут исходить из различных источников, которые сложно или невозможно идентифицировать. Специалисты вскрыли возможности и уязвимости, все большей зависимости от информационных технологий и изложили основные принципы военного планирования в интересах обеспечения национальной безопасности в новых условиях¹.

Следует также отметить, что научные наработки «фабрик мысли» возможно использовать не столько для пресечения войны, сколько, напротив, для инициации новых ее форм, которые геополитические субъекты могут использовать в своих корыстных интересах. Так, по данным, полученным от информационного агентства LifeNews, сотрудники РЭНД разработали для президента Украины П. Порошенко конфиденциальный документ «Memorandum On the advisable course of action in the peace plan fails» («Записка о целесообразных действиях в случае неудачи мирного плана»)², алгоритм проведения так называемой «Антитеррористической операции» (АТО) на Юго-Востоке Украины, который по своей сути является несмотря на название, проявлением террористической войны. Об этом вполне убедительно свидетельствуют насаждение атмосферы страха, массовые обстрелы из тяжелой военной техники и систем реактивного залпового огня городов Донбасса, запугивание и насилие мирных жителей.

Следующим весьма значимым мозговым трестом в плане разработки социогуманитарных технологий современной информационной войны явля-

¹См.: The Changing Role of Information in Warfare // Ed. by Z. Khalilzad, J. White, A. Marshall. Santa Monica: RAND Corporation, 1999. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1016.html (датаобращения: 18.05.2019).

²См.: Американское агентство RAND советует Порошенко убивать пленных // LifeNews. 2014. 4 июля. URL: <http://lifenews.ru/news/136034> (дата обращения: 18.05.2019).

ется Гуверовский институт войны, революции и мира. Сотрудники этого института сосредотачивают свои усилия на проведении историко-аналитических исследований различных народов мира. В его архивах и библиотеках собрано огромное множество различных документов и материалов, имеющих отношение к историческому наследию России¹. В настоящий момент времени данное заведение является тем центром, где западные эксперты создают различные психоисторические технологии, искажающие настоящую действительность в отношении исторического развития российского государства и народа в целом. Например, Россия – как источник бесчеловечности, криминала и тоталитаризма, стремящаяся к глобальному доминированию.

П. Диксон, анализируя «открытую» научно-исследовательскую деятельность сотрудников американских фабрик мысли, на примере РЭНД-корпорации обнаружил общие особенности, присущие этим «сверхгибким» научным центрам: в первую очередь – это *прикладная направленность* на социогуманитарную составляющую научного знания; во-вторых, тесное сотрудничество между *властью и научным персоналом*; в-третьих, разработка *идеи как основной формы продукции*; в-четвертых, *комплексный подход* к изучению научной проблемы, *возможность сосредоточить все свои усилия* на решение необходимой научно-исследовательской задачи, доступ научного персонала к *засекреченной информации*, индивидуальный *авторский подход* к выполнению заказа и др².

Отечественные ученые Р.А. Исмаилов и С. Б. Переслегин выдвигают гипотезу о том, что появление отечественных мозговых трестов – это задача отдаленного будущего. Следуя мысли авторов, такая ситуация прежде всего обусловлена тем, что интеллектуальная деятельность западных «фабрик мысли» есть конечный результат по конструированию и внедрению в сознания социума новых смыслов, образов и идей в промышленных масштабах, а функционирующие отечественные НИИ, корпоративные аналитические от-

¹ См.: Россия в американских архивах. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200235.html> (дата обращения: 29.03.2019).

² См.: Диксон П. Фабрики мысли. М., 2004. С. 15-19.

дела, конструкторские бюро в этом плане являются учреждениями, реализующие всего лишь некоторое «информационное усиление». Вследствие этого, создаваемые сегодня в России, «фабрики мысли» есть ничто иное, как мануфактуры механистической эпохи, в основании которых заложен «ручной» интеллектуальный труд. Эффективность их производства находится на достаточно низком уровне, а генерация полезных креативных идей и концептов весьма нестабильна¹.

В этой связи эксперты весьма существенную надежду возлагают на научные разработки, связанные с использованием мыследеятельностных конструкций: «Иногда, очень редко, во время ролевой игры или иной творческой работы, даже во время обыкновенного научного семинара, возникают мыслеконструкции, которые не принадлежат ни одному из участников обсуждения. Они создаются в процессе интеллектуального взаимодействия этих участников. Такие мыслеконструкции, обычно содержащие в себе новые смыслы, могут быть выделены и впоследствии подвергнуты обычному интеллектуальному усилению. В данном случае креативный акт не есть следствие личной гениальности. Он не есть результат «ручного» интеллектуального труда. Новые смыслы производятся информационной машиной»².

Таким образом, следуя мысли исследователей, говорить об организации отечественных «фабрик мысли» можно будет только тогда, когда будет реализована в полной мере технология промышленного производства и использования особых социально креативных генераторов, ориентированных на конструирование новых «полезных» идей и смыслов.

Из всего вышесказанного следует, что возможный потенциал «фабрик мысли» как научно-мозговых центров, сосредоточивающих в себе военно-научные усилия для проведения процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны для обеспечения безопас-

¹См.: *Переслегин С. Б., Исмаилов Р.А.* Фабрики мысли еще не спроектированы // Сообщение. 2002. № 9. URL: http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_ThinkTanks.htm (дата обращения: 28.03.2019).

²См. там же.

ности общественно-политического пространства современного социума, еще не в полной мере изучен и осмыслен российским сообществом ученых.

По утверждению А. Неклессы, ситуация, в которой находится современная Россия, – это состояние «стратегической нерешительности», при этом перед ее научно-экспертным сообществом вырисовываются весьма интересные тенденции и перспективы. Прежде всего это реализация возможности организации в рамках развития российской культуры крупномасштабного инновационного проекта, который может быть разработан отечественными интеллектуальными институтами, а также за счет отсутствия в мышлении русского народа формализованного подхода на положение вещей в мире¹.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что развитие подобных научно-экспертных фондов и учреждений («фабрик мысли») в России в рамках проведения процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны является в полной мере обоснованным. Вместе с этим важно учесть, что процесс создания подобных учреждений должен осуществляться с учетом уже имеющегося зарубежного опыта во избежание в будущем различных организационных просчетов и технологических ошибок.

Сегодня для России в качестве возможной перспективы по организации российских «фабрик мысли» могут выступать прежде всего научно-исследовательская база Российского института стратегических исследований (РИСИ)², группа «Интеллектуальная Россия» А.И. Неклессы, школа аналитики А.И. Фурсова по проблемам психоисторической войны, научный центр «Экспериментальный творческий центр» С.Е. Кургиняна. Особый интерес в этом отношении представляет деятельность группы ученых из Военного уни-

¹См.: Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством новых возможностей? // Сообщение. 2002. № 9. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/213> (дата обращения: 28.03.2019).

²См. подробнее: Официальный сайт РИСИ. URL: <https://riss.ru/>; Группа «Интелпрос». URL: <http://www.intelros.ru/>; Школа аналитики. URL: <http://andreyfursov.ru/>; Центр «Содержательное единство». URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=41> (дата обращения: 18.05.2019).

верситета МО РФ, занимающиеся социогуманитарной проблематикой осмысления феномена современной войны. Так, в последнее время университет стал главной площадкой для проведения «круглых столов», семинарских занятий и конференций по исследуемой проблеме¹.

Здесь важно отметить тот факт, что многие современные отечественные ученые и эксперты крайне убеждены в том, что ключевые теории и концепции, связанные с проблемой обеспечения безопасности России, должны иметь «оборонный» характер, вследствие чего обрекают их на некоторое отставание от возникающих новых источников угроз (социогуманитарные технологии), исходяемых со стороны социальных акторов противника. По нашему мнению, в рамках ведения современной информационной войны необходим упреждающий подход, суть которого будет заключаться в предварительном прогнозировании будущей обстановки и «переигрывании» противника, а также в создании особых условий жизнедеятельности, являющихся подспорьем для развития механизмов саморегуляции, не допускающих формирование подобных угроз. В современных реалиях существующие структуры и органы обеспечения безопасности российского государства и общества оказываются не всегда готовы к решительным действиям на информационные (социогуманитарные) атаки со стороны западных стран. Решать вышеуказанную задачу необходимо за счет мобилизации интеллектуальных ресурсов на основе использования новейших форм и методов коллективной научно-исследовательской деятельности, тесного сотрудничества между государством, коммерческими и общественными структурами, где значимое место займут военные «фабрики мысли».

¹См. подробнее: Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола 29.01.2015 г. М., 2015; Вопросы психологической обороны должны получить научное обоснование. URL: <https://vu-mo.mil.ru/more/Novosti/item/194090/> (дата обращения: 18.05.2019); В Военном университете МО РФ прошла межведомственная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы обеспечения обороноспособности и безопасности государства в новых экономических условиях». URL: <https://vu-mo.mil.ru/more/Novosti/item/191350/> (дата обращения: 18.05.2019) и др.

На *общественном уровне* основные усилия необходимо сосредоточить на защите общественного сознания от деструктивного воздействия социогуманитарных технологий информационной войны.

Так, для обеспечения защиты *обыденного сознания* российского общества от социогуманитарного воздействия представляется необходимым создание особых условий, которые позволят остановить приобщение российских граждан к западной культуре ценностей (культурный импринтинг¹), а во-вторых, обеспечат возрождение самобытных традиций, духовно-нравственных идеалов и культуры русского народа.

При этом следует отметить, что всесторонний анализ механизмов функционирования этих социальных явлений (политкорректность, плюрализм истины, индивидуализм, материальное благоденствие и т.д.) обеспечит не только защиту от воздействия технологий современной информационной войны в плане «железного занавеса» (исключение объектов воздействия из коммуникации), но и позволит разработать эффективные средства и инструменты противодействия в режиме «реального времени». Для этого необходимо задействовать уровень теоретического сознания, с помощью которого индивид постигает истину, анализирует сущность социальных явлений и различных событий, протекающих в мире. В условиях современной быстротекущей реальности очень важно четко осознавать и понимать сущность и содержание феномена социогуманитарного противоборства, знать соотношение его объективной и субъективной сторон, обладать научно-методологической базой и другими сведениями, раскрывающих характер опасности социогуманитарного воздействия современных технологий информационной войны на российское общество.

Общественное сознание современного социума проявляется в более конкретных формах (политическое, религиозное, нравственное, эстетическое, правовое сознание), в соответствии с которыми формируются

¹Культурный импринтинг (от англ. imprint – оставлять след) – ненасильственное запечатление человеком культурных образцов (политкорректность, индивидуализм, материальное благоденствие и т.д.) в процессе воспитания и образования.

определенные типы и направления воспитания: военно-политическое, нормативно-правовое, духовно-нравственное, религиозное, эстетическое. Они являются главным строительным базисом мировоззренческого воспитания.

В этом ключе мировоззренческое воспитание – это «духовное ядро» российского социума, оно имеет глубокие исторические корни и неодолимо связано с его развитием и жизнедеятельностью. И, как следствие, в духовном плане является наиболее значимым инструментом борьбы с негативными проявлениями воздействия социогуманитарных технологий.

Четко ориентированные мировоззренческие позиции граждан российского социума позволяют им строго и точно анализировать происходящие политические события, правильно высказывать свое отношение к ним, осознать истинный смысл своей деятельности и решительно противостоять негативному влиянию социогуманитарных технологий современной информационной войны.

Сегодня необходимы целостная система государственно-патриотического воспитания граждан страны, формирование у них интереса к своему Отечеству, его прошлому, повышение заботы о сохранении и развитии конкретных традиций, осознание высокой социальной ответственности за настоящее и будущее.

Итак, четко ориентированное мировоззрение граждан российского социума, развитое общественное сознание являются одним из главных духовных инструментов противодействия любым деструктивным акциям информационной войны.

На *личностном уровне* функционирует главный механизм, обуславливающий всю деятельность исследователя в научном сообществе, прежде всего – это *научный выбор* (определение темы и объектно-предметной области исследования, установление конкретных целей и задач, выбор определенного методологического аппарата исследования), а во-вторых, *проявление научного мужества* – готовность исследователя заниматься именно этим выбранным направлением (темой), которое, исходя из своей специфики (изучения

низменных проявлений человеческой мысли, деструктивных практик и существующей личной опасности для самого эксперта в сфере социогуманитарного противоборства), требует от него наличие определенной решимости.

По утверждению отечественного исследователя О. Разумовского, одной из значимых проблем организации личной деятельности исследователя является *обособленность теорий принятия решений от философских концепций деятельности*, а также оптимологии в целом. Следуя представленной автором идеи, раскрытие данных взаимосвязей необходимо для установления их в качестве определенного методологического базиса частных «актуалистских» дисциплин и наук, занимающихся проблематикой исследования информационной войны (например, коммуникатология).

В этом отношении оптимальная модель деятельности исследователя (эксперта) в области оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны имеет следующий вид: социальный актор действия → объект действий → осознание социальным актором своих потребностей и ресурсов → установление цели → критическая оценка → реализация акта действия → оценка результатов деятельности¹. При этом важно принимать во внимание следующее:

во-первых, в роли социального актора выступает исследователь или сообщество ученых-экспертов, наделенные конкретным уровнем сознания (способный к рефлексии) и обладающие определенными мировоззренческими позициями (убеждения, ценности, традиции, культура), навыками действия, реализующие свою деятельность в локализованном времени и пространстве измерения и пытающиеся оптимизировать все то, что оказывается в поле его научно-исследовательской деятельности и т.д.;

во-вторых, объектом действий представляется прежде всего сам индивид (его мысли и поступки, чувства и ценностные идеалы), а также окружающее его пространство: социальное измерение, природная среда и искус-

¹См.: Разумовский О.С. Деятельность, действие, операция, акт: анализ теорий и моделей // Серия: Философия и Социология. 2000. № 1. С. 19-24.

ственно-созданные миры (политический, культурный, информационно-технологический, научно-образовательный и т.д.);

в-третьих, актер, будучи исследователем, обладает разного рода нуждами и потребностями, он осмысливает себя и свою деятельность, учитывая при этом свои возможности и ресурсы, рабочий потенциал, и на основе всего этого формирует свои научно-исследовательские задачи, осуществляя их сортировку по степени срочности, значимости и оптимальности в реализации;

в-четвертых, установление и формулировка целей осуществляется актором извне (классифицируя их по наличию определенных критериев), анализируется их динамика, разрабатывается оптимальный план, включающий в себя дерево целей и соответствующие ему дерево действий, с предполагающей вариацией альтернативных действий;

в-пятых, критическая оценка разработанных актором (исследователем) планов осуществляется за счет преодоления им различного рода сомнений, а также сложившихся в обществе ошибочных суждений и стереотипов посредством своих убеждений, фундаментом которых является опора на разум и его воля, или за счет оказания помощи извне;

в-шестых, актер (исследователь), пребывая в пространстве возможных вариаций действий, совершает наиболее оптимальный и полезный для него в данных обстоятельствах и условиях «деятельностный акт», а затем, после «фазы выжидания» получает на него определенный эффект (результат);

В-седьмых, актер реализует оценку результатов своей научно-исследовательской деятельности по критериям оптимальности и в случае обнаружения им ошибок или сбоев, а также при наличии некой неудовлетворенности полученными итогами осуществляет новые акты пока не будут достигнуты желаемые результаты, или прекращает деятельность в данном направлении исследований вообще (отсутствие необходимым ресурсов, низкая эффективность, недостаточная полезность и т.д.). Важно отметить, что по завершению актер (исследователь) аналогичным образом может приступить

к реализации следующих новых действий для приближения его к другой отдаленной или более общей цели.

Итак, можно сделать вывод, что в условиях современности роль ученого (эксперта) как инициативного актора научно-исследовательской формы деятельности в аспекте оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны крайне велика.

Еще одним значимым направлением на данном уровне является *формирование профессиональной культуры* научного исследователя. Для характеристики заложенного в человеке творческого потенциала, его способностей, талантов, уровня достижения социальных целей и идеалов, а также воплощения их в практической деятельности используется термин «профессиональная культура».

Профессиональная культура имеет две наиболее значимых составляющих: праксиологическое и духовное. Если первая характеризует способ взаимодействия субъекта профессиональной деятельности с орудиями, средствами и предметом труда, то вторая – степень готовности субъекта к осуществлению собственной деятельности.

В праксиологической составляющей выделяют такой базисный элемент, как профессиональное мышление, представляющее собой наличие профессионально значимых теоретических и прикладных знаний, практических навыков и умений, необходимых специалисту для осуществления профессиональной деятельности.

В духовной составляющей выделяются:

- профессиональное сознание как продукт взаимного обогащения общественного сознания и профессиональной культуры, отраженный в качестве бытия определенной группы, локализованной в нише определенного вида профессиональной деятельности;
- профессиональное самосознание – устойчивые представления об определенной социальной, психологической и нравственной идентичности

членов группы, ее свойствах как целого (социально-психологическая консолидация группы, социальное положение группы);

– профессиональное мировоззрение – социальная позиция, занимаемая профессиональной группой по отношению к реальности, к перспективам развития общества, к своему профессиональному окружению;

– профессиональная мораль – часть общей трудовой морали, которая выступает в качестве специфических ценностей, норм и отношений, регулирующих поведение субъекта профессиональной деятельности.

Также следует принять во внимание и то, что формирование профессиональной культуры исследователя-эксперта в аспекте социогуманитарного противоборства технологиям информационной войны имеет целый спектр следующих *трудноразрешимых проблем*:

а) возможность развития различного рода напряжений (конфликтов) между обществом и наукой на почве институционализации, проявляющиеся, например, в том, что доминирующие в социуме ценностно-аксиологические матрицы могут обеспечить запрет на проведение исследований по некоторому ряду направлений¹. Например, исследования, связанные с аспектом морально-нравственного измерения современного информационного противоборства, могут создать определенные обстоятельства, при которых существуют некоторые разногласия как между представителями научного сообщества, так и между другими социальными акторами (военно-политический сектор, СМИ, социальные группы и организации и т.д.), что в дальнейшем может привести их к неспособности принять единую консолидированную концепцию взаимоотношений исследуемой действительности;

б) трансформация научных организаций в корпоративные структуры, в которых ученые ориентированные только на карьерный рост и соответствующий ему заработок. Американский мыслитель И. Валлерстайн по этому поводу отмечает следующее: «такие организации стремятся дисциплинировать

¹См.: Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 85.

вать не научную мысль, а практику. Они формируют границы намного более устойчивые, чем порождаемые научными дисциплинами как интеллектуальными конструкциями, и могут пережить теоретические обоснования их корпоративной значимости»¹. В данном отношении ярким примером здесь выступает научный персонал Рэнд-корпорации. Из последнего опубликованного доклада «Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options» («Расширяющаяся и несбалансированная Россия. Оценка влияния вариантов наложения затрат») следует, что ее сотрудники сегодня предпринимают попытки в осуществлении гитлеровского плана «Ост» в отношении России и ее народа²;

в) наличие «антиморальной конкуренции» между представителями научных сообществ. Согласно П. Бурдьё, процесс институционализации новой научной дисциплины выступает в качестве особой гладиаторской арены, где различные ученые подобно древнеримским гладиаторам сражаются друг с другом насмерть, используя при этом любые подвластные им средства. «Они, подобно алчущим бизнесменам, рвут и мечут, добиваясь признания заслуг, легитимизации исследовательских направлений (пробивая правительственные постановления, субсидирование, открытие институтов и кафедр под свое детище), устанавливая дополнительные барьеры для новичков и коллег, добиваясь ключевых позиций в механизмах профессионального контроля (всевозможных комитетах, ученых советах, комиссиях), формируя системы поощрения и санкций, пробивая в министерствах и у администрации университетов новые предметы, спецкурсы, студенческие группы, устанавливая удобные или выгодные им правила набора и обучения учеников и т.д.»³.

¹Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 296.

²См.: Доклад Rand Corporation о том, как "сдерживать Россию" Формула смысла (13.05.19). URL: https://www.youtube.com/watch?v=_KxN2_Y2q3Q (дата обращения: 28.05.2019).

³Цит. по: *Bourdieu P.* The specificity of the scientific field and the social conditions of the progress of reason // *Social Science Information*. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/sss/article/view/1557> (дата обращения: 18.05.2019).

Следует отметить, что данная проблема сегодня довольно остро существует в рамках научно-методологического осмысления исследуемой проблематики. Такое положение дел прежде всего обусловлено тем, что данный термин в научной среде стал крайне востребованным и популярным явлением в плане исследований, в связи с чем многие современные исследователи преднамеренно используют его проблемное поле для получения научных и других типов «дивидендов»;

г) существование опасности применения полученных знаний не для оказания противодействия негативным проявлениям феномена социогуманитарных технологий информационной войны, а для повышения результативности собственной деструктивной деятельности самими акторами в рамках военной активности. Здесь следует вспомнить слова английского мыслителя К. Поппера о том, что «есть чисто научные ценности и антиценности, как и вненаучные ценности и антиценности. И хотя невозможно освободить работу науки от вненаучных приложений и оценок, одной из задач научной критики и научной дискуссии является борьба со смешением этих ценностных сфер... Чистота чистой науки есть идеал, вероятно, недостижимый, но за него ведет критика свою постоянную борьбу, и должна вести»¹.

Анализируя все вышесказанное, в качестве выводов по третьему разделу выделим следующие положения:

1. *Оптимизация социогуманитарных технологий современной информационной войны* – это целенаправленно-организованный процесс деятельности, направленный на развитие единого комплекса сил и средств государства по обеспечению защиты сознания российского общества от деструктивного воздействия в рамках современного информационного противоборства. Данный комплекс включает в себя: разработку и совершенствование социогуманитарных технологий информационной войны; подготовку специалистов социогуманитарной сферы (философов, историков, лингвистов, политологов, коммуникатологов и т.д.) обладающих соответствующими знаниями, умени-

¹Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 70.

ями, навыками необходимыми для успешного ведения информационной войны в условиях современности, а также создание особых условий для получения гражданами страны определенного уровня информационной компетентности и медиаграмотности, препятствующих манипуляциям их сознанием.

2. Содержание процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны представляет формирование единого научно-практического комплекса сопровождения информационной войны. Данный комплекс имеет двухстороннюю направленность: *праксиологический уровень* (разработка социально-гуманитарных основ практической активности человека, которые могут быть представлены философскими концепциями прагматизма, лингвицизма, практицизма, акционизма и др.) и *технологический уровень* (совершенствование практик создания и организации военных информационно-коммуникативных операций и информационно-коммуникативных акций).

3. Для создания научно-практического комплекса сопровождения информационной войны в целях реализации оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны в России следует провести ряд необходимых мероприятий на следующих уровнях: а) *глобальном* (развитие рациональной коммуникации между представителями различных научных сообществ; формирование справедливого отношения к России, препятствование ее демонизации и инфернализации на мировой политической арене; активизация деятельности органов отечественной разведки с учетом социогуманитарного фактора и др.), б) *региональном* (обеспечение коммуникации между отечественными исследователями и специалистами из стран ближнего зарубежья по координации совместных научно-практических усилий в сфере оптимизации и др.), в) *государственном* (создание «фабрик мысли»), г) *общественном* (защита общественного сознания от деструктивного воздействия социогуманитарных технологий) и д) *личностном* (создание оптимальной модели научно-исследовательской деятельности исследователя и формирование его профессиональной культуры).

Заключение

Современная ситуация на международной политической арене вокруг Российской Федерации показывает, что в условиях становления информационного общества огромное влияние на процессы его организации и развития оказывают специфические информационно-коммуникативные технологии информационной войны. Их отличительной особенностью является направленность не на их техническую реализацию (повышение скорости и масштаба воздействия) за счет использования новейших информационно-коммуникативных инноваций, а на внутренний социогуманитарный контент, являющийся глубинной составляющей содержания сознания индивида, а именно – его человеческого бытия. Использование подобных технологий в современной информационной войне позволяет определенным субъектам общественного развития осуществлять не прямое скрытое воздействие на социальное поведение, коммуникацию и сознание как отдельно взятого индивида, так и общество в целом за счет использования социогуманитарного знания.

В этом отношении разрабатываемые специалистами социогуманитарные теории и концепты превращаются в стратегический ресурс современных широкомасштабных информационных войн и в дальнейшем будут представлять все большее значение. И именно поэтому сегодня развитию социогуманитарной теории уделяется надлежащее внимание со стороны западных ученых-экспертов из различных военных «фабрик мысли». Вместе с тем стоит отметить, что в отечественной социогуманитарной науке в рамках проведения военных исследований данная проблематика остается недостаточно исследованной.

В настоящей работе предпринята попытка социально-философского исследования сущности социогуманитарных технологий информационной войны и анализа их применения и реализации в социальном пространстве, а также способы их оптимизации в условиях современных информационных

конфликтов, что выступает важным моментом обеспечения национальной безопасности современной России, особенно в информационной области.

В условиях современности протекающие в мире процессы глобализации и взаимосвязанные с ними социокультурные явления обусловили трансформацию восприятия феномена информационной войны (приемы, способы и средства ее ведения) от вспомогательного средства морально-психологического обеспечения войск до самостоятельного статуса как одной из форм ведения неклассической войны. Данные изменения в осмыслении теории ведения современной информационной войны связаны, *в первую очередь*, с изменением методологических оснований (онтологических, гносеологических и аксиологических), формирующих тип научной рациональности современного социума; *во-вторых*, с развитием военно-теоретического знания о войне (концепты, тактики и стратегии) и, *в-третьих*, с совершенствованием структурно-функциональных элементов содержания информационно-коммуникативных средств (создание интернет-телевидения, социальных сетей, военных «человекоразмерных» комплексов), выраженных в конкретные модели проведения информационной войны (идеологические и симулятивные войны, войны «в реальном времени»). В таком ракурсе современная информационная война выступает как особая радикальная форма *социогуманитарного противоборства* между государствами, их политическими организациями и социальными институтами, где ее *технологический инструментарий* имеет ярко выраженную *социогуманитарную специфику*. Современный индивид в этом отношении рассматривается как неподлинное существо, выступающее в качестве некоего предмета социального конструирования реальности.

Опираясь на анализ различных подходов к социогуманитарному знанию, в работе выделены наиболее значимые и важные сущностные характеристики и параметры воздействия социогуманитарных технологий современной информационной войны. Так, *семиотический подход* рассматривает социогуманитарную технологию как инструмент конструирования смыслооб-

разующего поля социальной действительности индивида на метафизическом уровне; *архетипический* – акцентирует свое внимание на управление скрытыми, глубинными инстинктами человека, конструирующими его социальную действительность; *прагматический* – анализирует социогуманитарные технологии как сплетение социальных практик, оказывающих воздействие на повседневную жизнь человека, социальные институты и структуры общества в рамках происходящих процессов опривычивания и рутинизации; *дискурсивный* – исследует мир через призму текста, наполненного множеством смыслов, в котором индивид выступает в форме совокупности устных и письменных практик; *аналитический* – призывает видеть в социогуманитарных технологиях определенные формы языкового поведения социальных акторов, которое формирует символический фундамент окружающей их реальности; *коммуникативный* – призывает к тому, что взаимодействия различных субъектов общественного развития конструируют «ткань» социальной действительности современного социума.

Под *социогуманитарной технологией информационной войны* следует понимать целенаправленную, системно-организованную форму и алгоритм деятельности акторов общественного развития, включающую в себя широкий спектр информационно-коммуникативных средств, основанных на знании социогуманитарного характера, и воздействующую на мировоззренческую и поведенческую природу человека (поле языковых и коммуникативных практик, архетипы, дискурсы, духовные образы, символические коды и значимые смыслы).

Содержание социогуманитарных технологий современной информационной войны представляется тремя уровнями: *инструментально-коммуникативным* (совокупность разнообразных форм деятельности и средств коммуникации, формирующие отношения человека с окружающей его институциональной и социальной средой в роли потребителя.); *ценностно-прагматическим* (аксиологические матрицы, формирующие приверженность человека к формам реальных и мнимых идентичностей, потребностей,

услуг); *социально-философским* (онтологические механизмы реализации повседневной действительности человека и общества.).

В структуре социогуманитарных технологий информационной войны выделены следующие элементы:

а) *субъект социогуманитарного воздействия* – участники коммуникативной деятельности, выступающие в роли заказчика (государство, представители мировых элит, политические и социальные институты, заинтересованные в установлении контроля над сознанием общества) и исполнителей (ученые, символические аналитики, специалисты в сфере PR) информационной войны;

б) *объект социогуманитарного воздействия* – сфера социально-гуманитарной природы человека, основу которой составляют ценности, история, культура, языковое, символическое и коммуникативное пространства;

в) *цель социогуманитарного воздействия* – планирование оказания коммуникативного влияния социальными акторами на сознание индивида посредством трансляции, эмпатии и интеракции определенной информации, содержание которой составляют деструктивные и манипулятивные концепты социогуманитарного знания. В качестве целей воздействия социогуманитарных технологий могут выступать: формирование у общества атмосферы бездуховности, негативного отношения к своему культурно-историческому наследию; дестабилизация взаимоотношений между различными институтами государства в целях провокации и разжигания социальных конфликтов; дезинформация и снижение уровня информационного обеспечения; манипулирование общественным сознанием и т.д.;

г) *коммуникативный канал социогуманитарного воздействия* – это естественные (аудиальный, визуальный, тактильный) и искусственные (радиосвязь, линии телевидения, интернет и др.) маршруты, через которые субъект осуществляет социогуманитарное воздействие;

д) *средства социогуманитарного воздействия* – устные и письменные тексты, коды, символы, знаки, картинки, аудио и видеоматериалы, а также технические средства связи;

е) *результат социогуманитарного воздействия* – полученные итоги применения технологий, выраженные в количественных (время, интенсивность, объем воздействия) и качественных характеристиках (степень влияния, содержание и смысл передаваемой информации);

ж) *Обратная связь* – индикатор результативности используемых социогуманитарных технологий, который позволяет проследить проявление их как с положительной (необходимый эффект воздействия достигнут), так и с отрицательной стороны (эффект не достигнут).

Специфика создания и применения социогуманитарных технологий информационной войны проявляется прежде всего в *мультипарадигмальной природе* социогуманитарного знания (в основе этих технологий могут лежать различные социально-философские взгляды и идеи) и их способности к *конвергенции* (возможность одновременного сосуществования нескольких социогуманитарных теорий и концептов, их совместной интеграции и взаимодополнения друг друга).

В настоящее время информационное противоборство представляется довольно сложной и быстроизменяемой системой. В этих условиях на динамику социогуманитарных технологий информационной войны оказывают влияние огромное множество различных факторов и условий, но наибольший интерес представляет анализ объективной и субъективной сторон этого процесса. Так, к числу объективных факторов, воздействующих на динамику социогуманитарных технологий, относятся: а) рост военно-политических, экономических, социальных и духовных противоречий развития современного социума как условий формирования очагов мировой напряженности; б) развитие и распространение информационно-коммуникативных практик в ходе активно протекающих процессов глобализации социума; в) продолжающаяся экспансия западной культуры в цивилизационную среду российского социу-

ма; г) воздействия, связанные с совершенствованием и трансформацией медиаполитической системы современного общества в процессе его глобализации; д) развитие постнеклассической формы научной рациональности в рамках формирования и организации нового образа современного социума и др.

Среди субъективных факторов, воздействующих на динамику социогуманитарных технологий информационной войны, следует обозначить: а) появление людей-визионеров, претендующих на особое видение путей тотальной трансформации социума в будущем на глобальном, государственном, общественном и личностном уровнях; б) организация деятельности представителей различных направлений социогуманитарного знания в сфере современного информационного противоборства; в) развитие и формирование социогуманитарных технологий как формы профессиональной деятельности человека в контексте институционализации социальной инженерии; г) пропаганда и насаждение западной модели образования некоторой частью ученого мира и представителями государственного аппарата и ряд др.

В целом учет вышеуказанных факторов позволяет выявить и обосновывать тенденции развития социогуманитарных технологий в рамках воздействия на человека. К числу очевидных тенденций развития социогуманитарных технологий современной информационной войны относятся: а) повышение уровня скрытности и масштабов социогуманитарного воздействия на человека в рамках становления информационного общества; б) ориентация на разработку новейших информационно-коммуникативных технологий воздействия на индивидуальное и массовое сознание в контексте развития коммуникативной научно-исследовательской программы; в) повышение внимания к языковым концептам и теориям как инструменту описания настоящей действительности в рамках лингвистического поворота; г) усиление влияния знаково-символических структур на сознание и поведение современного человека; д) минимизация времени между разработкой социогуманитарных теорий и их воплощением в технологии информационной войны и ряд др.

На сегодняшний день информационное противодействие как способ профилактики, сдерживания и защиты от использования социогуманитарных технологий со стороны различных социально-политических акторов является для современной России недостаточной и неэффективной стратегией. В рамках ведения современной информационной войны необходим упреждающий подход, суть которого будет заключаться в предварительном прогнозировании будущей обстановки и «переигрывании» противника, а также в создании особых условий жизнедеятельности, являющихся подспорьем для развития механизмов саморегуляции, не допускающих формирования подобных угроз. В этой связи наиболее действенным решением данной проблемы может выступать процесс *оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны* – целенаправленно-организованный процесс деятельности, направленный на развитие единого комплекса сил и средств государства по обеспечению защиты сознания российского общества от деструктивного воздействия в рамках современного информационного противоборства. Данный комплекс включает в себя: разработку и совершенствование социогуманитарных технологий информационной войны; подготовку специалистов социогуманитарной сферы (философов, историков, лингвистов, политологов, коммуникатологов и т.д.) обладающих соответствующими знаниями, умениями, навыками необходимыми для успешного ведения информационной войны в условиях современности, а также создание особых условий для получения гражданами страны определенного уровня информационной компетентности и медиаграмотности, препятствующих манипуляциям их сознанием.

Процесс оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны включает в себя следующие параметры: а) *предпосылки* (наличие условий и вариантов оптимизации; определение критериев оптимальности; свобода выборки количественно-качественных параметров оптимизации; сравнимые количественно-качественные параметры выбора); б) *содержание* (поиск предпосылок; выбор варианта при наличии условий; со-

вершенствование применения социогуманитарных технологий для увеличения их полезного эффекта); в) *функции* (целевая, нормативная, презентативная, методическая, преобразовательная, контролирующая и др.); г) *формы* (достижение наилучших вариантов из всех возможных состояний, наилучшее направления изменений или цели развития); д) *закономерности* (проеktivность пространства, алгоритмизация социальных процессов и поведения людей, трансформация понятийно-категориальной базы социогуманитарной науки и др.); е) *принципы* (интерференция, утилитарность, вариативность, эмпиризм, конструктивизм и др.); ж) *критерии* (достижение цели оптимизации; соответствие морально-нравственным нормам; реализация принципов, содержания и функций оптимизации; теоретические и практические результаты).

Структура механизма оптимизации социогуманитарных технологий информационной войны в современных условиях включает в себя следующие элементы: а) субъекты оптимизации (государственные структуры, ученые, символические аналитики, журналисты); б) совокупность доктринальных установок и функционирующих социально-гуманитарных идей и концепций о месте и роли социогуманитарных технологий в информационной войне; в) единый целостный комплекс методов и средств субъектов оптимизации по достижению конечной цели.

Содержание процесса оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны представляет формирование единого научно-практического комплекса сопровождения информационной войны. Данный комплекс имеет двухстороннюю направленность: *праксиологический уровень* (разработка социально-гуманитарных основ практической активности человека, которые могут быть представлены философскими концепциями прагматизма, лингвизма, практицизма, акционизма и др.) и *технологический уровень* (совершенствование практик создания и организации военных информационно-коммуникативных операций и информационно-коммуникативных акций).

Для создания данного научно-практического комплекса сопровождения информационной войны в целях реализации оптимизации социогуманитарных технологий современной информационной войны в России следует осуществить ряд необходимых мероприятий на следующих уровнях: а) *глобальном* (развитие рациональной коммуникации между представителями различных научных сообществ; формирование справедливого отношения к России, препятствование ее демонизации и инфернализации на мировой политической арене; активизация деятельности органов отечественной разведки с учетом социогуманитарного фактора и др.), б) *региональном* (обеспечение коммуникации между отечественными исследователями и специалистами из стран ближнего зарубежья по координации совместных научно-практических усилий в сфере оптимизации и др.), в) *государственном* (создание «фабрик мысли»), г) *общественном* (защита общественного сознания от деструктивного воздействия социогуманитарных технологий) и д) *личностном* (создание оптимальной модели научно-исследовательской деятельности исследователя и формирование его профессиональной культуры).

Проведенный социально-философский анализ социогуманитарных технологий современной информационной войны позволяет определить методологический базис для более глубокого осмысления сущности и специфики современного информационного противоборства. Полученные научные результаты позволяют предложить ряд некоторых рекомендаций, которые условно можно классифицировать на две группы.

К первой группе относятся *рекомендации теоретического характера* поднятой проблемы, которая включает в себя сформулированные методологические подходы и положения к исследованию различных форм проявления и репрезентации социогуманитарного воздействия в условиях современного информационного противоборства.

Указанные научные обобщения и выводы могут найти широкое применение при разработке целого ряда перспективных направлений как в сфере исследований современного информационного противоборства, так и иссле-

дований, связанных с анализом развития феномена войны в целом. К их числу надлежит отнести следующие:

- разработку комплексной методологии анализа онтологических оснований репрезентации социогуманитарных технологий информационной войны в рамках исследований концепций и теорий войн будущего;
- обоснование и применение семиотических, архетипических, прагматических, дискурсивных, аналитических и коммуникативных теорий и подходов к исследованию социогуманитарного измерения современной войны;
- выявление основных методов и форм социогуманитарного конструирования и организации социальной реальности;
- исследования взаимосвязей между социально-гуманитарной теорией и прикладной социальной теорией как практикой реализации новейших технологий ведения современной войны;
- изучение динамики и тенденций влияния деструктивных и манипулятивных социогуманитарных идей, теорий и практик на различные сферы жизнедеятельности российского социума.

Полученные выводы, результаты и рекомендации настоящего исследования могут быть использованы для создания и организации комплексной системы скоординированных сил и средств для ведения современного информационного противоборства в социогуманитарном измерении (оказания гибкого противодействия и влияния на враждебную аудиторию), а также в подготовке соответствующих специалистов; в совершенствовании социогуманитарных технологий ведения информационной войны в целях укрепления внешнеполитического положения Российской Федерации на международной арене и т.д.

Вторая группа содержит *рекомендации организационно-практической направленности*, включающие практические предложения по выработке эффективных шагов, направленных как на обеспечение должного уровня защиты граждан российского общества от социогуманитарного воздействия, так и на создание наступательных стратегий, способных перехватывать инициати-

ву у противника и оказывать на враждебную аудиторию соответствующий уровень воздействия для формирования у нее позиций взвешенного и целостного восприятия настоящей действительности как в отношении России и ее народа, так и мира в целом:

а) научно-экспертному сообществу, преподавателям военных и гражданских вузов материал и результаты диссертационного исследования можно использовать:

– для разработки комплекса методов и методик, ориентированных на недопущение негативного воздействия социогуманитарных технологий информационной войны, а также ограничение их влияния на различные социальные группы современного российского общества, в том числе военнослужащих России;

– при формировании у обучаемых целостной картины восприятия окружающей социальной реальности и взвешенной коммуникативной позиции в рамках проведения учебных занятий по социальной философии, политологии, истории, социальной психологии, коммуникатологии, конфликтологии, военно-политической работе, комплексному обеспечению информационной безопасности;

– при подготовке учебных и учебно-методических изданий по следующей тематике: «Социогуманитарное знание как инструмент управления социумом в войнах современности: вызовы и угрозы», «Динамика и тенденции развития феномена современного информационного противоборства», «Оптимизация технологий современной информационной войны как фактор обеспечения безопасности российского общества и государства»;

б) в рамках активизации научно-исследовательской работы по данному направлению материалы работы могут быть использованы:

– при проведении научно-исследовательских и научно-практических конференций, семинаров и «круглых столов» по проблеме противодействия современным и будущим социогуманитарным технологиям воздействия, а

также вопросам оптимизации информационно-коммуникативной деятельности в современной войне;

- в процессе разработки специализированного научного знания, посвященного комплексному изучению социального феномена войны, как реализации научно-исследовательской программы в интересах общественной, государственной и военной безопасности;

- при создании и организации деятельности военных научно-экспертных платформ («фабрик мысли»), занимающихся всесторонним исследованием информационного противоборства, осмыслением всевозможных его форм и типов проявления в условиях современности, развитием и совершенствованием его социогуманитарного и инструментально-технологического базиса, включая вопросы оптимизации.

Важно отметить, что социогуманитарные технологии, применяемые сегодня социальными акторами в рамках ведения информационных войн, представляются для современного российского социума весьма значимой проблемой, охватывающей все сферы его жизнедеятельности, что в свою очередь обуславливает невозможность полноценного охвата всего проблемного поля данного социального феномена. Несмотря на данное обстоятельство, следует признать, что полученные теоретические и организационно-практические рекомендации настоящего диссертационного исследования найдут широкое применение при дальнейшем исследовании поставленной проблематики и станут необходимым инструментом для выработки адекватных ответов на негативные проявления реализации социогуманитарных технологий в современной информационной войне.

Список литературы

Алексеева И.Ю. Гуманитарные технологии в контексте информационной войны. // Информационное общество. 2015. № 6. С. 14-24.

Аргамасова А.А. Насколько гуманитаристика может быть социально полезной // Философские науки. 2016. № 8. С. 91-99.

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Баксанский О.Е. Технологии манипуляций массами. Реклама, маркетинг, PR – когнитивный подход. М.: URSS. 2019. 219 с.

Балаян, А. А., Сунгуров, А. Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. 236 с.

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации // Современный политический язык (от ритуала к метафоре). М., 1991. С. 6.

Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Белоусов А.Б. Пропаганда Жака Эллюля // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 167-182.

Беляев Д.Л. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014. 236 с.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. 304 с.

Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 34.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 32 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с франц. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2017. 240 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. 144 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: УГПУ, 2011. 252 с.

Бурдые П. Начала. Chosesdites / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

Бурдые П. Социология социального. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Бухарин С.Н. Методы и технологии информационных войн М.: Академический проект, 2007. 382 с.

Верилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Фонд научных исследований Прагматика культуры, 2002. 192 с.

Верилио П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 576 с.

Виг Д.Н. Технология, философия и политика // Технология и политика. Лондон. 1988. С. 14.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. / Пер. с нем. и англ. И.С. Добронравов и Д.Г. Лахути. М.: Канон+; Реабилитация, 2008. 288 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. / Пер. с нем. М. С. Козлов и Ю. А. Асеев. М.: Тнозио, 1994. 612 с.

Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1984. 320 с.

Волковский Н.Л. История информационных войн. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: Полигон, 2003. 736 с.

Гареев М.А. Россия в войнах XX века // Будущая война. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2005. 144 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335.

Гегель Г. Соч.: в 5 т. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 814 с.

Геродот. История. Книга VII. Полигимния. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.

Головин Н.Н. Наука о войне. Избранные сочинения / Н.Н. Головин; сост. И.А. Вершинина. М.: Астрель, 2008. 1008 с.

Горячев А.И., Курочко М.М., Петрий П.В., Шевцов В.М. Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: монография. М.: ВУ, 2018. 179 с.

Горячев А.И. Социально-гуманитарное знание в контексте информационной войны // Военный академический журнал. 2015. № 1 (5). С. 69-76.

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. 559 с.

Грант Д.П. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Социальные проблемы современной техники. М., 1986. С. 7.

Грешневиков А.Н. Информационная война. Книга I. Внешний фронт. Зомбирование, мифы, цветные революции. М.: Книжный мир, 2016. 534 с.

Гродненский Н.Н. Четвертая мировая: США в войне за мировое господство / Н. Гродненский. М.: Ильин, 2004. 348 с.

Громыко Ю.В. Сценарная паноппия: сценарий для России. Русский путь: новая повестка дня для президента. М., 2004. 398 с.

Грязнов А.Ф. Этическая проблематика в трудах Л. Витгенштейна // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 235-238.

Дебор Ги Э. Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.

Диксон П. Фабрики мысли. М.: Прогресс, 1976. 421 с.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Российская газета. 2016. 6 декабря.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991. 704 с.

Евгеньева Т.В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. СПб.: «Питер Пресс», 2007. 112 с.

Жаров М.В., Шевяков Т.Н. Хроники информационной войны. М.: Европа, 2009. 48 с.

Жежко-Браун И. Современная американская революция: современные технологии и динамика. М.: Новый хронограф, 2018. 320 с.

Каверин Б.И. Цивилизационная концепция войны и армия // Военно-философский вестник. 2008. № 1. С. 104-113.

Каган М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 9-14.

Калашников М. Гнев орка. М.: Астрель; АСТ, 2003. 598 с.

Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.

Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007. 704 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Эксмо, 2004. 832 с.

Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / сост. П.С. Гуревич. М., 1988. С. 28-30.

Кастельс М. Власть коммуникаций. М.: Высшая школа экономики, 2016. 564 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 321 с.

Кафтан В.В. Теория и практика массовых коммуникаций. М.: КноРус, 2018. 453 с.

Кафтан В. В., Петрий П. В. Аксиология воинского служения: монография. М.: ВУ, 2017. 372 с.

Качанов Ю.Л. Автономия и структуры социологического дискурса. М.: Университетская книга, 2010. 320 с.

Кинг Б. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018. С. 14. 528 с.

Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 864 с.

Клягин С.В. Новый образ науки в военно-социальных исследованиях. М.: ВУ, 1997. 136 с.

Клягин С.В. Социальная коммуникация: созидание человека и общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2007. № 1. С. 34.

Коровин В.М. Главная военная тайна США. Сетевые войны. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 288 с.

Котарбиньский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 249 с.;

Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Бук, 2005. 344 с.;

Ксенофонт. Анабасис. М.: Ладомир, 1994. 297 с.

Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

Кудашов В.И. Социальные технологии в обществе знания: когнитивные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4(20). Вып. 1. С. 59-64.

Лавренев С.Я. Война XXI века: Стратегия и вооружение США / С.Лавренев. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство «Астрель», ООО «Транзиткнига», 2005. 320 с.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Пер. с франц. А.К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995. 192 с.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Академический проект, 2005. 423 с.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Идиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. М.: Книжный мир, 2015. 416 с.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. Парадокс Ферми и угрозы будущего // Zavtra.ru. URL: http://zavtra.ru/blogs/paradoks_fermi_i_ugrozi_budushego (дата обращения: 18.05.2019).

Ларина Е.С. НАДЖ: от информационных войн – к поведенческим... // Изборский клуб. 2018. № 3 (59). С. 68-75.

Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014. 382 с.

Левит С.Я. Гуманитарное знание и вызовы времени / Сост. С.Я. Левит. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 480 с.

Лейбин В.М. Роль информационно-коммуникационных технологий в изменении отношений между воображаемым, символическим и реальным // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 93-102.

Лекторский В.П. Социальные технологии и человек // Философия, познание, культура. М., 2012. С. 170–180.

Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: Когито-Центр, 2016. 160 с.

Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. М.: АСТ, 1957. 221 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Эксмо, 2003. 448 с.

Лифтон Р.Д. Технология «промывки мозгов». СПб.: ПРАЙМ-ЕВРО-ЗНАК, 2005. 576 с.

Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114-125

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2015. 443 с.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., М.: Кучково поле, 2011. 464 с.

Малинецкий Г.Г. Наука и войны будущего. URL: <http://russkie-vesti.ru/novosti/nauka/nauka-i-voini-buduscego.html> (дата обращения: 21.03.2018).

Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005. 240 с.

Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 480 с.

Матвейчев О. Уши машут ослом: Современное социальное программирование. СПб.: Питер, 2014. 302 с.

Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. М.: Кучково поле, 2004. 512 с.

Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. 466 с.

Минаев С.С. Media Sapiens. Повесть о третьем сроке. М.: АСТ, 2007. 320 с.

Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. М.: Вершина, 2007. 272 с.

Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование). М.: Мир, 2004. 368 с.

Наука и социальные технологии / Ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2011. 203 с.

Некlessа А.И. Интеллектуальная мобилизация России. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2106> (дата обращения: 24.03.2018).

Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Из-во С-Петербур. ун-та, 2007. 546 с.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. СПб.: Азбука-классика, 2007. 379 с.

Оруэлл Дж. 1984. Пермь: КАПИК, 1992. 304 с.

Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 558 с.

Петрий П.В. Духовные ценности российского общества и армия: Социально-философский анализ: автореф. дис. ...док. филос. наук. М.: ВУ, 2002. 50 с.

Петрий П.В. Синергия общества и армии в аксиологическом пространстве современной России: монография. М.: ВУ, 2013. 335 с.

Полибий. Всеобщая история. СПб.: Наука, 2005. 496 с.

Попов И.М. Война будущего: взгляд из-за океана: Военные теории и концепции современных США. М: ООО «Из-во АСТ»: ООО «Из-во Астрель»: ООО «Транзиткнига», 2004. 444 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Эксмо, 2015. 256 с.

Почепцов Г.Г. Пять новых направлений трансформации информационной войны: реализованные подходы. URL: <https://psyfactor.org/psy-ops/infowar47.htm> (дата обращения: 21.06.2018).

Ранке К. Мировая война XXI века. М.: Эксмо, 2011. 256 с.

Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.

Розин В.М. К различению техники и технологии // Высокие технологии и современная цивилизация: материалы науч. конф. / отв. ред. В.С. Степин. М., 1999. С. 12.

Розин В.М. Традиционная и современная технология: (филос.-методол. анализ). М.: ИФРАН, 1998. 216 с.

Савин Л.В. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. URL: <http://e-libra.su/read/524177-novye-sposoby-vedeniya-voyny-kak-amerika-stroit-imperiyu.html> (дата обращения: 30.12.2017).

Скейхилл Д. Грязные войны: Поле битвы — Земля. М.: Кучково поле, 2015. 688 с.

Скинер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

Славин Б.Б. Рождение коллективного разума. О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия. М.: ЛЕНАНД, 2018. 285 с.

Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 381 с.

Солженицын А.И. Американские речи. Париж: YMCA-PRESS, 1975. 110 с.

Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Стариков Н.В. Промывка мозгов. Изборский клуб. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2644/> (дата обращения: 03.03.2018).

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») // Российская газета. 2015. 31 декабря.

Сунь-Цзы. Искусство стратегии. М: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 528 с.

Ткаченко С.В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

Тоффлер, Э. Тоффлер Х. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ, 2005. 416 с.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 560 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. 479 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Издательство «Ad Marginem», 1999. 408 с.

Фуко М. The atrum philosophicum. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 29-31.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. 730 с.

Фурсов А.И. Психоисторическая война. URL: <https://izborsk-club.ru/2439> (дата обращения: 18.04.2018).

Фурсов А.И. De Conspiratione: Капитализм как заговор // De Conspiratione / О заговоре: сб. монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. 552 с.

Хабермас Ю. Зверство и гуманность. Война на границе права и морали // Логос. 1999. № 5. С. 12-13.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. 382 с.

Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43-63.

Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М.: АСТ, 2015. 192 с.

Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.

Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: Пер. с англ. / Предисл. Б. П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. М.: Праксис, 2002. 320 с.

Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 288 с.

Цыганов В.В. Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология. М.: Академический Проект, 2007. 336 с.

Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М.: Центрполиграф, 2018. 751 с.

Щедровицкий П.Г. Гуманитарные технологии и реальная политика. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/70> (дата обращения: 20.03.2018).

Щербина Д.Н. Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2016. 29 с.

Щипков В.А. Смех, табу и другие гуманитарные технологии. М.: МГИМО-Университет, 2017. 240 с.

Шампань П. Делать мнение. Новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997. 317 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. Средства массовой информации и культурное господство. М.: Мысль, 1980. 326 с.

Шульц Э.Э. Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. М.: URSS. 2018. 248 с.

Эко У. Осмысляя войну // Пять эссе на темы Этики. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 44.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.

Эпштейн М. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

Юнг К. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2017. 367 с.